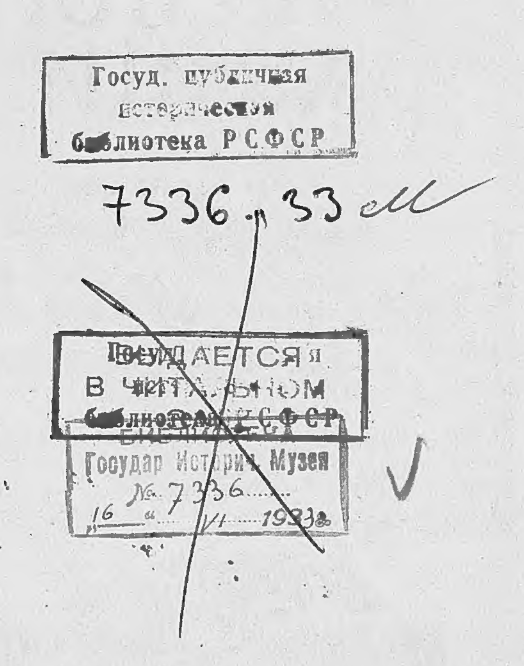
178
220

ИСТОРІЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА

КНИГ-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ
АРМІИ
И
ФЛОТА
РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ
Моск. Кн-изд. Т-во. „Образованіе"
МОСКВА.



МОСКВА.—1912.
Типографія Русскаго Товарищества, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д.
Телефонъ 18-35.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

Московскаго Книгоиздательскаго Товарищества „Образованіе“

МОСКВА, Тверская, Камергерскій, 4. Телефонъ 245-30 и 188-41.

Исторія русской арміи и флота.

Изданіе пріурочено къ столѣтію **Отечественной войны** и носитъ юбилейный характеръ.

Исторію арміи редактируютъ:

полковники генеральнаго штаба **А. С. Гришинскій** и **В. П. Никольскій.**

Исторію флота редактируетъ:

ордин. профессоръ Морской Академіи, полковникъ **Н. Л. Кладо.**

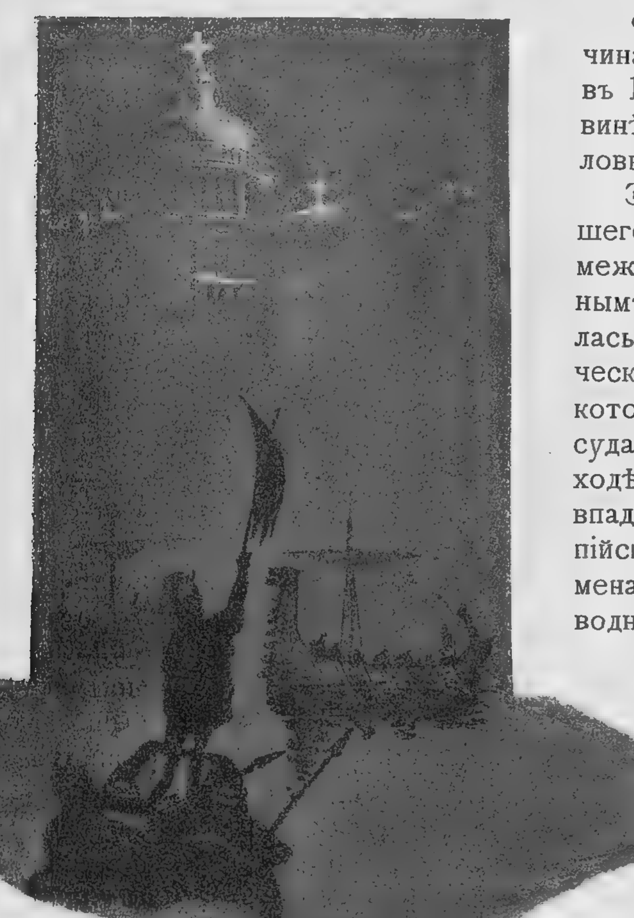
Въ изданіи принимаютъ участіе:

генер. штаба подполк. **П. М. Андріановъ**, ордин. проф. ген.-лейт. **Е. И. Аренсъ**, ордин. проф. полк. **А. К. Баіовъ**, полк. **А. Н. Виноградскій**, ген.-маіоръ **К. И. Дружининъ**, ордин. проф. ген.-маіоръ **А. Г. Елчаниновъ**, ген.-маіоръ **А. М. Заіончковскій**, лейт. **Н. Д. Каллистовъ**, старш. лейт. **Е. Н. Квашнинъ-Самаринъ**, ордин. проф. полк. **Н. Л. Кладо**, генер. штаба подполк. **А. П. Колосовъ**, лейт. **А. И. Лебедевъ**, полк. **Д. Н. Логофетъ**, заслуж. проф. и почетн. членъ Императ. Ник. воен. Академіи ген. отъ инфантеріи **Н. П. Михневичъ**, ген.-маіоръ **Д. А. Назаровъ**, старш. лейт. **А. В. Немитцъ**, полк. **П. А. Ниве**, генер. штаба полк. **В. П. Никольскій**, лейт. **Н. В. Новиковъ**, ген.-лейт. **Н. А. Орловъ**, генер. штаба полк. **Г. Д. Романовскій**, генер. штаба подполк. **А. А. Свѣчинъ**, **М. К. Соколовскій**, генер. штаба полк. **А. Д. Шеманскій**, ген.-маіоръ **М. И. Шишкевичъ**, ордин. проф. полк. **Н. Л. Юнаковъ**, ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Н. Янушкевичъ**.

Значеніе мореходства и морской силы для Россіи до Петра Великаго.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ.**

«Въ IX вѣкѣ устьемъ Невы начинался великій путь изъ Варягъ въ Греки; этимъ путемъ въ половинѣ вѣка началась Россія». (Соловьевъ).



Русскій флотъ передъ Царьградомъ въ 865—867 гг.
(Изъ книги F. T. Jane: „The Imperial Russian Navy, its past, present and future").

Эта зависимость зарожденія нашего государства отъ воднаго пути между морями Балтійскимъ и Чернымъ создалась не сразу, а явилась слѣдствіемъ выгодъ географическаго положенія племенъ, изъ которыхъ сложилось Русское государство. Разселившіяся, по приходѣ съ Дуная, по бассейнамъ рѣкъ, впадающихъ въ моря Черное, Каспійское и Балтійское, русскія племена оказались въ центрѣ двухъ водныхъ торговыхъ путей: изъ Балтійскаго моря въ Черное (р. Нева, Ладожское озеро, р. Волховъ, озеро Ильмень, р. Ловать, «волокъ» между Ловатью и Днѣпромъ, Днѣпръ—«изъ Варягъ въ Греки») и изъ Балтійскаго же и Чернаго («волоками», волжскими притоками и Волгой) въ Каспійское — такъ называемый восточный торговый путь, ведшій въ Среднюю Азію и Индію.

Постоянное общеніе съ иноземцами—скандинавами, греками, закаспійскими купцами,—провозившими черезъ русскую землю богатые то-

вары, не могло не заразить русскія племена тѣмъ же духомъ предпріимчивости, какимъ отличались иноземные купцы—воины. Изъ того, что преп. Несторъ относитъ именованіе понта Эвксинскаго (греческое названіе Чернаго моря) моремъ Русскимъ—«еже море словеть Руское»—еще къ незапамятнымъ временамъ, можно заключить, что мореходство въ Черномъ морѣ было значительно развито у насъ еще задолго до сложенія государства. Существованіе же въ до-историческія времена русскаго мореходства въ Балтійскомъ, тогда «Варяжскомъ» морѣ неоспоримо доказывается фактомъ призванія Рюрика.

Выгодное положеніе осѣвшихъ на торговыхъ водныхъ путяхъ новгородскихъ славянъ и постоянныя несогласія и раздоры между ними привлекали къ нимъ вниманіе другихъ народовъ, для которыхъ утвердить свое господство надъ Русью значило бы овладѣть исключительно богатой по своему значенію страной; попытку къ завладѣнію мѣстами, гдѣ жили новгородскіе славяне, сдѣлали варяги, обложившіе славянъ данью, но славянскія племена, сознавшія всю опасность междоусобныхъ раздоровъ, «изгнаша Варяги за море» (860 г.) и «идоша за море къ Варягомъ къ Руси» (варяго-руссамъ)—за Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ (862 г.). «Отъ тѣхъ прозвася русская земля».

Самое зарожденіе русскаго государства является, такимъ образомъ, по свидѣтельству древнѣйшаго нашего лѣтописца, неразрывно связаннымъ съ мореходствомъ и, можно предполагать, даже господствомъ на морѣ, достаточно прочнымъ для того, чтобы, по изгнаніи «за море» враждебныхъ варяжскихъ племенъ, идти тѣмъ же моремъ на поиски князя.

Призванные княжить Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ расположились на главныхъ центрахъ торговыхъ водныхъ путей; Аскольдъ и Диръ, съ согласія Рюрика, заняли Кіевъ, освободивъ его отъ зависимости отъ хазаръ.

Первыя же страницы русской исторіи открываются морскими походами на Византію и Болгарію, изъ которыхъ—а ихъ было, несомнѣнно, больше—въ исторіи остались отмѣченными девять. Въ большинствѣ случаевъ цѣлью походовъ было желаніе воспользоваться затруднительными моментами въ исторіи Византіи, для полученія богатой добычи.

Первый походъ. Въ 866 году Аскольдъ и Диръ съ дружиной спустились Днѣпромъ въ Черное море, прошли Босфоръ и явились передъ стѣнами Константинополя. Византійскій императоръ Михаилъ III находился въ отсутствіи, въ походѣ противъ агарянъ; войскъ въ Константинополѣ почти не было, и русскій флотъ, состоявшій изъ 200 слишкомъ судовъ, явился для столицы Византіи грозной, внушительной силой. Константинопольскій патріархъ Фотій, отслуживъ молебенъ, погрузилъ въ волны Босфора икону Влахернской Божіей Матери; совершилось чудо: произошла буря и большая часть русскихъ судовъ погибла въ волнахъ; съ остальными Аскольдъ и Диръ вернулись прежнимъ путемъ къ Кіеву.

Не многіе изъ русскихъ людей, повторяя за всеношной молитву «Взбранной Воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ», знаютъ,

Русскій флотъ передъ Константинополемъ въ 866 году.

(Икона русскаго письма Симона Ушакова XVII вѣка—«Взбранной Воеводѣ»).

Изъ книги проф. Н. В. Покровскаго «Очерки памятниковъ христіанскаго искусства и иконографіи».

что молитва эта, сложенная патріархомъ Фотіемъ въ прославленіе Божіей Матери, является однимъ изъ доказательствъ ощутительной силы древняго русскаго мореходства, и что «злыми», за избавленіе отъ которыхъ Византіи православная церковь приноситъ Богоматери благодаренія во всѣхъ необъятныхъ углахъ Россіи, являются наши предки—русскій, тогда языческій флотъ, грозившій Константинополю.

Второй походъ тѣхъ же Аскольда и Дира совершенъ былъ въ слѣдующемъ 867 году; русскія суда грабили берега Чернаго моря, но до Босфора не дошли: Византійскій императоръ поторопился заключить миръ, по которому Аскольду и Диру достались богатые дары—золото, серебро и шелковыя ткани. Первые два похода послужили къ обращенію Аскольда и Дира и нѣкоторыхъ дружинниковъ въ христіанство.

Третій походъ, предпринятый княземъ Олегомъ въ 907 году, совершенъ былъ на 2000 судахъ; только конница была отправлена сухимъ путемъ. При появленіи русскаго флота передъ Константинополемъ греки завели передъ гаванью боны, но Олегъ обошелъ это препятствіе: суда были поставлены на катки и перетащены берегомъ къ гавани. Изъ опасенія разгрома столицы грекамъ пришлось согласиться на невыгодный миръ: Олегъ получилъ денежную дань, разсчитанную по 12 гривенъ на каждое русское судно и, кромѣ того, большую сумму на содержаніе княжескихъ воеводъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полоцкѣ и другихъ русскихъ городахъ; въ знакъ побѣды и примиренія съ греками щитъ Олега былъ прибитъ къ городскимъ вратамъ Константинополя. Въ договорѣ, заключенномъ въ 912 году въ Константинополѣ послами Олега съ греками, отношенія Руси и Византіи были приведены къ союзу и были установлены нормы взаимныхъ морскихъ торговыхъ сношеній.

Четвертый походъ. Въ іюнѣ 941 г. князь Игорь, нарушивъ миръ, явился передъ Босфоромъ съ флотомъ изъ 1000 судовъ (нѣкоторые историки опредѣляютъ число судовъ въ 10 и даже 15 тысячъ, но эти цифры вѣроятнѣе отнести къ слѣдующему походу Игоря); высаженные на берегъ воины принялись разорять и грабить окрестности; суда же стояли у входа въ Босфоръ по обѣ стороны входа. Наскоро снаряженный греческій флотъ изъ 15 кораблей, вышедшій къ русскимъ судамъ, обратилъ противъ нихъ страшное по тѣмъ временамъ оружіе—«греческій огонь»—зажигательный составъ, выбрасывавшійся изъ особыхъ трубъ и имѣвшій свойство горѣть на водѣ. Греческій огонь оказался губительнымъ для флота Игоря: множество русскихъ судовъ сгорѣло, при чемъ погибло много воиновъ, искавшихъ спасенія въ водѣ.

Уйдя отъ Босфора къ Малой Азіи, Игорь произвелъ высадку у береговъ Виѳиніи, выдержалъ у Ѳракійскихъ береговъ неудачное сраженіе съ греческимъ флотомъ и въ сентябрѣ вернулся въ Кіевъ.

Пятый походъ. Послѣ неудачнаго похода 941 года князь Игорь неустанно собиралъ силы для новаго нападенія на Византію. Къ новому морскому походу были призваны, кромѣ русскихъ, варяги и печенѣги. Въ 944 г. русскій флотъ вышелъ въ Черное море въ такомъ количествѣ судовъ, что правители таврическихъ колоній поспѣшили донести въ

Константинополь, что «русскіе корабли безъ числа покрыли собою море». Одновременно съ флотомъ Игорь, по примѣру Олега, направилъ къ Константинополю сухимъ путемъ конницу. Устрашенный надвигающейся надъ столицею грозой, византійскій императоръ Романъ поспѣшилъ предложить Игорю дань. Императорскіе послы встрѣтили Игоря у устья Дуная, и оттуда, получивъ богатые дары, Игорь вернулся съ флотомъ и дружинами въ Кіевъ. Союзный договоръ, заключенный съ Византіей въ слѣдующемъ году, составленъ былъ по образцу договора Олега, но изворотливые греческіе дипломаты добились для Византіи сравнительно большихъ выгодъ.

Шестой походъ совершенъ былъ въ 967 году княземъ Святославомъ въ качествѣ союзника Византіи противъ дунайскихъ болгаръ. Святославъ съ 60-тыс. войскомъ отправился моремъ изъ Днѣпра въ Дунай, завоевалъ Болгарію и прочно утвердился въ городѣ Преславѣ. Извѣстіе объ осадѣ Кіева печенѣгами заставило Святослава оставить Болгарію и спѣшить на защиту своей столицы, и хотя Кіевъ былъ освобожденъ еще до прибытія Святослава, но князю, по просьбѣ его матери, св. Ольги, пришлось остаться въ Кіевѣ.

Седьмой походъ совершенъ Святославомъ уже по кончинѣ св. Ольги, въ 970 году. Флотъ въ числѣ около 250 судовъ явился снова къ Дунаю, и Святославу вторично пришлось брать Преславу. Утвержденіе Святослава въ Болгаріи сильно обезпокоило Византію, императоръ Іоаннъ Цимисхій сталъ готовиться къ войнѣ, но, предупрежденный Святославомъ, двинувшимся со своими войсками къ Адріанополю и Филиппополю и намѣревавшемуся итти на Царьградъ, былъ вынужденъ откупиться богатою данью и заявить о своихъ мирныхъ цѣляхъ. Въ слѣдующемъ 971 году вѣроломствомъ Цимисхія[1]) Святославъ былъ поставленъ въ почти безвыходное положеніе, когда на него, съ малочисленной дружиной, при Доростолѣ (нынѣшняя Силистрія) обрушился императоръ. Осажденный въ Доростолѣ русскій отрядъ испытывалъ большую нужду въ съѣстныхъ припасахъ, и только помощь со стороны флота дала возможность временно справиться съ этою нуждой. Русскія суда съ экипажемъ въ 2000 человѣкъ въ бурную ночь вышли отъ Доростола и, несмотря на присутствіе греческаго флота, обошли окрестное побережье, производили высадки, захватили запасы хлѣба въ при-Дунайскихъ селеніяхъ, истребили множество грековъ и благополучно вернулись къ Доростолу. 22 іюля 971 года подъ стѣнами Доростола произошло рѣшительное сраженіе Святослава съ войсками Цимисхія; неопредѣленный исходъ неравнаго боя привелъ къ мирнымъ переговорамъ, послѣ которыхъ, обязавшихъ не воевать противъ Византіи и Болгаріи, Святославъ со своими войсками направился на флотѣ къ Днѣпру и вскорѣ же погибъ въ битвѣ съ печенѣгами.

Восьмой походъ. (См. «Ист. Арм. и Фл.» Т. I, стр. 20).

Девятый походъ на Византію относится къ 1043 г. Великій князь Ярославъ, извѣщенный объ убійствѣ въ Константинополѣ одного

---

1) См. «Ист. Арм. Фл.». Т I, стр. 15 и дальше.

русскаго, отправилъ къ Царьграду флотъ подъ начальствомъ своего юнаго сына Владиміра, удѣльнаго князя Новгородскаго. Доставленное особыми послами письмо императора Константина Мономаха, въ которомъ тотъ просилъ не нарушать мира и обѣщалъ строго наказать убійцъ, не удовлетворило новгородскаго князя: русскій флотъ явился передъ Босфоромъ и расположился въ боевомъ порядкѣ у Фара. Императоръ самъ вышелъ съ греческимъ флотомъ противъ Владиміра, снова предложилъ Владиміру миръ, но юный князь гордо отвѣчалъ: «Соглашаюсь, если вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждаго моего человѣка». Соглашеніе не состоялось, и по сигналу византійскаго императора завязался бой. Три непріятельскія галеры врѣзались въ середину русскаго флота и зажгли греческій огонь. Чтобы спастись отъ пламени, Владиміръ съ флотомъ снялся съ якоря, но разыгравшаяся въ это время жестокая буря оказалась для русскихъ губительнѣе огня: значительное число судовъ погибло, пошло ко дну и княжеское судно, при чемъ самъ Владиміръ былъ подобранъ изъ воды дружинниками; большая часть русскаго войска высадилась на берегъ и была перебита и захвачена въ плѣнъ греками. Владиміръ же, ушедшій съ судами отъ Босфора, произвелъ нападеніе на греческій флотъ, высланный изъ Константинополя императоромъ въ погоню за русскими. У сѣверныхъ береговъ Чернаго моря непріятельскій флотъ, въ составѣ 24 галеръ, подъ командою адмирала стоявшій въ заливѣ, былъ яростно атакованъ Владиміромъ. Юный новгородскій князь одержалъ блестящую побѣду: въ разгарѣ отчаяннаго боя русскія суда сцѣпились съ непріятелемъ на абордажъ и частью истребили, частью захватили всѣ греческія галеры; греческій адмиралъ былъ убитъ. Съ остатками своего флота и войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ добычею и множествомъ плѣнныхъ вернулся Владиміръ къ Кіеву, и этимъ закончился послѣдній морской византійскій походъ.

Изъ числа другихъ морскихъ походовъ за этотъ же періодъ надо особо выдѣлить походы русскихъ въ Средиземное и Каспійское моря.

Первыя извѣстія о походѣ въ Средиземное море относятся къ 935 году, когда въ качествѣ союзныхъ, послѣ договора Олега, русскія суда ходили съ греческимъ флотомъ къ берегамъ Италіи. Второй походъ, также совмѣстно съ греками, былъ совершенъ въ 949 году, когда въ греческомъ флотѣ, посланномъ къ острову Криту, считалось девять русскихъ кораблей и 600 человѣкъ воиновъ. Имѣются указанія, что въ 960—964 годахъ русскіе участвовали въ покореніи Крита, въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Сиріи и на островѣ Сициліи.

Особое мѣсто въ средиземноморскихъ походахъ надо отвести Хрисохиру, какъ его называютъ византійскіе историки—смѣлому и предпріимчивому русскому мореходцу, пришедшему моремъ съ отрядомъ въ 800 человѣкъ послѣ кончины св. Владиміра въ Константинополь. Выставивъ предлогомъ своего прихода желаніе вступить на византійскую службу, Хрисохиръ, называвшій себя родственникомъ кн. Владиміра, прорвался черезъ Дарданеллы, разбилъ у города Абидоса отрядъ греческихъ су-

довъ и вышелъ въ Архипелагъ. Здѣсь, послѣ разбойныхъ нападеній на острова, Хрисохиръ былъ настигнутъ греками у острова Лемноса, въ бою взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Русскіе походы въ Каспійскомъ, называвшимся тогда Хвалынскимъ, морѣ начинаются, по извѣстіямъ персидскихъ историковъ, неудачными дѣйствіями подъ городомъ Абесгуномъ (на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря) въ 880 и 910 годахъ. Въ 914 году русскіе на 500 судахъ спустились Волгой, черезъ владѣнія и съ разрѣшенія хазаръ, въ Каспійское море, основались на островѣ, лежащемъ противъ Баку, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ грабили, жгли и опустошали западное, восточное и южное побережья; изъ участниковъ похода очень немногимъ суждено было вернуться; громадное большинство было истреблено въ постоянныхъ битвахъ съ туземцами.

Въ 944 году, одновременно со вторымъ византійскимъ походомъ Игоря, русскіе снова появились въ Каспійскомъ морѣ. Волгою они прошли на судахъ въ море, поднялись по рѣкѣ Курѣ, разбили непріятеля и взяли городъ Берда (развалины этого богатаго города сохранились до сихъ поръ). Тридцатитысячное войско адербейджанскаго правителя было успѣшно отражено русскими, но свирѣпствовавшія эпидемическія болѣзни принудили ихъ удалиться изъ каспійскихъ земель.

Черезъ два съ четвертью вѣка, въ 1175 году, южные и западные берега Каспійскаго моря снова подверглись нападенію русскихъ, пришедшихъ съ флотомъ изъ 72 судовъ и занявшихъ на нѣкоторое время Шемаху.

Сѣверные морскіе походы по морямъ Балтійскому и Бѣлому и Ледовитому океану совершались почти исключительно новгородцами. Географическое положеніе Новгорода въ начальномъ раіонѣ пути изъ Варягъ въ Греки дѣлало новгородцевъ посредниками въ торговлѣ Сѣверной Европы съ Востокомъ. Вынужденные стоять на стражѣ обогащавшаго ихъ пути, новгородцы пріобрѣтали, вмѣстѣ съ торговой складкой, духъ предпріимчивости и отваги.

Свѣдѣнія о плаваніяхъ новгородцевъ относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ первые византійскіе походы. Въ XI столѣтіи новгородцы, выйдя изъ Бѣлаго моря, завоевали Біармію, въ то время независимую, густо населенную и богатую всякими промыслами страну, лежащую по Печорѣ и Сѣверной Двинѣ, и у устья Двины построили (въ XII вѣкѣ) монастырь св. Михаила Архангела; отсюда они совершали плаванія для промысловъ и торговли на Новую Землю, въ Карское море, къ р. Оби и Енисею. Въ этихъ плаваніяхъ по Ледовитому океану, сопряженныхъ съ тяжелой борьбой со льдами и вѣчными лишеніями, тогдашніе новгородцы опередили всѣхъ: до XIV вѣка никто изъ народовъ Европы, даже прославленные норманы, не совершали такихъ далекихъ плаваній на Сѣверъ.

Съ 1130 года имѣются указанія на плаванія русскихъ судовъ съ товарами въ Балтійскомъ морѣ, къ острову Готланду (на немъ, въ городѣ Висби, новгородцы даже имѣли свой гостиный дворъ и церковь) и Даніи, съ 1157—къ Шлезвигу.

Значеніе Новгорода росло очень быстро, и въ томъ же XII вѣкѣ Великій Новгородъ вступилъ полноправнымъ, если не главнымъ, членомъ въ ганзейскій союзъ — торговый союзъ приморскихъ городовъ. Участіе Новгорода въ союзѣ выразилось не только въ посреднической дѣятельности на мѣстѣ, но и въ посылкѣ своихъ кораблей съ товарами для заграничной торговли во всѣ страны Европы.

Въ томъ же XII вѣкѣ начинается борьба новгородцевъ со шведами. Ревниво относясь къ успѣхамъ Новгорода и сознавая, что этими успѣхами русскіе обязаны своему положенію въ морской торговлѣ, Швеція ставила своею цѣлью возможно большее оттѣсненіе русскихъ отъ моря. Со времени утвержденія шведовъ въ Або (1157 годъ) столкновенія Швеціи съ Новгородомъ свелись къ борьбѣ за обладаніе Финляндіей и владѣніе теченіемъ Невы.

На первые неудачные морскіе набѣги шведовъ на Ладожское озеро 1142 и 1164 г.г., отраженные новгородцами съ большимъ для шведовъ урономъ, новгородцы отвѣтили морскимъ походомъ на Швецію въ 1187 (или 1188) годахъ. Русскія суда явились въ самое сердце Швеціи, къ цвѣтущему и многолюдному городу Ситгуну, лежащему на озерѣ Меларъ за стокзундскимъ протокомъ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Стокгольмъ. 14 іюля Ситгунъ былъ до основанія разрушенъ новгородцами и съ тѣхъ поръ навсегда потерялъ свое былое значеніе. Новгородцы вернулись домой съ богатѣйшею добычей. Въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, въ придѣлѣ Рождества Богородицы, до сихъ пор стоитъ одинъ изъ трофеевъ этого похода—двухстворчатыя мѣдныя врата, такъ называемыя «шведскія», снятыя новгородцами въ Ситгунскомъ храмѣ и ими же установленныя въ Софійскомъ соборѣ по возвращеніи съ моря.

Въ 1191 году новгородцы съ большимъ флотомъ явились въ Финляндію и разорили все населенное шведами прибрежье Финскаго и частью Ботническаго заливовъ.

Разореніе Ситгуна и Финляндіи обратило на новгородцевъ вниманіе Римскаго Папы Григорія IX. Объявленный имъ противъ русскихъ крестовый походъ привелъ въ Неву въ 1240 году «множество много зѣло» шведскихъ и финскихъ судовъ. У устья Ижоры они были встрѣчены новгородцами, и здѣсь 15 іюля произошло сраженіе, давшее побѣдителю, новгородскому князю св. Александру, названіе Невскаго. Въ сраженіи, въ числѣ прочихъ, погибли начальникъ шведскаго флота и епископъ; нагрузивъ два судна тѣлами убитыхъ знатныхъ лицъ, шведы похоронили остальныхъ на берегу и въ ночь того же 15 іюля ушли въ море.

Столкновенія со шведами почти не отражались на морской торговлѣ новгородцевъ. Ганзейскій союзъ находилъ могущественныхъ покровителей въ заинтересованныхъ государствахъ Европы, и значеніе Новгорода, какъ посредника въ международной торговлѣ, все возрастало.

Знаменитая новгородская вольница (ушкуйники), совершавшая разбойные набѣги на Норвегію и наши волжскіе города, была порожденіемъ того же духа предпріимчивости и отваги, какимъ славился и какимъ создался Господинъ Великій Новгородъ.

Перечисленные выше русскіе морскіе походы древняго періода неопровержимо доказываютъ, что природѣ русскаго человѣка съ незапамятныхъ временъ было близко, родственно море.

Участники походовъ были, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, «люди охочіе къ морю». «Охота», любовь къ морю заставляла ихъ совершать рискованныя плаванія, не всегда даже въ цѣляхъ государственной необходимости, а скорѣе изъ молодечества, жажды добычи и гордаго сознанія своей силы, передъ которой дрожали Константинополь, Ситгунъ и персидскіе города. Для походовъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ этотъ рискъ былъ двойной: постоянная опасность со стороны самой стихіи и возможность отпора со стороны сильнѣйшаго непріятельскаго флота.

Греческій флотъ, напримѣръ, стоялъ на высотѣ всѣхъ отраслей тогдашняго военно-морского искусства и имѣлъ передъ русскимъ всѣ преимущества опыта, какой имѣлся у него по безконечнымъ войнамъ съ сарацинами и другими врагами въ Средиземномъ морѣ. Греческій флотъ уже и тогда имѣлъ стройную организацію, походные и боевые строи, лучшее по тогдашнему времени боевое вооруженіе судовъ (башни на носу и кормѣ, машины для метанія каменныхъ снарядовъ, мачты съ бесѣдками для стрѣлковъ, греческій огонь, экипажъ отъ 150 до 300 человѣкъ), опредѣленные тактическіе пріемы, даже литературу по морской тактикѣ. Русскія же суда представляли собою выдолбленные изъ одного дерева челноки съ прилаженными къ нимъ набойными досками. На малый размѣръ этихъ судовъ указываетъ то обстоятельство, что число воиновъ—они же и гребцы—на каждомъ суднѣ разными древними авторами опредѣляется въ 40—60 человѣкъ.

Очевидное преимущество греческихъ судовъ передъ русскими и очень слабыя морскія качества русскихъ судовъ только подчеркиваютъ безумную отвагу нашихъ предковъ. Совершить переходъ на подобной ладьѣ Чернымъ моремъ, въ условіяхъ его, часто очень бурной, погоды въ наше время считалось бы за подвигъ: тѣмъ болѣе замѣчательны походы къ Босфору цѣлыми флотами въ сотни и тысячи такихъ судовъ.

Это, относясь и къ новгородцамъ, доказываетъ, что древніе русскіе мореходцы, помимо того, что были «охочими къ морю», были людьми, прекрасно знавшими море и обладавшими въ высокой степени умѣньемъ бороться съ капризной стихіей.

Древніе морскіе походы, естественно, оставили слѣдъ въ русскомъ былинномъ эпосѣ, такъ полно и вѣрно отражающемъ народную душу. Народное воображеніе любовно и художественно разукрасило корабли, на которыхъ, по сказанію былинъ, плавали русскіе богатыри—Василій Буслаевичъ, Соловей Будиміровичъ, Садко и др.; на этихъ фантастическихъ корабляхъ—и яхонты, и черные соболя, и горностаи, и бархатъ, и бѣлые медвѣди, и лисицы бурнастыя. Особенно интересна былина о плаваніи Каспійскимъ моремъ (?) ко святому граду Іерусалиму Василія Буслаевича.

Интересно и то, что былины дѣлаютъ морякомъ и заставляютъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ плавать въ Каспійскомъ морѣ даже такого, соста

вившаго себѣ репутацію сухопутнаго и исключительно приверженнаго къ землѣ богатыря, какъ знаменитый Илья Муромецъ:

„Ужъ какъ по морю, по морю синему,
По синему было морю, по Хвалынскому;
Тутъ плыветъ Соколъ корабль по тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
Ко крутому бережку не причаливалъ,
И онъ желтова песку не видывалъ.
А бока-то сведены по туриному,
А носъ да корма по змѣиному;
Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ“.

Говоря о значеніи нашихъ древнихъ морскихъ походовъ, надо признать, что они были явленіемъ безсознательнымъ, почти стихійнымъ: въ большинствѣ случаевъ они не преслѣдовали опредѣленныхъ задачъ государственнаго строительства, и это особенно относится къ походамъ на Византію.

Но это не уничтожаетъ всѣхъ неизгладимыхъ слѣдовъ, оставленныхъ морскими походами на исторіи Россіи. Русскія племена сложились въ государство не изъ крѣпости ядра Кіевскаго или Новгородскаго, а отъ воздѣйствія на тѣ же Кіевъ и Новгородъ разнородныхъ вліяній морей (въ политическомъ ихъ значеніи) Балтійскаго и Чернаго, соединявшихъ великій путь изъ Варягъ въ Греки. (Дальнѣйшее собираніе Руси около Московскаго ядра—процессъ обратный).

Мореходствомъ (изгнаніе враждебныхъ варяговъ за море, призваніе изъ-за моря Рюрика) открывается первая страница Русской исторіи, какъ кристаллизація «Русскаго государства» изъ разрозненныхъ, до того времени, славянскихъ племенъ.

Мореходство привело Россію къ христіанству. Обращеніе въ христіанство началось съ первыхъ же морскихъ походовъ Аскольда и Дира, и началось подъ вліяніемъ близкаго, хотя и враждебнаго и временнаго, общенія съ Византіей. Послѣдующіе морскіе походы укрѣпляли это общеніе, и восьмой походъ, кн. Владиміра, сдѣлалъ христіанство русской государственной религіей.

Мореходство же (морскія торговыя сношенія Кіева съ Византіей и Новгорода съ Сѣверной и Западной Европой происходили, прерываясь походами, почти 200 лѣтъ) положило начало культурной эволюціи древней Руси, вмѣстѣ съ вѣрой пересадило на русскую почву византійское искусство, ввело Русь въ соприкосновеніе съ византійскимъ и западнымъ просвѣщеніемъ, промышленностью, государственными и правовыми нормами.

Сложившаяся благодаря мореходству въ государство и отъ мореходства же получившая христіанство, просвѣщеніе и культуру, Русь ушла въ себя. Періодъ удѣловъ, періодъ дробленія и внутреннихъ раздоровъ положилъ первую преграду дальнѣйшему развитію мореходства, которое было мыслимо только при условіяхъ политическаго единства

русскихъ племенъ. Это была причина внутренняя; внѣшнія же причины упадка русскаго мореходства съ XIII вѣка были еще ощутимѣе.

Отъ южныхъ морей—Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго—Русь была отрѣзана основавшимися тамъ татарскими царствами; впослѣдствіи, въ 1453 году, пала Византія, и Константинополь, переименованный новыми владыками въ Стамбулъ, сдѣлался столицей могущественной Османской имперіи.

Героическая борьба новгородцевъ за Балтійское море продолжалась значительно дольше, но должна была окончиться побѣдою болѣе сильныхъ — шведовъ. Построенные шведами для загражденія выхода русскимъ въ море Выборгъ, Ландскрона и Нарва желѣзнымъ кольцомъ охватили выходъ изъ Невы въ море; для обороны Ладожскаго озера новгородцы построили въ 1323 году крѣпость Орѣшекъ (впослѣдствіи переименованную шведами въ Нотебургъ, Петромъ Великимъ въ Шлиссельбургъ). Постоянныя нападенія шведовъ и стѣсненія ими морской торговли принудили новгородцевъ заключить мирный договоръ, по которому Швеціи отошла большая часть Финляндіи и Кareліи, за Новгородомъ же остались Нева и земли у Финскаго залива между рѣками Наровой и Сестрою. Морская торговля, для огражденія свободы которой новгородцы пошли на такія большія жертвы, послѣ этого кое-какъ продолжалась, но съ уничтоженіемъ вольности Господина Великаго Новгорода и перехода власти надъ нимъ къ Москвѣ, окончательно пала.

Но если новгородцы все-таки отстояли и передали Москвѣ выходъ Невою въ Балтійское море, то полочане, владѣвшіе устьемъ западной Двины, постепенно оттѣснялись и были, наконецъ, совсѣмъ оттиснуты отъ моря. Отсутствіе морской силы дѣлало ихъ безмолвными свидѣтелями того, какъ, начиная съ 1152 года, къ Двинѣ приходили корабль за кораблемъ, высаживались иноземные купцы. Купцы превращались въ миссіонеровъ, миссіонеры—въ рыцарей-меченосцевъ, и черезъ 50 лѣтъ Ливонія покрылась сѣтью рыцарскихъ замковъ, а Рига и Ревель сдѣлались твердынями ордена.

Указанныя причины привели русское мореходство къ долгому упадку. Къ воцаренію Іоанна Грознаго Россія владѣла только частью финскаго берега, выходомъ изъ Невы въ Балтійское море и далекими Бѣлымъ моремъ и частью береговъ Ледовитаго океана.

Въ историческомъ пути, которымъ шло стремленіе Россіи къ морю, Іоаннъ Грозный занимаетъ выдающееся мѣсто. Первый Русскій Царь, онъ первый глубоко созналъ необходимость для Московскаго царства свободныхъ выходовъ къ морямъ и первый остро почувствовалъ настоятельную нужду въ военномъ флотѣ. То, что въ періодъ древнихъ морскихъ походовъ было почти безсознательнымъ, у Іоанна вылилось въ продуманную, настойчивую, даже навязчивую идею.

Покореніемъ Казани и Астрахани Грозный снова привелъ Россію къ Каспійскому морю, взятіемъ въ 1558 году Нарвы создалъ второй Великій Новгородъ; моря Бѣлое и Черное оживились при немъ: Бѣлое морской торговлей, Черное морскими набѣгами Адашева и казаковъ.

Борьбѣ за Ливонію и Прибалтійскій край Іоаннъ придавалъ такое исключительное значеніе, что до конца дней своихъ не оставлялъ своей мысли о союзѣ съ Англіей, желая даже укрѣпить этотъ союзъ бракомъ съ императрицей Елизаветой или съ какой-либо изъ англійскихъ принцессъ, въ разсчетѣ на то, что союзная Англія своимъ флотомъ навсегда обезопаситъ для Россіи владѣніе Балтійскимъ моремъ.

Уничтоживъ съ покореніемъ Новгорода участіе новгородцевъ въ ганзейскомъ союзѣ, Іоаннъ для того же ганзейскаго союза открылъ Нарву и разными льготами привлекъ въ нее, кромѣ ганзейскихъ, торговыя суда англійскія, французскія, норвежскія, итальянскія, голландскія. Черезъ Нарву въ Россію хлынула волна новыхъ товаровъ, новаго просвѣщенія и новыхъ идей. Встревоженный возроставшимъ значеніемъ Московскаго царства, Польскій король Сигизмундъ - Августъ писалъ въ Англію королевѣ Елизаветѣ:

«Москаль ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву; ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему Величеству не безызвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ; но если плаванія въ Нарву будутъ продолжаться, то что останется ему неизвѣстнымъ?»...

Недолговременное (1558—1581 гг.) владѣніе Нарвой оставило въ Россіи особенно замѣтный слѣдъ проникновеніемъ въ Москву новыхъ промышленныхъ и техническихъ знаній, отразившихся главнымъ образомъ на русскомъ искусствѣ, пышный расцвѣтъ котораго относится какъ разъ къ XVI—XVII вѣкамъ.

Еще раньше, чѣмъ была открыта для морской торговли Нарва, случайное обстоятельство положило начало морскимъ торговымъ сношеніямъ побережій Бѣлаго моря съ Западной Европой.

23 мая 1553 года изъ Гарвича (въ Англіи) вышли къ Ледовитому океану три корабля, снаряженные англо-венеціанской компаніей для отысканія новыхъ земель и пути черезъ Ледовитый океанъ въ Китай. Два корабля были пригнаны бурею къ берегамъ Бѣлаго моря и экипажи ихъ погибли отъ холода и голода; уцѣлѣвшій третій корабль добрался до населенныхъ мѣстъ, и царь Іоаннъ, которому холмогорскія власти донесли о прибытіи англійскаго судна, пригласилъ капитана корабля, Ченслера, въ Москву. Въ Москвѣ Ченслеръ убѣдился въ искренности стремленія Іоанна къ заведенію въ Бѣломъ морѣ морскихъ торговыхъ сношеній съ Англіей и, по возвращеніи въ Англію основалъ, «Fellowship of english merchants of new trades» (англійская торговая компанія для открытія новыхъ торговыхъ путей), называвшуюся въ Англіи просто «Московской компаніей». Бѣлое море стало оживленнымъ торговымъ пунктомъ; развившаяся дѣятельность понудила впослѣдствіи, въ 1584 году, основать

въ устьѣ Сѣверной Двины, по сосѣдству съ древнимъ монастыремъ, городъ Архангельскъ. Англичане всячески добивались торговой монополіи, но имъ было трудно бороться съ конкуренціей голландскихъ, норвежскихъ, датскихъ, французскихъ и даже венеціанскихъ купцовъ, направлявшихъ свои корабли по слѣдамъ англичанъ въ Бѣлое море.

10 іюля 1556 года на трехъ корабляхъ (изъ нихъ два потерпѣли крушеніе) была отправлена изъ Бѣлаго моря въ Англію первая большая партія русскихъ товаровъ съ вологодскимъ намѣстникомъ Непѣемъ. Въ Англію шли русское сало, воскъ, деготь, ленъ, конопля и мѣха.

Вскорѣ по возвращеніи Непѣя изъ Англіи, гдѣ онъ успѣлъ добиться разныхъ привиллегій для русской торговли и, между прочимъ, разрѣшеніе на отъѣздъ въ Россію по вызовамъ царя англійскихъ техниковъ, инженеровъ и врачей, Англіи было предоставлено исключительное право имѣть торговый флотъ въ Москвѣ и склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ, Юрьевѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани и безпошлинный провозъ товаровъ въ Среднюю Азію—Бухару и Самаркандъ.

Впослѣдствіи, изъ-за несогласій съ Грознымъ по вопросу о бракѣ царя и отказа въ помощи Россіи для возвращеніи Прибалтійскаго края и Ливоніи, Англія лишилась своихъ монополій, и морская торговля во вновь основанномъ Архангельскѣ отошла къ Голландіи.

Открывшееся при Грозномъ же англійское торговое судоходство въ Каспійскомъ морѣ (доставка средне-азіатскихъ товаровъ воднымъ путемъ через Каспійское море и Волгу въ Европу) началось съ 1558 года и продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока участившіяся нападенія на англійскія суда на Волгѣ разбойниковъ окончательно не подорвали дѣла.

При Іоаннѣ же Грозномъ возникло русское мореходное предпріятіе именитыхъ людей Строгановыхъ, заказавшихъ «нѣмецкимъ» мастерамъ постройку двухъ кораблей на Сѣверной Двинѣ; дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ построенныхъ кораблей не имѣется, но есть основанія полагать, что они должны были идти къ Новой Землѣ для развѣдки находившихся тамъ, какъ тогда полагали, серебряныхъ пріисковъ.

Походъ въ Черное море воеводы Адашева въ 1559 году былъ единственнымъ въ царствованіе Грознаго Московскимъ морскимъ походомъ. Отправленный съ 8000 московскаго войска и казаковъ для наказанія Крымскихъ татаръ за набѣги хана Девлетъ-Гирея, Адашевъ построилъ на Днѣпрѣ суда и вышелъ на нихъ въ море, къ крымскимъ берегамъ; на пути онъ взялъ два турецкихъ судна, одно подъ Очаковымъ, другое—южнѣе Кинбурна. Высадившись у полуострова Хорлы на берегъ, Адашевъ двѣ недѣли громилъ и сжигалъ окрестныя селенія, захватилъ богатую добычу, освободилъ русскихъ плѣнныхъ и благополучно вернулся въ Днѣпръ.

Оживленіе морской дѣятельности на прилегающихъ къ Россіи моряхъ не могло быть такимъ кратковременнымъ, если бы у Іоанна существовалъ флотъ. Широко развившаяся торговля въ Нарвѣ, каспійское

торговое судоходство, опытъ морского похода Адашева — все это, для дальнѣйшаго развитія и использованія, настоятельно требовало военнаго флота. Но положить начало военному судостроенію, уже въ то время требовавшему значительныхъ знаній и силъ, хотя бы въ одномъ изъ морей, было не подъ силу Іоанну, и даже не столько Іоанну, сколько тогдашнему, переживавшему внутренній кризисъ, Московскому царству.

Просьба Іоанна къ Елизаветѣ о присылкѣ людей, свѣдущихъ «въ кораблестроеніи и кораблевожденіи», осталась неисполненной...

Отсутствіе русской морской силы не замедлило сказаться. Во вторую половину царствованія Іоанна Грознаго Россія потеряла не только Нарву, но и древнія русскія крѣпости Ивангородъ, Ямъ и Копорье, отошедшія къ Швеціи; Ливонія еще раньше отошла къ Польшѣ.

Выше было указано, что союзомъ съ Англіей Іоаннъ Грозный мечталъ приспособить англійскій флотъ для защиты Балтійскаго побережья. Эта мысль, которую, при безнадежности въ то время всякихъ попытокъ быстро создать свой русскій флотъ, такъ лелѣялъ Іоаннъ Грозный, со стороны Англіи встрѣтила несочувствіе не только по связи съ брачнымъ вопросомъ, но и по опасеніямъ создать своею помощью могущественную Россію, на что такъ настойчиво указывали король Польскій и Шведскій.

Раздраженный отказомъ Елизаветы вступить съ нимъ въ бракъ и оказать помощь флотомъ, Іоаннъ Грозный въ минуты гнѣва писалъ королевѣ:

«А ты сама пошлая дѣвица, и ведешь себя какъ таковая. Я отказываюсь поддерживать съ тобою сношенія. Москва можетъ обойтись и безъ англійскихъ мужиковъ».

Позднѣе же, при вторичной просьбѣ Іоанна объ оказаніи ему помощи флотомъ въ борьбѣ за Ливонію, переговоры были оставлены изъ-за безтактности англійскаго посла, усомнившагося въ справедливости русскихъ притязаній на Ливонію, которую Грозный назвалъ «нашею вотчиной». Послу пришлось выслушать отъ разгнѣваннаго царя полный достоинства отвѣтъ: «Мы не просимъ королеву быть судьею между Нами и королемъ Польши». И переговоры о флотѣ прервались.

Если послѣдующія кратковременныя царствованія почти не измѣнили положенія Россіи въ отношеніи выхода къ морямъ, то смутное время и воцареніе Михаила Ѳедоровича отмѣчены въ этомъ смыслѣ тяжелой утратой, понесенной Россіей по столбовскому миру со Швеціей въ 1617 году: древнія русскія земли у Финскаго залива между рѣками Наровой и Сестрою и Нева отошли ко Швеціи.

Въ царяхъ Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ слѣдуетъ отмѣтить ихъ стремленіе къ возвращенію Нарвы и Эстляндіи, оставшееся, однако, безуспѣшнымъ; царь Борисъ, кромѣ того, оставилъ слѣдъ въ исторіи русскаго мореходства заботами о развитіи русскихъ торговыхъ плаваній въ Ледовитомъ океанѣ и построеніемъ на р. Тази города

Мангазеи, какъ торговаго центра для сѣверной Сибири, откуда сибирскіе товары шли къ устью Енисея и океаномъ въ Архангельскъ.

Смутное время, когда Россія расхищалась и терзалась многочисленными врагами, снова выдвинуло идею о флотѣ, но не какъ вопросъ настоящаго, а какъ спасительную, воодушевляющую на подвигъ память славнаго прошлаго. Это напоминаніе о морской силѣ, особенно знаменательное для смутнаго времени, принадлежитъ патріарху Гермогену, который въ первой же своей грамотѣ, призывая народъ на защиту родины, указывалъ на тѣ времена, когда даже «незнаемыя страны», далекіе берега Швеціи и Византіи трепетали передъ русскими—«орлами острозрящими и быстролетящими, какъ на крыльяхъ парящими»,—грозой Балтійскаго и Чернаго морей.

Вдохновляемый на подвигъ народъ справился съ терзавшей его смутой, но лишенное своего значенія въ Балтійскомъ морѣ и обезсиленное этимъ Московское царство еще долго должно было переносить пренебрежительное отношеніе сосѣдей; даже Персія (см. ниже) приняла въ сношеніяхъ съ Россіей высокомѣрный, покровительственный тонъ.

Но и смутное время не могло погасить въ русскомъ человѣкѣ врожденнаго влеченія къ морю. Не находившее выхода въ Балтійскомъ морѣ, это влеченіе проявилось на югѣ, и какъ разъ въ смутное же время «орлы острозрящіе и быстролетящіе, какъ на крыльяхъ парящіе» появились въ Черномъ морѣ снова—въ лицѣ независимыхъ отъ Москвы разгульныхъ запорожскихъ казаковъ.

По обстановкѣ, въ которой они совершались, морскіе походы казаковъ очень близки къ древнимъ византійскимъ походамъ. Та же безшабашная удаль, то же отсутствіе элементовъ послѣдовательной политической борьбы, та же жажда добычи; только нравственный элементъ у запорожцевъ былъ болѣе страстнымъ: фанатическая ненависть «христіанскаго лыцарства» къ басурманамъ и месть за набѣги турокъ и татаръ на Украйну.

Первый морской походъ запорожцевъ относится къ 1576 году, когда они на своихъ «чайкахъ»—почти тѣ же древнія ладьи—ходили отъ Днѣпра по всему Черному морю—къ Дунаю, Евпаторіи, Кафѣ (Θеодосіи), Синопу и Трапезунду,—разоряя и уничтожая прибрежныя турецкія и татарскія укрѣпленія, города и селенія. Въ 1590 году запорожцы вновь посѣтили и сожгли Синопъ и Трапезундъ; въ 1605—сожгли Варну и истребили весь стоявшій тамъ турецкій флотъ кромѣ нѣсколькихъ галеръ и галеасовъ, взятыхъ ими съ собою къ Днѣпру; въ 1607—разгромили Очаковъ и Перекопъ.

Въ 1612 году гетманъ Сагайдашный, въ отместку за набѣгъ татаръ на Украйну, разорилъ Кафу и все Крымское побережье отъ Кафы до Евпаторіи; въ 1613 онъ же грабитъ Синопъ и возвращается къ Днѣпру съ богатой добычей. 1613—14 годы отмѣчены множествомъ удачныхъ нападеній казаковъ на всѣ побережья Чернаго моря. Въ 1616 подъ Трапезундомъ запорожцы истребили турецкій флотъ изъ 26 судовъ и совершенно разорили и сожгли отстроившіеся Трапезундъ и Синопъ; въ

1620—25 годахъ безъ перерыва держались передъ Босфоромъ, разоряли окрестности по обоимъ берегамъ Босфора, громили Крымскіе берега, отражали нападенія турецкаго флота; въ 1624, на 100 чайкахъ прорвавшись въ Босфоръ, на глазахъ султана ограбили и сожгли окрестности Стамбула, въ томъ числѣ богатый городъ Неокорисъ; въ 1629 году запорожцамъ снова удалось прорваться въ Босфоръ; бой подъ Константинополемъ закончился побѣдой казаковъ, и они вернулись домой съ богатѣйшею добычей: коврами, парчею, шелковыми тканями, посудою, драгоцѣннымъ оружіемъ.

Въ эти же годы начинаются морскіе походы казаковъ донскихъ, состоявшихъ, въ противоположность запорожцамъ, съ 1559 года въ подданствѣ Московскому царю. Съ 1629 по 1637 годы донцы, иногда совмѣстно съ запорожцами, громили берега Крыма и въ 1637 году взяли Азовъ, который держали за собою до 1641 года. Особенно памятный походъ донцы совершили въ 1638 г.: на 1000 чайкахъ они разлетѣлись по всему Черному морю, опустошили Трапезундъ, Синопъ и Ризу, грабили и топили попадавшіяся имъ въ морѣ суда, и при возвращеніи, при встрѣчѣ у Керченскаго пролива съ турецкимъ флотомъ, понесли чувствительное пораженіе; но и послѣ того донцы продолжали тревожить турокъ въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ.

Эти опустошительные морскіе набѣги казаковъ вызывали содраганіе и ужасъ не только въ турецкихъ селеніяхъ анатолійскаго и румелійскаго береговъ, но и въ самой столицѣ: «Появленіе въ морѣ четырехъ казацкихъ челновъ», доносилъ французскій посланникъ королю Людовику XIII изъ Константинополя, «наводило на Константинополь большій страхъ, чѣмъ появленіе чумы въ Мореѣ».

О своихъ появленіяхъ у Константинополя сами запорожцы очень характерно упоминаютъ въ грамотѣ, отправленной ими впослѣдствіи Крымскому хану. Называя себя «мужественными кавалерами», которые еще въ старые годы «повидирали» множество турецкихъ крѣпостей и городовъ въ Черномъ морѣ, запорожцы пишутъ:

«Потомъ року 1629, братія наша Запорожцы съ певнымъ вождомъ своимъ воюючи въ чолнахъ по Експонту, коснулися мужественно и самихъ стѣнъ Константинопольскихъ, и тіе довольно окуривщи димомъ мушкетнымъ превеликіи Султановѣ и всѣмъ мѣшканцамъ Царецградскимъ сотворили страхъ и стяжаніе, и нѣкоторые отлеглые Константинопольскіе селенія запаливши тожъ щастливе, изъ многими добычами до коша своего повернулися»...

Относительно морскихъ походовъ казаковъ приходится повторить то же, что сказано о русскихъ походахъ древнихъ: отчаянная отвага и исключительная, прямо интимная близость и приспособленность къ морю. Въ отличіе отъ древнихъ кіевскихъ, походы казаковъ осложнялись тѣмъ, что при выходѣ изъ Днѣпра и Дона и обратно казакамъ приходилось еще пробиваться сквозь турецкія крѣпости (Очаковъ и Азовъ, донцамъ же и черезъ Керченскій проливъ) и сторожившій ихъ здѣсь турецкій флотъ. Безумная храбрость и природная находчивость

помогали казакамъ преодолѣвать и эти препятствія, какъ и побѣждать почти всегда турокъ при случайныхъ встрѣчахъ съ ихъ флотомъ.

Только въ 1649 году султану удалось прекратить морскіе набѣги (и то только запорожцевъ) заключеніемъ мирнаго договора, по которому запорожцы, взамѣнъ прекращенія нападеній на турецкіе берега, получили право свободныхъ плаваній въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ и морской торговли съ Турціей. Болѣе чѣмъ полувѣковая борьба запорожцевъ съ турками закончилась.

Въ мореходствѣ Московской Руси первая половина того же XVII вѣка отмѣчена новымъ явленіемъ, сложившимся также стихійно, подъ вліяніемъ естественнаго влеченія къ морю и невозможности удовлетворить это влеченіе въ Балтійскомъ морѣ. Эти были плаванія русскихъ промышленниковъ и искателей приключеній въ Ледовитомъ океанѣ, къ Востоку отъ устьевъ Печоры. Эти плаванія довершили дѣло покоренія Сибири (совершенное, кстати сказать, Ермакомъ съ донскими казаками преимущественно воднымъ путемъ—сибирскими рѣками) и оживили пустынные до того времени восточные сибирскіе берега. Возникла океанская торговля съ Сибирью, Архангельскъ и Мангазея стали главными пунктами этого пути; выгоды развившейся торговли привлекли сюда же голландскія и англійскія суда. Начавшееся оживленіе Сѣвернаго края было остановлено изъ Москвы непонятнымъ запрещеніемъ плаваній сначала для иностранныхъ (въ 1616), а затѣмъ (1620 г.) и для русскихъ судовъ. Эти запрещенія, явившіяся слѣдствіемъ совершенно неосновательнымъ опасеній захвата Сибирскихъ земель иностранцами и уклоненія русскихъ мореходцевъ отъ уплаты пошлинъ, ясно показываютъ политическую отсталость отрѣзанной отъ Балтійскаго моря Москвы и по сравненію съ эпохой Іоанна Грознаго и даже Годунова являются значительнымъ шагомъ назадъ.

То же приходится сказать и о 1649 годѣ, когда «царь указалъ, а бояре приговорили» всѣмъ торгующимъ въ Россіи англичанамъ «со всѣми ихъ животы ѣхать за море», а если кто изъ нихъ «похочетъ съ Государевыми людьми торговать, и тѣ бъ изъ-за моря пріѣзжая, торговали всякими товары у Архангельскаго города повольною торговлею и пошлины съ товаровъ своихъ платили попрежнему, и исторговався ѣздили за море; а къ Москвѣ и Московскаго Государства въ городы отъ Архангельскаго города съ товары и безъ товары не ѣздили и у Архангельскаго города не жить».

Выселеніе англичанъ изъ Россіи объяснялось въ указѣ необходимостью оградить русскую торговлю отъ опасной конкуренціи, но дальше приводилась другая, едва-ли не главная, причина:

«Да и потому имъ Англичаномъ въ Московскомъ Государствѣ быть не довелось, что прежь сего торговали они въ Московскомъ Государствѣ по Государевымъ жалованнымъ грамотамъ, каковы даны имъ по прошенію Государя ихъ Англинскаго, Карлуса, Короля, для братскія дружбы и любви, и Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, вѣдомо учинилось, что Англичана всею землею учинили большое злое

дѣло, Государя своего, Карлуса, Короля, убили до смерти, и за такое злое дѣло въ Московскомъ Государствѣ имъ быти не довелось».

Несостоятельность этихъ мѣръ 1616—1649 г. г., подорвавшихъ, вмѣстѣ съ иностраннымъ, и русское мореходство на сѣверѣ, подчеркивается тѣмъ, что, отвергая всякія попытки къ возрожденію Каспійскаго судоходства со стороны англичанъ и голландцевъ, царь въ 1633 году далъ разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскому герцогу Фридриху построить въ Россіи для голштинцевъ десять кораблей, предназначавшихся для доставки шелка изъ Персіи Каспійскимъ моремъ и Волгой въ Голштинію. Шатаніе политической мысли не дало Московскому царству никакихъ выгодъ. Вмѣсто десяти голштинцы построили (въ Нижнемъ-Новгородѣ) только одинъ корабль, при первомъ же выходѣ въ море разбившійся у береговъ Дагестана, и этимъ все предпріятіе и кончилось.

Но даже и въ то время—время запретительныхъ мѣръ—въ Россіи не переводились «охочіе къ морю люди», и русское мореходство, стѣсненное на Сѣверѣ, прокладывало новые пути на отдаленномъ Востокѣ. Въ 1635 году русскіе люди проникли къ Охотскому морю и утвердились на его берегахъ; этимъ самымъ граница Московскаго государства придвинулась къ Тихому океану. Въ 1648 году казакъ Дежневъ открылъ проливъ, впослѣдствіи названный по имени описавшаго его Беринга (офицера русскаго флота); начались плаванія къ Курильскимъ островамъ и Сахалину, было положено основаніе и утвержденію Россіи на Амурѣ.

Съ пятидесятыхъ годовъ XVII вѣка Московское царство, само положившее преграды сѣверному мореходству, начинаетъ сознавать настоятельную необходимость выхода къ Балтійскому морю. Попытка въ этомъ смыслѣ была сдѣлана въ 1656—58 годахъ, когда царь Алексѣй двинулся съ московскимъ войскомъ для возвращенія отъ шведовъ всего побережья отъ Невы до Риги и береговъ Ладожскаго озера. Выступившія въ походъ войска, правда весьма малочисленныя, дѣлились на четыре отряда. Первый отрядъ, съ которымъ шелъ самъ царь, спустился на стругахъ Двиною къ Ригѣ, взявъ по пути Динабургъ и Кокенгаузенъ, и послѣ неудачной осады Риги вернулся въ Москву. Второй отрядъ, князя Трубецкого, вступилъ въ Ливонію, взялъ Нейгаузенъ и Юрьевъ и безуспѣшно осаждалъ Нарву. Третій отрядъ, воеводы Потемкина, долженъ былъ идти «за Свейскій рубежъ, на Варяжское море», и отъ патріарха Никона получилъ даже благословеніе «итти въ Стокгольмъ и другія мѣста моремъ». Потемкинъ черезъ Ингрію подступилъ къ Канцамъ (Ніеншанцъ), сжегъ городъ и запасы продовольствія, но непріятеля не засталъ: шведы на судахъ ушли въ Нарву. 22 іюля 1656 года Потемкинъ съ отрядомъ вышелъ на судахъ къ Котлину, вступилъ у Котлина въ бой съ непріятелемъ и «милостію Божіею и пречистыя Богородицы помощію и всѣхъ святыхъ молитвами и Великаго Государя и сына его государевича счастіемъ, у Котлина острова полукорабель взялъ и нѣмецкихъ людей побили и языка поймалъ начальнаго человѣка, капитана Ирска Далсфира, 8 человѣкъ солдатъ и нарядъ (пушки) и знамена поймали, а на Котлинѣ островѣ латышане деревни высѣкли и выжгли».

Этимъ походъ «на Варяжское море» и кончился. Четвертый отрядъ воеводы Пушкина перешелъ на судахъ Ладожское озеро и неудачно осаждалъ городъ Корелу (Кексгольмъ).

Кардисскій миръ 1661 года, заключенный со шведами послѣ этихъ походовъ, нисколько не измѣнилъ положенія: Московское царство попрежнему осталось отрѣзаннымъ отъ моря.

Эта неудачная попытка пробиться къ Балтійскому морю имѣла положительное значеніе сама по себѣ, какъ проявленіе вѣрной идеи о необходимости для Московскаго царства выхода къ морю; благословеніе патріарха на походъ моремъ въ Стокгольмъ показываетъ только живучесть, только болѣзненную выстраданность этой идеи. Но на этомъ же походѣ сказалась и отсталость Москвы, не понимавшей, что при наличіи у шведовъ флота и малочисленности русскихъ войскъ осада Нарвы и Риги заранѣе обречена на неуспѣхъ и что мысль о походѣ на Стокгольмъ на наскоро построенныхъ мелкихъ судахъ, когда у шведовъ были большіе и сильные по тому времени корабли, являлась химерой.

Необходимость въ своемъ военномъ флотѣ за этотъ же походъ хорошо созналъ одинъ Ордынъ-Нащокинъ, во время перемирія состоявшій царскимъ намѣстникомъ занятыхъ ливонскихъ земель. Съ энергіей, которая отличала этого просвѣщеннаго, выдающагося государственнаго человѣка, Ордынъ-Нащокинъ приступилъ къ постройкѣ флота на Двинѣ (въ Кокенгаузенѣ, въ 105 верстахъ отъ Риги), въ надеждѣ пробиться на судахъ къ Ригѣ, взять ее и овладѣть выходомъ въ море, но при возвращеніи Кокенгаузена шведамъ построенныя суда пришлось сжечь, и благія надежды не осуществились.

Энергія Ордына-Нащокина была вскорѣ направлена на новое дѣло — постройку флота для Каспійскаго моря.

Послѣ англичанъ и голландцевъ, на Каспійское море обратила вниманіе Персія, и въ 1664 году персидское правительство вступило въ переговоры съ русскимъ о провозѣ шелка и другихъ персидскихъ товаровъ черезъ Каспійское море и Волгу въ Западную Европу. Переговоры окончились въ 1667 году, когда царь Алексѣй далъ грамоту компаніи армянскихъ купцовъ съ разрѣшеніемъ на провозъ товаровъ и взялъ на Московское царство, за особую плату, отвѣтственность за сохранность товаровъ въ пути. Принятіе отвѣтственности привело къ необходимости построить военныя суда для плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю, для защиты компанейскихъ судовъ отъ нападеній поволжскихъ и каспійскихъ морскихъ разбойниковъ. Лѣтомъ 1667 года Ордынъ-Нащокинъ приступилъ къ постройкѣ судовъ въ селѣ Дѣдиновѣ (на Окѣ, близъ устья Москвы-рѣки); строители и будущій экипажъ, а также всѣ инструменты для работы, были выписаны изъ Голландіи. Съ неимовѣрными трудностями, при постоянныхъ уклоненіяхъ отъ содѣйствія со стороны мѣстнаго населенія и властей, голландцы въ теченіе года построили въ Дѣдиновѣ корабль «Орелъ» (80 футъ длины, 21 ф. ширины; вооруженіе — 22 пушки и ручныя гранаты), яхту, ботъ и двѣ шлюпки; цѣлый годъ послѣ постройки суда простояли въ Дѣдиновѣ въ тщетномъ ожиданіи

отъ тульскаго воеводы ядеръ и пушекъ и ушли на Волгу, такъ и не дождавшись вооруженія. По прибытіи послѣ тяжелаго плаванія къ Астрахани, дѣдиновская флотилія оставалась тамъ въ ожиданіи присылки необходимыхъ для плаванія вещей и припасовъ, пока поднятое Стенькой Разинымъ возстаніе не рѣшило ея судьбы: Астрахань была взята Разинымъ, экипажъ флотиліи — голландцы — бѣжалъ въ Персію, «Орелъ» былъ сожженъ разбойниками.

Въ печальной судьбѣ дѣдиновской флотиліи Москва получила жестокое, но справедливое возмездіе за свою временную отсталость, за неумѣніе использовать «охочихъ къ морю людей», хотя бы тѣхъ же Разина съ казаками или сѣверныхъ поморовъ, для большого государственнаго дѣла. Уже въ то время разные иностранцы (Ботлеръ, Виніусъ, Вегронъ) предлагали Московскому царю свои проекты о выходѣ Россіи къ морямъ и заведеніи флота; это же было послѣдней мірской мечтой Ордына-Нащокина, постригшагося въ монахи.

На время Алексѣя Михайловича—время «тишайшаго»—мысль о Балтійскомъ морѣ была оставлена послѣ робкой попытки 1656—58 годовъ; пробиваться къ Черному морю, при осложненіяхъ съ Польшей и Турціей, при смутѣ, которая царила среди только что присоединенныхъ запорожскихъ казаковъ, казалось немыслимымъ; мореходство въ сѣверныхъ моряхъ было подорвано самою же Москвой; попытка на Каспійскомъ морѣ окончилась неудачей, да и она, какъ возникшая не изъ почина царства Московскаго, а изъ почина Персіи и армянскихъ купцовъ, была ложнымъ, по своей подчиненности, шагомъ и тратой энергіи не въ сторону нужныхъ для Россіи Балтійскаго и Чернаго, а третьестепеннаго по значенію Каспійскаго моря.

Это наслѣдіе и оставилъ своему сыну Петру тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ. Но отъ почти тысячелѣтняго русскаго мореходства Петру досталось наслѣдство неизмѣримо большее. Это, во-первыхъ, склонность русскаго человѣка къ морю, доказанная многочисленными кіевскими, новгородскими и казацкими походами, плаваніями въ сѣверныхъ и восточныхъ моряхъ; во-вторыхъ, выстраданное сознаніе необходимости выхода Россіи къ морямъ. Созданіемъ флота Петръ далъ только естественный выходъ тому и другому—и мысли, и чувству. Задачи же, поставленныя Петромъ и для осуществленія которыхъ онъ создалъ флотъ, уже были сознательно намѣчены Русью до-петровской, древнею и Московской, и сложились изъ опредѣлившихся національныхъ стремленій.

Гордые владыки морей, англичане слишкомъ щепетильны къ вопросу о первородствѣ своего флота. Но первая же страница исторіи русскаго флота («The Imperial Russian Navy, its past, present and future), написанной выдающимся англійскимъ морскимъ писателемъ F. Jane, начинается словами:

«Русскій флотъ, начало котораго хотя обыкновенно относятъ къ сравнительно позднему учрежденію, основанному Петромъ Великимъ,

имѣетъ, въ дѣйствительности, большія права на древность, чѣмъ флотъ Британскій. За столѣтіе до того, какъ Альфредъ построилъ Британскіе корабли, русскія суда сражались въ отчаянныхъ морскихъ бояхъ; и тысячу лѣтъ тому назадъ первѣйшими моряками того времени были они, русскіе. Этотъ флотъ умеръ, это правда—онъ нашелъ свой конецъ въ полнѣйшемъ уничтоженіи,— но народъ, которому онъ принадлежалъ, безсмертенъ; и до нашихъ дней путь ко всему восточному вопросу и, отсюда, даже къ вопросу Востока Дальняго, лежитъ по руслу, проложенному древними русскими судами».

Не русскимъ людямъ, возсылающимъ молитвы «Взбранной Воеводѣ», оспаривать эти положенія. Для насъ же, которые въ Пушкинѣ имѣемъ величайшаго и непогрѣшимаго выразителя народныхъ чувствъ и сознанія, глубоко цѣнными являются чуткія слова поэта на вопросъ о томъ— гдѣ же слагается русскій духъ? гдѣ же родникъ души народной?

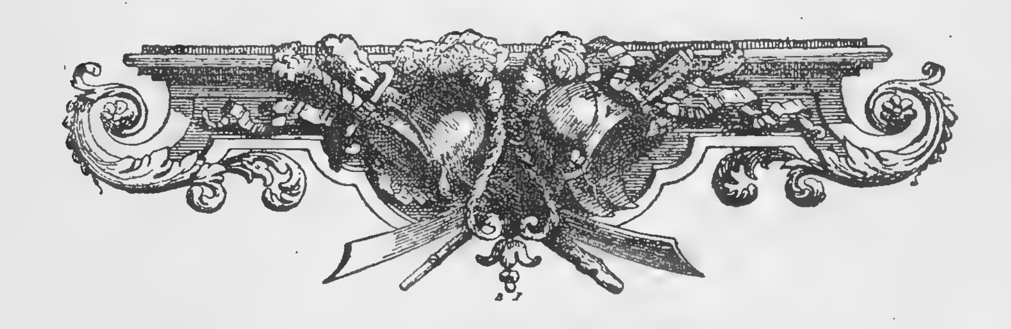
«Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской...
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ:
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!»

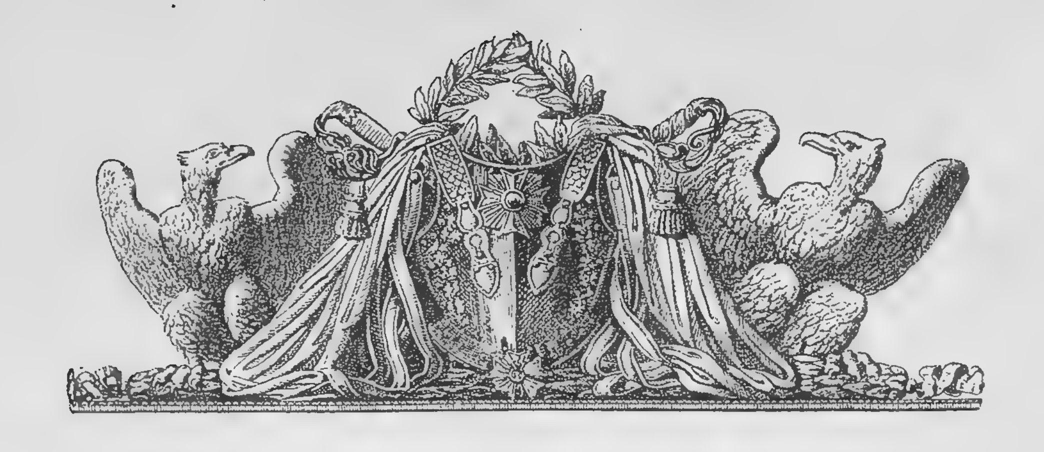
—давшаго короткій, вѣрный и ясный отвѣтъ: не въ скучныхъ равнинахъ, не въ заоблачныхъ горахъ, не въ безлюдныхъ степяхъ, не въ лѣсахъ дремучихъ, а

«У лукоморья» —

у морскихъ береговъ, у морского залива.

Къ этому лукоморью и привелъ Россію, и возвеличилъ ее этимъ Петръ Великій: привелъ туда, «гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ». Въ постоянномъ стремленіи къ этому лукоморью, овладѣніе которымъ создало изъ Московскаго царства Имперію Всероссійскую, и заключается главное значеніе до-петровскаго русскаго мореходства.





Эпоха Петра Великаго.

I. Стремленіе Петра Великаго выйти къ южнымъ морямъ. Азовскій флотъ.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **А. И. Лебедевымъ.**

1. Причины Московско-Турецкихъ войнъ XVII столѣтія.

Въ 1696 году подъ Азовомъ русскій флотъ явился впервые и сразу, какъ активная, боевая, выполняющая собственныя ей предназначенныя задачи, сила.

Событіе это—созданіе Азовскаго флота Петромъ Великимъ—нельзя понять и осознать въ его исключительности, внезапности. Какъ и всякое историческое явленіе, оно имѣетъ свое многовѣковое прошлое—основаніе, и только въ связи съ нимъ становится яснымъ и логически необходимымъ.

Іоаннъ Грозный положилъ окончательную преграду движенія монгольскихъ ордъ съ востока на западъ и включилъ восточную половину новаго воднаго пути (Зап. Двина—Волга) въ границы Московскаго царства. Другою неотложною, насущною задачей было добиться выхода этого пути и на западъ, пробиться къ Балтійскому морю, къ свободному общенію со всѣми народами Европы, къ просвѣщенію, къ прогрессу. Но всѣ усилія его, какъ и предковъ его, къ рѣшенію этой задачи встрѣтили неодолимыя препятствія и, несмотря на десятки лѣтъ борьбы, не привели къ ожидаемымъ результатамъ. Они оставили въ душѣ народной неизгладимый слѣдъ неудовлетворенности безуспѣшной борьбой и сознаніе важности цѣли [1]).

Лишь это сознаніе могло подготовить эпоху и создать генія для рѣшенія поставленныхъ и неисполненныхъ задачъ.

---

[1]) Результатомъ этого крушенія могучаго побѣдителя востока передъ западомъ явилось, по мнѣнію историка Соловьева, сознаніе, господствующее убѣжденіе правительства и лучшихъ русскихъ людей о необходимости сближенія съ западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у поморскихъ народовъ. «Исторія Россіи съ др. вр.», т. XIII, гл. I, стр. 734.

Но для того, чтобы сознаніе это проникло въ толщу народа, чтобы оно стало реальной движущей силой, Московская Русь должна была рухнуть, погибнуть на старомъ пути, чтобы изъ нѣдръ народа необычайнымъ подъемомъ духовныхъ силъ могла возродиться единая Россія, двинуться по новому пути и занять подобающее ей мѣсто въ средѣ великихъ державъ Западной Европы.

Еще въ концѣ XV вѣка, когда Московская Русь только начала освобождаться отъ гнетущаго и разлагающаго вліянія азіатскаго востока, на западѣ произошло событіе, имѣвшее рѣшающее значеніе на всю исторію Россіи — соединеніе православнаго великаго княжества Литовскаго, собравшаго всѣ западные и южно-русскіе удѣлы, съ упадавшимъ католическимъ Польскимъ королевствомъ.

Молодая, еще не подчинившая востока, Москва не могла помѣшать этой уніи и успѣла только спасти отъ ополяченія и окатоличенія Великій Новгородъ. Вслѣдствіе этого на западѣ и югѣ Руси, вмѣсто родственной духовно Литвы, народилась, могучая общеніемъ съ Западной Европой, сила—Польско-Литовское королевство,—плотнымъ кольцомъ обхватившая, вмѣстѣ съ Швеціей на сѣверѣ, Москву, отрѣзавшая ее отъ русскихъ въ прошломъ морей (Балтійскаго и Чернаго) и заставившая въ третій разъ перемѣнить путь сношенія съ Европой на далекій сѣверъ—Архангельскъ.

Но уже въ XV вѣкѣ на Дону и Днѣпрѣ начали образовываться первыя военныя общины казаковъ; въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка они уже пріобрѣли значительную силу. Народъ въ своихъ былинахъ и пѣсняхъ отождествилъ ихъ съ первобытными богатырями.

Въ исторіи Московской Руси казачество сыграло огромную роль—оно вернуло южную Русь Москвѣ, спаяло ее съ южнымъ моремъ, уже въ X вѣкѣ называвшимся русскимъ, и привело къ борьбѣ съ Турціей за владѣніе имъ.

Въ 1637 году донскіе казаки захватили Азовъ и били челомъ Михаилу Ѳеодоровичу принять его отъ нихъ. Москва, занятая въ это время борьбой со Швеціей, по приговору Земскаго Собора, боясь новой войны—съ Турціей, отказалась отъ поддержки донцовъ, и, продержавшіеся въ немъ 4 года казаки, обороняясь отъ огромныхъ силъ Турціи, принуждены были въ 1641 г. сдать Азовъ турками, предварительно разрушивши его до основанія.

Въ 1653 году малороссійскіе казаки, послѣ ряда возстаній и бунтовъ противъ Польши, подъ предводительствомъ гетмана Богдана Хмельницкаго отдались въ подданство православному царю Алексѣю Михайловичу. Земскій Соборъ въ этомъ случаѣ одобрилъ предложеніе правительства и благословилъ царя на новую войну съ Польшей.

Но, присоединенная по Андрусовскому перемирію къ Руси, Малороссія послужила яблокомъ раздора не только между Русью и Польшей, но и Турціей, такъ какъ гетманъ западной стороны Днѣпра—Дорошенко, не желая оставаться въ подданствѣ у поляковъ и разсчитывая на большую самостоятельность вдали отъ верховной власти, под-

дался Турціи и тѣмъ объединилъ недавнихъ враговъ въ оборонительно-наступательный союзъ противъ Турціи и вовлекъ Россію въ тяжелую девятилѣтнюю войну, окончившуюся въ 1681 году полнымъ разореніемъ Западной Украйны, переходомъ большей части казаковъ на восточный берегъ Днѣпра и формальнымъ владѣніемъ Западной Украйной Турціей, безъ правъ возводить укрѣпленія, строить города (Бахчисарайскій договоръ).

Такимъ образомъ въ серединѣ XVII вѣка происходитъ коренной переломъ внѣшней политики Московской Руси.

Неудача на сѣверѣ смѣнилась надеждой на югѣ. Въ турецкую войну употребляются громадныя усилія для завладѣнія Азовомъ. Алексѣй Михайловичъ приказываетъ донскимъ казакамъ и своимъ воеводамъ строить подъ Азовомъ городки и ведетъ войну на обоихъ Днѣпровскомъ и Донскомъ театрѣ. Этотъ переломъ внѣшней политики, новое направленіе вмѣсто запада на югъ во вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича объясняется еще и многими другими причинами.

На развитіе сознанія въ Москвѣ необходимости борьбы съ Турціей и утвержденія на Черномъ морѣ завоеваніемъ Крыма сильно вліяли въ это время настойчивыя предложенія отъ Западной Европы (Австрійскаго императора, Польши, Венеціанской Республики) вступить въ союзъ для борьбы съ «невѣрными». Въ этихъ предложеніяхъ совершенно опредѣленно указывалась для Москвы задача уничтоженія Крымскаго ханства. Даже Швеція, для которой было важно отвлечь Россію подальше на югъ, чтобы окончательно укрѣпиться на Балтійскомъ морѣ, заключила въ 1673 году оборонительный союзъ противъ Турціи [1]).

Съ уходомъ отъ дѣлъ и двора Ордына-Нащокина, первымъ другомъ царя и первымъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ правительства становится бояринъ Матвѣевъ, на воспитанницѣ котораго, Натальѣ Нарышкиной, вторично женился царь. Матвѣевъ сосредоточиваетъ у себя въ рукахъ Посольскій и Малороссійскій приказы. Южно-русскій вопросъ становится центромъ политики Москвы.

Въ Москвѣ все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости союза съ Польшей и подвластными Турціи единовѣрными народами для борьбы съ мусульманствомъ.

Ординъ-Нащокинъ въ 1666 голу писалъ Алексѣю Михайловичу: «Союзъ съ Польшей необходимъ, потому что только при его условіи мы можемъ покровительствовать православію въ польскихъ областяхъ. Единовѣрные молдаване и волахи, отдѣляемые теперь отъ насъ враждебною Польшею, послышавъ союзъ нашъ съ нею, пристанутъ къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ Турки. Такимъ образомъ соединится такой многочисленный христіанскій народъ, одной матери,—восточной церкви—дѣти: отъ самаго Дуная всѣ влахи» и проч. Немного позже русскій резидентъ въ Польшѣ Тяпкинъ писалъ: «Волахи и молдаване, знатные особы, приходятъ ко мнѣ и говорятъ отъ имени старшихъ своихъ

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнихъ временъ, т. XII, гл. IV, стр. 521—523.

и отъ себя, чтобы Великій Государь непремѣнно приказалъ силамъ своимъ смѣло наступать на Крымъ, а когда Богъ благословитъ, Крымъ возьмутъ, то всѣ христіанскія земли, не только Украйна, Волынь, Подолія, но и волахи, и молдаване, и сербы поддадутся подъ высокую руку его царскаго величества» [1]).

Литературная дѣятельность серба Юрія Крижанича, протекавшая вначалѣ подъ покровительствомъ царя Алексѣя Михайловича, была вся проникнута горячей проповѣдью объединенія славянъ и борьбы съ Крымомъ.

Упоминая о неудачахъ въ войнахъ съ Швеціей и Польшей, онъ говоритъ: «Не была Божія воля, чтобы мы дѣлали завоеванія въ другихъ мѣстахъ. Напротивъ, Богъ далъ намъ успѣхъ въ борьбѣ съ татарами: мы завоевали Казань, Астрахань, Сибирь. Поэтому можно надѣяться, и мы должны молиться Богу объ этомъ, что намъ удастся прогнать изъ Крыма общихъ противниковъ и разбойниковъ» [2]).

Къ концу XVII вѣка это движеніе захватило всѣ высшіе круги Московскаго боярства. Смерть царя Алексѣя Михайловича, вступленіе на престолъ болѣзненнаго Θеодора хотя и принесли смѣну лицъ, но измѣнить направленіе не могли. Заключенный въ 1681 году Бахчисарайскій миръ съ Турціей не могъ быть продолжительнымъ.

Въ послѣдній годъ своего царствованія царь Θеодоръ даже снова сблизился съ Матвѣевымъ, женившись на его крестницѣ Апраксиной, и вернулъ его изъ ссылки. Смерть Θеодора и стрѣлецкіе бунты выдвинули царевну Софію и ея любимца князя В. В. Голицына, принявшаго на себя внѣшнюю политику.

Воспитанный подъ западно-русскимъ и польскимъ, какъ и царевна Софія, вліяніемъ, проведшій молодые годы на войнѣ съ Турціей, Голицынъ не могъ внести, несмотря на весь свой просвѣщенный умъ и западническое направленіе, новаго искони русскаго направленія (на Балтійское море) и продолжалъ энергично переговоры съ Польшей по заключенію вѣчнаго мира и оборонительно-наступательнаго союза съ Польшей противъ Турціи. Съ другой стороны направленіе это поддерживалось и даже разгоралось до религіознаго фанатизма противъ «невѣрныхъ», «враговъ Христа и Церкви», наплывомъ монаховъ-учителей изъ южной Руси, выходцами-славянами, греками, духовенствомъ во главѣ съ патріархомъ Московскимъ, благословлявшимъ и освящавшимъ борьбу съ «погаными» для отвлеченія отъ внутренняго религіознаго раскола и Константинопольскимъ патріархомъ, постоянно проповѣдывавшимъ освобожденіе Гроба Господня отъ схизматиковъ, католиковъ.

Для того, чтобы свернуть Московское государство съ этого пути, для того, чтобы указать основную, главную задачу, безъ разрѣшенія которой оно будетъ стоять на мѣстѣ, не разовьетъ таящихся въ немъ силъ, нужно было, чтобы во главѣ правительства стало лицо, которое смогло бы отрѣшиться отъ современнаго вліянія, могло заглянуть вглубь вѣковъ

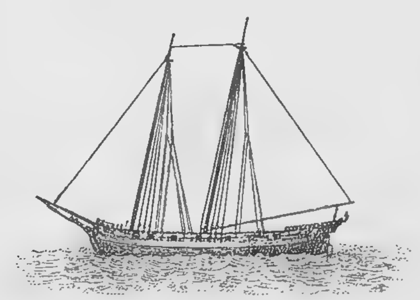
[1]) Брикнеръ. Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ.

[2]) Брикнеръ. Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ. Др. и Нов. Россія 1876 года.

назадъ и впередъ, и могучей силой воли сдвинуть Русь съ мѣста, указавъ ей новыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень древнія задачи.

Такою личностью явился Петръ, но только тогда, когда полуторагодовалое путешествіе за границей оторвало его отъ Москвы и дало ему возможность самостоятельно разобраться, сравнивъ свое и иностранное, въ состояніи Руси, ея неотложныхъ задачахъ, значеніи въ средѣ Европейскихъ государствъ.

Петръ до путешествія за границу и по возвращеніи изъ него—два разныхъ лица. До 1698 года онъ—Царь Московскій, послѣ—Царь и Императоръ Россійскій.



Яхта «Рояль» 1697 г.

2. Потѣшныя морскія забавы Петра. Постройка первыхъ морскихъ судовъ.

Страсть у Петра къ морю и флоту начала развиваться очень рано. Попавши въ село Преображенское, онъ набираетъ толпы сверстниковъ, и игра въ солдатики переходитъ въ потѣшныя забавы, организуются отряды, строятся крѣпости—игра переходитъ въ дѣло. Но геніальнаго ребенка это не удовлетворяетъ. Любознательности его нѣтъ границъ. Всякій предметъ, всякое новое знаніе его разжигаетъ, ему нужно все знать, все самому испробовать. Требованіямъ его нѣтъ конца. Изъ оружейной палаты дворцоваго арсенала онъ выписываетъ себѣ порохъ, свинецъ, копья, пищали, сабли и наконецъ «корабли малые», т.-е. модели корабля, построеннаго на Волгѣ при его отцѣ. Въ слѣдующемъ, 1688 году, его морскіе затѣи подогрѣты находкой въ с. Измайловѣ ботика (знаменитаго впослѣдствіи «Дѣдушки Русскаго Флота»), англійской работы, принадлежавшаго его двоюродному дѣду Никитѣ Ивановичу Романову. Немедленно ботикъ вытаскивается, починяется и испытывается на рѣкѣ Яузѣ. Но рѣка узка, въ ней нельзя лавировать и Петръ перебирается на Просяной прудъ. Но и онъ Петра не удовлетворяетъ. Ему уже тѣсно. «Охота стала отъ часу быть болѣе», и Петръ перекочевываетъ на Переяславское озеро. Но тутъ уже ботъ его не удовлетворяетъ, Петръ—первый работникъ, «въ работѣ пребывающій»—строитъ здѣсь корабли, цѣлую флотилію.

Морскія забавы на озерѣ тоже не удовлетворяютъ Петра. Онъ мечтаетъ о морѣ. Разсказы объ иностранныхъ государствахъ все болѣе его увлекаютъ. Единственная возможность видѣть настоящіе корабли—ѣхать въ Архангельскъ. Тамъ только доступный путь морской въ Европу.

Тамъ настоящее море. Но у Петра мысль съ дѣломъ не расходится. Для генія нѣтъ преградъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Сознаніе переходитъ въ неудержимое съ усиленіемъ препятствій эмоціональное влеченіе. Нѣтъ нужды, что еще ни одинъ Русскій царь не былъ въ морѣ, не плавалъ ни на одномъ кораблѣ. Въ 1693 году Петръ уже въ Архангельскѣ. Здѣсь была устроена верфь, заложенъ первый военный корабль (24-пушечный фрегатъ «Апостолъ Павелъ»). Тотчасъ по прибытіи въ Архангельскъ онъ выходитъ въ Бѣлое море на построенной для него 12-пуш. яхтѣ „Св. Петръ».

Въ слѣдующемъ году Петра уже ничто не можетъ удержать весной въ Москвѣ. Онъ снова съ большой свитой отправляется въ Архангельскъ, но съ нимъ идутъ уже преображенцы и семеновцы, которые должны составить экипажъ первыхъ кораблей. Кромѣ заложеннаго въ предыдущемъ году корабля на Соломбальской верфи, весной долженъ былъ придти и заказанный въ Голландіи 44-пуш. фрегатъ («Св. Пророчество»). По прибытіи въ Архангельскъ Петръ немедленно отправляется на своей яхтѣ въ Соловецкій монастырь, показавъ на этомъ переходѣ во время бури свою выдержку, хладнокровіе въ опасности и глубокую вѣру въ Бога. Вторично въ этомъ году Петръ вышелъ въ море уже со всей своей эскадрой изъ трехъ судовъ конвоировать заграничные корабли, уходившіе съ товарами въ Европу. Онъ сопровождалъ ихъ до м. Святой Носъ, т.-е. до выхода въ Ледовитый Океанъ, имѣя возможность уже управлять цѣлой эскадрой. Веселаго указываетъ: «Царь построилъ всѣ суда въ линію (кильватеръ) и управлялъ ими посредствомъ принятыхъ на этотъ случай условныхъ сигналовъ».

Значеніе этихъ двухъ путешествій Петра было огромно для Московской Руси. Въ немъ мы видимъ начало осуществленія завѣтнаго вѣкового чаянія народа—выйти къ морю. Петръ, какъ геній, понялъ, что прежде чѣмъ добиваться новыхъ путей, надо использовать то, что есть. Если Москва съ ея нѣмецкой слободой сблизила Петра съ иностранцами, осѣвшими въ Руси, торговыми людьми и главнымъ образомъ военно-сухопутными, то Архангельскъ былъ для Петра необходимый этапъ для сближенія съ иноземцами-моряками. Архангельскъ его эпохи представлялъ значительный торговый портъ — единственный для Россіи. Лѣтомъ онъ былъ полонъ иностранными купеческими кораблями всѣхъ націй, жизнь била въ немъ ключемъ, совершенно необычнымъ для замкнутой Руси. Только здѣсь понялъ Петръ значеніе торговаго флота, значеніе владѣнія моремъ, сблизился и сошелся съ шкиперами и купцами, постоянно бороздящими океанъ, здѣсь же увидѣлъ и первые военные корабли иностранцевъ.

Еще до отъѣзда въ Москву изъ Архангельска онъ приказалъ отправить первый русскій корабль съ русскими товарами за границу, сдѣлавши починъ въ новомъ дѣлѣ. Его постигла неудача, онъ былъ захваченъ французами, но виноватъ былъ не Петръ—это было вѣковое противодѣйствіе Европы новой нарождающейся силѣ на востокѣ.

Петръ понялъ этотъ урокъ, показавшій ему, что право на свободный океанъ онъ долженъ себѣ добыть вооруженной силой. Только съ этой точки зрѣнія можно понять и оцѣнить значеніе всего въ войнахъ проведеннаго царствованія Петра.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ немъ, какъ въ фокусѣ, собрались всѣ современныя и вѣковыя стремленія народа. Во всемъ до мелочей, до бритья бороды, до нѣмецкаго кафтана, онъ лично сдѣлалъ крутой поворотъ отъ старины. Что же можно ожидать отъ него въ области внѣшней политики? Куда онъ повернетъ и направитъ Русь?

Славяно-греко-латинское направленіе старшихъ братьевъ не затронуло Петра. Что же онъ могъ читать? Исторія къ счастью намъ оставила кой-какія свѣдѣнія о библіотекѣ «наверху, у Великаго Государя». Весь XVII вѣкъ послы, возвращавшіеся съ запада, привозили много книгъ. На нихъ даже отпускались деньги по государеву указу. Книги эти переводились, печатались и поступали въ библіотеки къ Великому Государю, въ Посольскій приказъ и частнымъ лицамъ.

Соловьевъ указываетъ, что и книга Крижанича была наверху у Великаго Государя [1]).

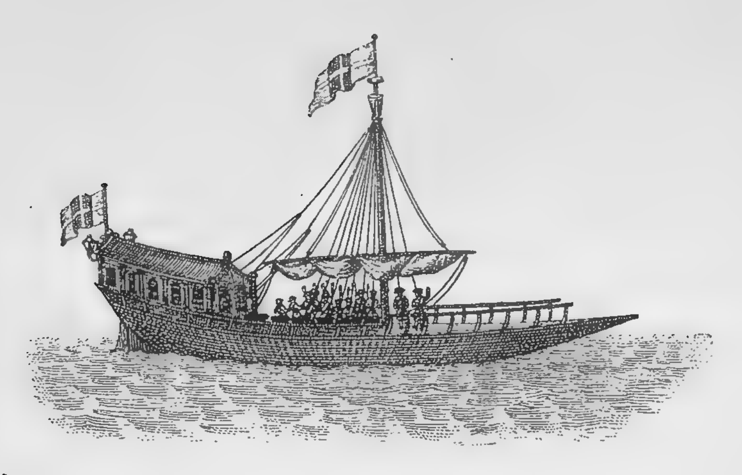
Окруженный со всѣхъ сторонъ участниками первыхъ Московско-Турецкихъ войнъ, воспитанный матерью—ученицей Матвѣева, ознаменовавшаго свое управленіе внѣшними дѣлами Руси крутымъ поворотомъ къ Малороссійскимъ дѣламъ, къ южной задачѣ, къ столкновенію съ Турціей, Петръ не могъ не отдаться со всею страстностью рѣшенію этой очередной задачи. Въ немъ, невиданномъ богатырѣ, сосредоточивались всѣ надежды современниковъ, а иностранцы уже въ 13-лѣтнемъ мальчикѣ предвидѣли грозу для Крыма [2]). Вступивши со смертью матери своей въ полное и самостоятельное управленіе государствомъ, такъ какъ болѣзненный старшій братъ Іоаннъ лишь по имени звался царемъ, Петръ, побывавшій въ Архангельскѣ, создавшій на единственномъ свободномъ открытомъ русскомъ морѣ военную флотилію и положившій починъ русскому торговому мореплаванію, не могъ не осмыслить стихійное движеніе русскаго народа къ южному морю, не могъ не поставить правильныя задачи для завладѣнія имъ и закончить, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Турціи, окруженной коалиціей враждебныхъ державъ, затянувшуюся послѣ Крымскихъ походовъ войну съ Турціей, достойнымъ своего генія и усилій русскаго народа миромъ.

Въ своемъ планѣ войны въ выборѣ стратегическаго направленія, объектовъ операцій, въ неимовѣрной силѣ воли, создавшей въ одну зиму цѣлый флотъ, Петръ оправдалъ надежды своего народа и показалъ, что во главѣ его стоитъ геній, который сможетъ воплотить всѣ смутныя стремленія народа и добиться рѣшенія вѣковыхъ задачъ.

---

[1]) Исторія Россіи съ др. вр., т. XIII, стр. 77 и 81. Юрій Крижаничъ: «Политичныя думы о промыслѣ».

[2]) Резидентъ Генеральныхъ штатовъ, баронъ Келлеръ въ 1685 г. доноситъ про Петра: «Особое вниманіе онъ обращаетъ на военныя дѣла; безъ сомнѣнія, отъ него можно ожидать при совершеннолѣтіи храбрыхъ и славныхъ подвиговъ, въ особенности въ борьбѣ съ Крымскими татарами».



Галера 1696 года.

3. Первая турецкая война.

Весь XVII вѣкъ, въ особенности послѣднюю четверть его, Турція, остановившаяся въ своемъ поступательномъ завоевательномъ движеніи, но утвердившаяся на берегахъ Босфора, постоянно дрожала подъ натискомъ Западной Европы и ударами внутреннихъ смутъ и бунтовъ янычаръ.

Начиная съ Лепантской побѣды (1571 г.), гроза непобѣдимости турокъ прошла. Христіанство въ лицѣ Императорскаго правительства, хотя и медленнымъ еще вначалѣ, но твердымъ шагомъ шло къ ограниченію Турецкой державы и возвращенію отнятыхъ земель. Въ это же время внутреннія смуты въ Турціи подъ вліяніемъ неудачъ, постоянныя смѣны правительства и султановъ, натиски съ востока—въ глубинѣ Азіи—персовъ, все больше приводили въ упадокъ Турецкую имперію. Турція потерпѣла рядъ тяжелыхъ пораженій въ войнахъ: съ Австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ въ 1664 г. въ сраженіи на рѣкѣ Раабѣ при монастырѣ Санктъ-Готардѣ; съ Польшей въ 1673 году, когда Іоаннъ Собѣсскій (впослѣдствіи король Польскій) разбилъ на-голову турокъ при Хотинѣ и отнялъ у нихъ священное зеленое знамя, а затѣмъ вернулъ Польшѣ части Подоліи и Украйны; съ Россіей при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1672—81 г. г.; и, наконецъ, послѣ заключенія 31-го марта 1683 году союза между императоромъ Австрійскимъ и Польшей, при нападеніи въ томъ же году на Вѣну, когда 200-тысячную армію турокъ, осаждавшую столицу, разбила на-голову союзная армія подъ начальствомъ Іоанна III Собѣсскаго, что заставило турокъ бѣжать, оставивши навсегда Германію. Король Польскій съ императорскими войсками преслѣдовалъ ихъ и нанесъ новое пораженіе при Парканахъ и взялъ Грацъ. Въ слѣдующемъ году императорскія войска опять одержали рядъ побѣдъ надъ турками при Вышеградѣ, Вейценѣ, Пештѣ, Гамзабегѣ, Нейчейзелѣ. Въ 1686 году былъ взятъ, наконецъ, Офенъ, и такимъ образомъ, была освобождена вся Венгрія отъ турокъ. Въ то же время

венеціанцы, подъ предводительствомъ Франческо Моросини, завладѣли Мореей, захватили Аѳины, прогнали турокъ изъ Далмаціи и освободили всю Грецію. Христіанскій міръ Западной Европы ликовалъ. Въ брошюрѣ 1687 г. «Торжествующій имперскій орелъ», написанной подъ вліяніемъ успѣховъ австрійцевъ и венеціанцевъ, уже доминируетъ идея объ уничтоженіи владычества турокъ въ Европѣ, перенесенія столицы ихъ въ Каиръ, Дамаскъ или Алеппо [1]). Въ такой моментъ, подъ настойчивымъ давленіемъ Польши и Императора, Москва заключаетъ вѣчный миръ съ Польшей и оборонительно-наступательный союзъ противъ турокъ и татаръ (1686 г.) съ Польшей, Австрійскимъ императоромъ и Венеціанской Республикой, обязуясь приглашать къ союзу и другихъ христіанскихъ государей.

Въ исполненіе этого союзнаго договора, Москвой въ правленіе царевны Софіи было предпринято два похода на Крымъ подъ предводительствомъ ея фаворита князя В. В. Голицына [2]).

Походы эти не повліяли на союзныя операціи на сѣверномъ фронтѣ Турціи, такъ какъ совершенно не отвлекли ея силъ отъ главнаго Дунайскаго театра военныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ Крымскіе татары продолжали свои набѣги на югъ Россіи и въ 1692 году дошли до стѣнъ Немирова, въ Малороссіи, увели громадное число жителей въ плѣнъ, и разорили всѣ его предмѣстья.

Въ то же время турки старались, пользуясь наступившимъ бездѣйствіемъ разоренной войной Польши, разбить союзъ предложеніемъ ей отдѣльнаго мира на выгодныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе сего Императоръ Австрійскій Леопольдъ принужденъ былъ вновь обратиться къ союзникамъ своимъ—Польшѣ и Россіи—съ просьбами о поддержкѣ союза военными дѣйствіями противъ турокъ. (Посольство Іоганна Игнатія барона Курція къ королю Польскому и въ Москву въ 1691 году, гдѣ онъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у Петра). Результатомъ этого было въ маѣ 1692 года подтвержденіе наступательнаго союза противъ Турціи [3]). Предпринятыя въ это же время попытки Москвы въ Крыму заключить отдѣльный выгодный мирный договоръ съ Турціей и Крымомъ на условіяхъ прекращенія набѣговъ татаръ на югъ Руси, прекращенія платежа дани и дозволенія свободнаго плаванія русскимъ торговымъ судамъ по Черному и Азовскому морямъ, не привели къ результатамъ.

Съ этого времени Петръ энергично сталъ готовиться къ войнѣ: онъ организовывалъ свои военныя силы, обучалъ ихъ, устраивалъ постоянно примѣрныя сраженія, собиралъ черезъ донскихъ казаковъ свѣдѣнія объ Азовѣ и все это завершилъ черезъ два года большими Кожуховскими маневрами, а въ слѣдующемъ 1695 году объявилъ походъ на Крымъ.

Такимъ образомъ причинами первой турецкой войны Петра (такъ называемыхъ Азовскихъ походовъ) было, во-первыхъ, исконное стре-

---

[1]) Исторія человѣчества Гельмольта, томъ V; «Европейская Турція и Арменія» проф. Г. Циммерера, стр. 163.

[2]) См. «Ист. Арм. и Фл.» т. I, стр. 77.

[3]) Голиковъ. Дополненіе къ I т. „Дѣяній Петра Великаго“, томъ IV, стр. 125.

мленіе Руси достигнуть естественныхъ южныхъ границъ, выйти къ Черному морю и тѣмъ обезпечить свой тылъ и флангъ во время борьбы на сѣверѣ и западѣ; во-вторыхъ, союзное обязательство передъ Польшей, Венеціей и Австріей, настаивавшихъ на продолженіи военныхъ дѣйствій Русью, для отвлеченія и раздѣленія силъ общаго непріятеля; и въ-третьихъ, сознаніе необходимости покончить, наконецъ, съ послѣднимъ пережиткомъ татарскаго ига—позоромъ зависимости отъ Крыма. Для всего этого Руси было необходимо, какъ первый шагъ, завладѣніе Крымомъ, такъ какъ съ уничтоженіемъ этого послѣдняго гнѣзда и оплота татаръ, она навсегда и надежнѣйшимъ образомъ защищала свою южную границу, имѣя возможность завести флотъ на Черномъ морѣ и освободить свою южную огромную оборонительную военную силу для болѣе продуктивнаго ея использованія; во-вторыхъ, благодаря этому выходу къ Черному морю, она становилась въ свое прежнее, былое, угрожающее положеніе къ столицѣ Турціи—Константинополю (Царьграду) и выходила въ непосредственное сосѣдство со всѣми южными славянами, а главное и послѣднее—входила въ ближайшія торговыя сношенія моремъ со всѣмъ востокомъ (Левантомъ).

Все это не могло не быть ясно Петру. Указывая въ манифестахъ на Крымъ, какъ на задачу и ближайшую стратегическую цѣль войны, Петръ совершенно опредѣленно показалъ, насколько глубоко онъ понялъ важность именно этого объекта операціи.

а) Кампанія 1695 года.

Объявляя походъ на Крымъ и пользуясь этимъ, благодаря неудачнымъ походамъ князя Голицына на Перекопъ, какъ маскированіемъ истинныхъ объектовъ своихъ операцій, Петръ одновременно вводилъ въ заблужденіе турокъ относительно своихъ намѣреній, и, указаніемъ послѣдней цѣли войны, подымалъ духъ народа и союзниковъ. Однако слѣдовать неудачному примѣру Голицына онъ не собирался. Во-первыхъ уже во время самыхъ Крымскихъ походовъ Голицына, Петръ, внимательно за нимъ слѣдившій, совершенно вѣрно ихъ оцѣнилъ, что видно изъ того, что по окончаніи второго похода Петръ долгое время наотрѣзъ отказывался отъ раздачи наградъ его участникамъ. Во-вторыхъ, участники этихъ походовъ Гордонъ, Лефортъ, Шеинъ были послѣ переворота 1689 г. ближайшими друзьями Петра и главными начальниками отдѣльныхъ частей его армій во время Азовскихъ походовъ, а Шеинъ во второмъ походѣ даже главнокомандующимъ Азовской арміей; ошибки Крымскихъ походовъ, вслѣдствіе этого, не могли не быть ясны Петру.

Поэтому болѣе естественно предположить, что Петръ въ выработкѣ плана операцій обратился къ опыту и указаніямъ своего отца—царя Алексѣя Михайловича, ведшаго первую Московско-Турецкую войну на двухъ театрахъ—Днѣпровскомъ и Донскомъ. Только Петръ въ зависимости отъ измѣнившейся обстановки первоначально перенесъ главныя свои усилія съ Днѣпровскаго на Донской театръ.

Планъ операціи Петра—захватъ устьевъ обѣихъ рѣкъ, Днѣпра и Дона, для созданія сразу на Черномъ и Азовскомъ моряхъ морскихъ силъ и двухъ базъ для отрѣзанія флотомъ Крыма отъ Турціи, снабжающей и поддерживающей его метрополіи,—планъ простой и геніальный, достойный его творца. Въ самомъ дѣлѣ, изъ распредѣленія и сравненія обѣихъ его армій видно, что Петръ придаетъ имъ равное значеніе. На главную операцію подъ Азовъ онъ ведетъ изъ вновь сформированныхъ старыхъ стрѣлецкихъ полковъ и донскихъ казаковъ армію въ 31.000 ч., а на второстепенную — отряжаетъ армію, хотя и стариннаго московскаго устройства и запорожскихъ казаковъ, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Мазепы, но въ 120.000 человѣкъ.

Такое соотношеніе силъ, хотя и неравныхъ по качеству, ясно указываетъ, что операціямъ въ устьяхъ Днѣпра Петръ придавалъ серьезное значеніе. Между тѣмъ турки не были обмануты этимъ манифестомъ, что видно изъ принятыхъ ими подготовительныхъ мѣръ по укрѣпленію, усиленію войсками и подвозомъ снабженій въ Азовъ передъ первымъ Азовскимъ походомъ въ 1695 году, и скорѣе на Днѣпровскомъ театрѣ они не были готовы къ отпору, такъ какъ большая часть Крымцевъ ушла за Донъ для нападеній на осадную Азовскую армію.

Съ вскрытіемъ рѣкъ и первымъ подножнымъ кормомъ, армія Шереметева двинулась къ устьямъ Днѣпра и, соединившись съ запорожскими казаками гетмана Мазепы, обложила турецкія укрѣпленія, сторожившія выходъ въ Черное море. Тѣмъ временемъ вторая армія заканчивала свою организацію въ Москвѣ и Тамбовѣ. Авангардъ Гордона, предназначенный къ сосредоточенію въ Воронежѣ для спуска Дономъ на стругахъ къ Азову, по просьбѣ Гордона, разсчитывавшаго дойти до Азова сухимъ путемъ скорѣе—въ 3 недѣли, былъ собранъ въ Тамбовѣ въ концѣ апрѣля и оттуда двинулся къ Черкасску на соединеніе съ донскими казаками. Въ составъ авангарда входило 9.400 солдатъ и стрѣльцовъ съ 53 орудіями и 4.000 повозокъ обоза для подъема полковыхъ тяжестей, артиллеріи, боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ (Бутырскій полкъ Гордона, 4 солдатскихъ и 7 стрѣлецкихъ полковъ, 10 мортиръ, 12 дроб.. 31 фалькон., 6.000 пудовъ пороха, 4.600 ядеръ и 4.000 гранатъ).

Въ концѣ апрѣля закончились также послѣднія приготовленія къ походу и въ Москвѣ. Главная часть этой второй арміи, послѣ церемоніальнаго шествія черезъ всю Москву, 27 апрѣля была размѣщена по заготовленнымъ стругамъ [1]). Въ составъ ея входили колонны А. М. Головина и Лефорта, численностью до 22 тыс. У Головина—Преображенскій полкъ съ бомбардирской ротой Петра Михайлова, Семеновскій и 6 стрѣлецкихъ полковъ, около 7.000 человѣкъ; у Лефорта—нѣсколько солдатскихъ стрѣлецкихъ полковъ, въ числѣ до 14.000. Артиллерія состояла изъ 60 24-фунтовыхъ пушекъ и 110 мортиръ и 14 тысяч. бомбъ, 9.100 ядеръ, 1.000 гранатъ и 16 тысячъ пудовъ пороха.

---

[1]) Количество ихъ и кѣмъ построены, въ какой срокъ нигдѣ не опредѣлено.

28 апрѣля послѣ богослуженія въ Успенскомъ соборѣ и напутственнаго благословенія патріарха Адріана, Петръ, простясь съ царскимъ семействомъ, далъ знакъ къ отплытію по высокой весенней водѣ внизъ по теченію Москвы-рѣки. Выйдя въ Оку, суда спустились къ 16-му мая къ Волгѣ и остановились у Нижняго-Новгорода, гдѣ пришлось часть груза перегружать на новые струги, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ еле дошли. 21-го армія двинулась дальше внизъ по Волгѣ и 7-го іюня, наконецъ, достигла Царицына. Отсюда сухимъ путемъ армія перешла въ недѣльный срокъ къ Паншину на Дону, перевезя почти всѣ тяжести на себѣ, такъ какъ обозныхъ лошадей не было, и далѣе, снова погрузившись на струги Воронежской постройки, пошла плавнымъ ходомъ по Дону, и 26 іюня прибыла въ Черкасскъ, откуда только въ этотъ день выступилъ Гордонъ съ авангардомъ къ Азову. Такимъ образомъ переходъ Гордона сухимъ путемъ потребовалъ отъ Тамбова до Азова не три недѣли, какъ онъ предполагалъ, а тѣ же два мѣсяца, что шла и вся армія воднымъ путемъ, съ перегрузками, отъ Москвы. Въ 15-ти верстахъ выше Азова, при впаденіи рѣки Койсуги въ Донъ у Мытишевой пристани Гордономъ было выбрано мѣсто для высадки главныхъ силъ и построено небольшое укрѣпленіе для прикрытія высадки отъ нападенія татаръ. 29 іюня къ этому мѣсту прибылъ Петръ съ войсками Головина и Лефорта и началъ въ тотъ же день высадку. 5 іюля вся армія, наконецъ, подошла къ крѣпости и начала осаду. Несмотря на это, полнаго объединенія власти въ одномъ лицѣ не было сдѣлано. Армія управлялась «консиліей трехъ генераловъ Гордона, Лефорта и Головина и съ приговора бомбардира Петра Михайлова». Это отсутствіе единоначалія, при розни, зависти и недоброжелательности другъ къ другу генераловъ, сильно отразилось на успѣхахъ военныхъ дѣйствій этой кампаніи на Азовскомъ театрѣ войны. Въ то же время крѣпость, опиравшаяся на морскую силу имѣла постоянное сообщеніе съ своей страной, получала, благодаря владѣнію моремъ своего флота, подвозъ снабженія и подкрѣпленій, и не могла быть блокирована непріятелемъ, имѣвшимъ лишь сухопутную силу. Въ эту кампанію здѣсь Петромъ были взяты лишь два укрѣпленія—Каланчи, выше Азова, преграждавшихъ цѣпями прямой подходъ Дономъ къ Азову. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ штурмовъ, въ коихъ блестяще показали себя молодые Петровскіе полки гвардіи, Петръ принужденъ былъ позднею осенью снять осаду и вернуться въ Москву, оставивъ лишь гарнизонъ въ занятыхъ укрѣпленіяхъ, чтобы возобновить ихъ и усилить. Это укрѣпленіе было названо Новосергіевскомъ. Въ то же время на Днѣпровскомъ театрѣ войны армія Шереметева и Мазепы дѣйствовала гораздо успѣшнѣе. Ими были въ эту кампанію взяты двѣ крѣпости—Казикермень и Таганъ, два укрѣпленія, брошенныя турками,—Орсланъ-Ордекъ и Шагинъ-Керменъ—совершенно разорены, а ниже по Днѣпру, на островѣ Таванъ, устроено укрѣпленіе, названное по имени острова, гдѣ было оставлено два полка гарнизона. Укрѣпленіе это для слѣдующей кампаніи должно было сыграть важную роль передовой базы для дальнѣйшаго движенія къ Черному морю.

Такимъ образомъ результатомъ этой кампании было: во-первыхъ, пріобрѣтеніе важныхъ опорныхъ пунктовъ въ устьяхъ Дона и Днѣпра для продолженія борьбы; во-вторыхъ, сознаніе недостаточности однихъ сухопутныхъ силъ для завладѣнія приморской крѣпостью, имѣющей общеніе со своей страной при помощи флота; въ-третьихъ,—сознаніе вреда организаціи высшаго командованія арміей при помощи «консиліи» равныхъ и неподчиненныхъ другъ другу начальниковъ, и, наконецъ, въ-четвертыхъ,—сознаніе недостаточной готовности своихъ бомбардировъ и случайныхъ инженеровъ (Фр. Тимерманъ, Брюсъ, Моро), — и мы увидимъ, что при подготовкѣ слѣдующей кампаніи Петръ устраняетъ всѣ эти ошибки.

Теперь полезно сравнить выводы Петра изъ Крымскихъ походовъ Голицына съ результатами этой кампаніи.

Изъ Петровскаго плана войны на 1695 годъ видно, что онъ уже ясно созналъ: 1) необходимость созданія флота на Черномъ морѣ для завоеванія Крыма, 2) необходимость захвата для этого устьевъ Днѣпра и Дона, вытекавшихъ изъ нѣдръ Россіи и запертыхъ турками, 3) необходимость реорганизаціи для этого военно-сухопутныхъ силъ и 4) важность водныхъ путей для маршъ-маневра и, главнымъ образомъ, для коммуникаціи.

Новая кампанія, кромѣ административно-организаціонныхъ выводовъ, главнымъ образомъ, въ стратегическомъ отношенія, указала на необходимость немедленнаго, внутри страны, созданія флота для выхода въ море.

Въ эту кампанію Петръ смотрѣлъ еще на флотъ, какъ на транспортное, вспомогательное средство, разсчитывая въ будущемъ, при выходѣ къ морю, дать ему соотвѣтствующія задачи, и надѣялся лишь на сухопутныя силы. Неудача кампаніи доказала ему, что безъ флота невозможно и къ морю пробиться. Такимъ образомъ Крымскіе походы Голицына стоятъ въ непосредственной идейной связи съ первой турецкой войной Петра въ исторіи военнаго искусства Россіи.

б) Кампанія 1696 г.

Уѣзжая въ первый походъ подъ Азовъ, Петръ, окрыленный надеждами на свои новые полки, писалъ съ обычною бодростью своему другу Апраксину въ Архангельскъ: «шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ», но результаты похода, страшныя потери при штурмахъ и отступленіи показали Петру, что война не шутка, не забава.

При организаціи слѣдующей кампаніи онъ для обезпеченія успѣха устраняетъ всѣ ошибки предыдущей, создаетъ новую силу—флотъ — въ одну зиму, не жалѣетъ средствъ. Еще по дорогѣ въ Москву онъ пишетъ своимъ союзникамъ королю Польскому и императору Австрійскому о результатахъ кампаніи, проситъ выслать къ веснѣ знающихъ инженеровъ, артиллеристовъ, корабельныхъ мастеровъ, убѣждаетъ энергично возобновить затихнувшія у нихъ военныя дѣйствія противъ турокъ на Дунаѣ, для раздѣленія ихъ силъ, и обѣщаетъ ранней весной снова выслать войска многочисленнѣе прежнихъ на Крымъ.

Устроивши 22 ноября торжественный входъ въ Москву, Петръ немедленно собираетъ консиліи генераловъ для обсужденія плана будущей кампаніи. На этихъ совѣщаніяхъ постановляется къ веснѣ на Дону выстроить флотъ въ 2 корабля-галеаса, 22 галеры и 4 брандера, назначается адмираломъ—Лефортъ, а командующимъ всей Азовской арміей—генералиссимусомъ — бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ (принципъ

единоначалія, чѣмъ устранялись всѣ недоразумѣнія отъ многовластія прошлой кампаніи).

Планъ кампаніи по существу (по идеѣ — Крымъ) былъ оставленъ прежнимъ, но въ него въ зависимости отъ опыта борьбы были внесены значительныя поправки.

Объектомъ операцій опять были выбраны устья Днѣпра и Дона, соотвѣтственно чему снова были организованы 2 арміи—Шереметева и Шеина, но силы ихъ были въ этомъ году почти сравнены. Армія, назначенная подъ Азовъ, была значительно усилена ратными людьми московскаго чина, солдатскими и стрѣлецкими полками (дивизія генерала Реге-

мана—10.000 человѣкъ) и малороссійскими казаками—(15.000 человѣкъ), и доведена численностью до 75.000 человѣкъ. Шереметевская же соотвѣтственно тысячъ на 25 человѣкъ уменьшилась. Такое значительное увеличеніе Азовской арміи, при условіи созданія флота, объясняется желаніемъ Петра безусловно обезпечить себѣ успѣхъ на томъ театрѣ, гдѣ въ предыдущую кампанію онъ принужденъ былъ отступить. Армія эта, раздѣленная на 3 дивизіи—Гордона, Регемана и Головина, должна была, сосредоточившись ранней весной у Воронежа, двинуться совмѣстно съ флотомъ плавнымъ ходомъ къ Азову. На флотъ возлагалась задача блокированія крѣпости съ моря. Въ то же время Днѣпровская армія Шереметева и остальные малороссійскіе запорожскіе казаки гетмана Мазепы должны были двинуться къ Днѣпровскому лиману для дѣйствія противъ послѣдняго оставшагося здѣсь оплота турокъ — Очакова [1]. На отдѣльный отрядъ этой арміи въ 2.500 человѣкъ съ артиллеріей, подъ начальствомъ думнаго дворянина Неплюева, совмѣстно съ запорожскими казаками на выстроенныхъ въ Брянскѣ 88 стругахъ и 30 лодкахъ, была возложена для демонстраціи задача поиска и нападенія на берега Крыма съ моря. Такимъ образомъ по плану и въ этомъ году Шереметевская армія имѣла свои опредѣленныя и страшно важныя стратегическія задачи, а демонстрація была возложена на особый летучій отрядъ для нападенія на Крымъ съ моря.

Еще во время осады Азова, въ іюлѣ 1695 года, Петръ получилъ изъ Москвы извѣстіе, что заказанная имъ въ Голландіи, въ предыдущемъ году, галера готова и отправлена моремъ въ Архангельскъ. Прибытіе ея въ данное время было для Петра какъ нельзя болѣе кстати. Галера шла въ разобранномъ видѣ съ моделью и мастеромъ для сборки на мѣстѣ. Изъ Архангельска она была воднымъ путемъ доставлена въ Вологду, а оттуда до Москвы была отправлена по зимнему пути на саняхъ. Въ началѣ января 1696 года она прибыла въ село Преображенское. Эта галера и послужила образцомъ для постройки къ вешней водѣ 22-хъ такихъ же галеръ для Азовскаго флота.

Въ Преображенскомъ бывшіе потѣшные и моряки съ Переяславскаго озера—семеновскіе и преображенскіе солдаты и бомбардиры стали немедленно заготовлять лѣсъ. Съ прибытіемъ голландской галеры по ея образцу начали вырубать части 22 галеръ, а также и 4 брандеровъ, а въ Воронежѣ — 2 кораблей-галеасовъ, подъ надзоромъ стольника разряда Титова. Для постройки этихъ кораблей былъ выписанъ изъ-за границы корабельный мастеръ Августъ Мейеръ, прибывшій въ Воронежъ въ началѣ марта. Въ то же время были собраны со всѣхъ концовъ Россіи для постройки плотники, знающіе судовое дѣло. Среди нихъ главное мѣсто занимали вологжане. Кромѣ того подоспѣли и присланные изъ Архангельска Апраксинымъ шхипъ-тимерманы, юнги и штирманы.

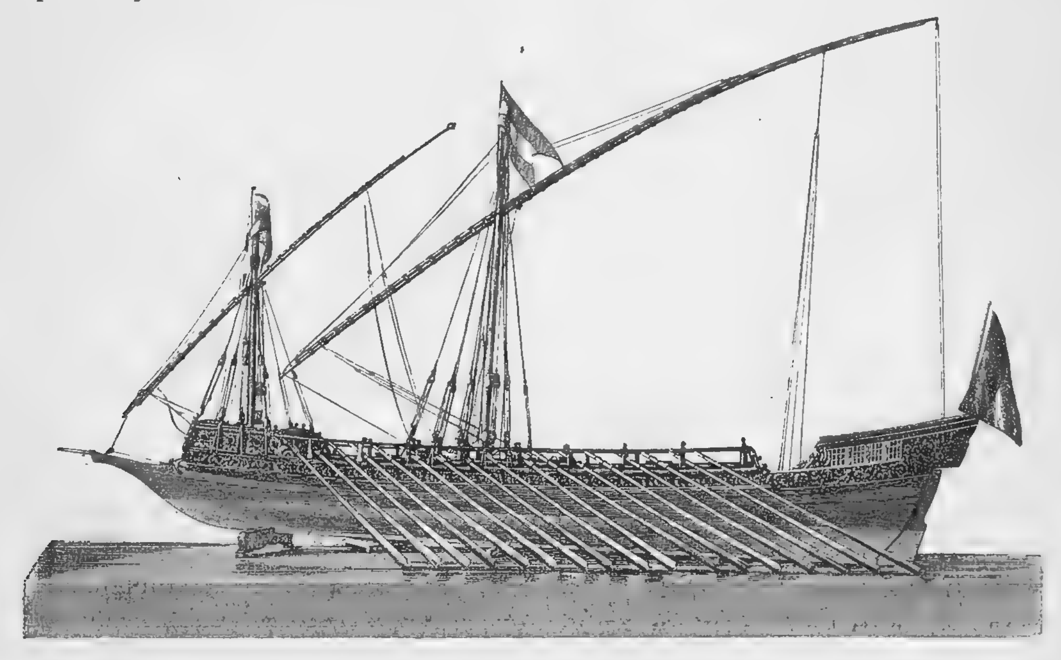
---

[1]) «А о плавномъ де подъ Очаковъ походѣ доносилъ онъ, гетманъ, и чтобъ для того похода сдѣланы были въ Брянскѣ суды“... Выписки изъ отписки гетмана Мазепы къ Бѣлогородскому воеводѣ 1696 года іюля 18. Елагинъ. Исторія Русскаго флота. Пер. Азовскій; приложеніе, т. II, ч. IX, № 4, стр. 498.

Первый адмиралъ русскаго флота
Францъ Яковлевичъ Лефортъ.
СЪ ПОРТРЕТА ВЪ МУЗЕѢ МОРСКОГО КОРПУСА.

Для транспортныхъ средствъ одновременно, по примѣру предыдущаго года, было велѣно изготовить жителямъ Бѣлогородскаго полка въ Козловѣ, Добромъ, Сокольскѣ и Воронежѣ, подъ надзоромъ стольниковъ разряда, 1.300 струговъ, 300 лодокъ да 100 плотовъ.

Пока въ Преображенскомъ шла рубка лѣса, въ Москвѣ былъ сформированъ морской региментъ. Адмираломъ флота былъ назначенъ Лефортъ, вице-адмираломъ и шаутбенахтомъ—лично извѣстные Петру командиры солдатскихъ полковъ, полковники Лима и Де-Лозьеръ, а командирами судовъ—капитаны тѣхъ же полковъ, однимъ изъ галеасовъ на-



Изображеніе галеры, построенной по заказу Петра въ Голландіи въ 1695 году.
(Съ модели, хранящейся въ Гаагѣ).

(Галера—большое гребное 1 или 2-хъ мачтовое судно, вооруженное одной крупной и нѣсколькими мелкими пушками. Употреблялось въ русскомъ флотѣ преимущественно для плаванія въ рѣкахъ и шхерахъ).

значенъ былъ командовать строитель ихъ Августъ Мейеръ. Галерой «Принципіумъ» командовалъ капитанъ Петръ Алексѣевъ.

Для комплектаціи судовъ будущаго флота, кромѣ выписанныхъ изъ Архангельска штирмановъ, боцмановъ, юнгъ, матросовъ и шхипъ-тимермановъ, ушедшихъ главнымъ образомъ на сформированіе экипажа одного галеаса, были назначены 4.225 человѣкъ старыхъ и новоприборныхъ солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, раздѣленныхъ на 28 ротъ по числу строившихся судовъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ окончена была уже въ Преображенскомъ заготовка частей всѣхъ судовъ и они были отправлены каждое при своей командѣ и командирѣ въ Воронежъ.

28 февраля Петръ, похоронивъ своего брата, царя Іоанна, уже былъ въ Воронежѣ, и выбралъ мѣсто для сборки всѣхъ судовъ и спуска

ихъ на воду. Съ половины марта жизнь въ Воронежѣ забила ключемъ — всѣ суда уже были на блокахъ и собирались подъ личнымъ наблюденіемъ Петра и шаутбенахта Де-Лозьера.

Строившійся флотъ, какъ выше указано, состоялъ изъ 2 кораблей-галеасовъ, 23 галеръ или каторгъ и 4 брандеровъ. Первый корабль—«Апостолъ Петръ» былъ 36 пуш., длиною 113 фут., шир. 25 фут., второй—«Апостолъ Павелъ» — тоже 36 пуш., длиною 98 фут. и шириной 30 футъ. Углубленіе обоихъ судовъ, а также калибръ орудій—неизвѣстны. По типу оба эти судна подходили къ современнымъ имъ кораблямъ IV ранга иностранныхъ флотовъ. Выписанная изъ Голландіи галера Лефорта имѣла наибольшую длину 125 фут., по ватерлиніи 96 фут., а по килю 87 фут., наибольшая ширина съ постицами—около 30 футъ, а безъ постицъ—20 фут., ширина борта отъ верхней кромки киля около $12^1/_2$ футъ, углубленіе ахтеръ-штевнемъ $6^1/_2$ футъ, а форштевня — 4 фута.

Сосредоточеніе войскъ къ Азовскому театру военныхъ дѣйствій началось ранней весной. Гетману Мазепѣ было приказано отправить къ Черкасску 6 малороссійскихъ полковъ—15.000 казаковъ, а Бѣлгородскому воеводѣ Шереметеву—7 полковъ генерала Регемана на Валуйки и далѣе по Осколу и Донцу къ Черкасску.

Къ 23 марта дивизія Гордона была уже собрана къ Воронежу, а въ концѣ марта туда же подошли и остальныя войска Головина и главнокомандующій — генераллисимусъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ со своимъ штабомъ. Съ приходомъ къ Воронежу струговъ немедленно началось распредѣленіе ихъ по частямъ войскъ, нагрузка артиллеріи, провіанта, снабженія, посадка авангарда Гордона и штабовъ.

23 апрѣля вся посадка войскъ и нагрузка была закончена, и на 1 галерѣ и 111 стругахъ двинулся авангардъ Гордона съ Бутырскимъ и 4 стрѣлецкими полками—3.500 человѣкъ. Черезъ 2 дня пошелъ Головинъ съ преображенцами и семеновцами и вслѣдъ за нимъ Шеинъ со своимъ штабомъ. Всѣ остальныя войска шли сухимъ путемъ къ Черкасску. Кормчими и гребцами на стругахъ, лодкахъ и плотахъ были посланы бѣглые съ работъ, всего 1.669 человѣкъ.

26 апрѣля былъ спущенъ, наконецъ, первый галеасъ—«Апостолъ Петръ», а черезъ два дня отправленъ внизъ къ Азову. О состояніи его въ моментъ отплытія можно судить по тому, что съ нимъ было отправлено «на отдѣлку галеасовъ» шесть струговъ съ различными припасами, дубовыми досками, канатами, смолой, желѣзомъ и прочимъ. Въ такомъ же состояніи при отправленіи въ путь были почти всѣ галеры, что видно изъ того, что на всѣхъ нихъ продолжались еще въ пути даже различныя работы—кузнечныя и проч., а припасы съ пиловальной мельницы, паруса, канаты, конопать и проч. направлялись даже въ Коротоякъ, Черкасскъ, въ догоню за флотомъ.

Первый отрядъ галеръ выступилъ изъ Воронежа 3 мая подъ начальствомъ командира галеры «Принципіумъ» капитана Петра Алексѣева, на другой день пошелъ адмиралъ Лефортъ.

10 мая отправился вице-адмиралъ Лима съ 7 галерами, а 21 мая думный дворянинъ С. И. Языковъ съ хлѣбными и всякими запасами и, наконецъ, послѣднимъ шаутбенахтъ Де-Лозьеръ на своей галерѣ съ 4-мя брандерами. Съ послѣднимъ эшелономъ отправился цѣлый караванъ струговъ съ лѣсными припасами, рангоутомъ, канатами, галерными короткими пушками, смолой, конопатью, углемъ и шесть струговъ особо съ виномъ и сбитнемъ.

14 мая отрядъ Гордона подошелъ къ Черкасску, куда уже раньше пришелъ Регеманъ, а на другой день прибылъ и Государь со своими 8-ю галерами. Весь этотъ походъ первый отрядъ галеръ шелъ безостановочно подъ парусами и веслами. На пути онъ обогналъ главныя силы Головина и Шеина. Тотчасъ по выходѣ изъ Воронежа Государь занялся организаціей будущаго флота и 8 мая объявилъ первыя статьи флоту— «Указъ по галерамъ 1696 года», содержащій въ 15 статьяхъ главныя правила походнаго движенія флота и боя; въ нихъ же даны были первыя правила дневной и ночной сигнализаціи при постановкѣ и съемкѣ съ якоря днемъ и ночью; 5-ой статьей, «подъ великимъ запрещеніемъ», повелѣвалось «въ шествіи другъ друга неотставать и въ своихъ мѣстахъ плыть какъ въ парусахъ, такъ и въ веслахъ», 7 и 8 статьи указывали сигналы для созыва капитановъ къ караванному начальнику, а 6-ая и остальныя 7—главныя наставленія для боя: сигналъ о приготовленіи къ бою—«красное знамя, вмѣсто обыкновеннаго и одинаго изъ пушки да выстрѣлить», способы передачи въ походѣ днемъ и ночью извѣстій о непріятелѣ караванному начальнику; правила подачи помощи пострадавшему кораблю въ походѣ—«близь шествующіе оной страждущей галерѣ помогать», а въ бою—«только одна галера должна при ней остаться, а прочимъ не смотря на то исполнять дѣло свое, подъ наказаніемъ смерти»; правила сигнализаціи для атаки непріятеля частью силъ и всѣмъ караваномъ и прекращеніе погони и возвращеніе всѣхъ судовъ въ «свои шквадроны».

Правила заключались 15-ой статьей: «А если въ бою кто товарища своего покинетъ, или не въ своемъ мѣстѣ пойдетъ, такого наказать смертью, развѣ законная причина къ тому его привела» [1]). Такимъ образомъ, во главу своихъ первыхъ морскихъ тактическихъ наставленій Петръ ставитъ принципъ взаимной поддержки.

Еще до прибытія Гордона и Петра къ Черкасску, войсковой атаманъ донского казачьяго войска Фролъ Миняевъ отправилъ станичнаго атамана Леонтія Поздѣева съ 250 казаками на легкихъ казачьихъ лодкахъ въ Азовское море «для промысла надъ непріятелемъ».

17 мая Поздѣевъ вернулся въ Черкасскъ и донесъ о своей попыткѣ напасть подъ вечеръ третьяго дня пребыванія на взморьѣ на 2 только что пришедшіе турецкіе корабля. Нападеніе его было отражено турками, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невозможности казакамъ

---

[1]) Елагинъ. Исторія Русскаго флота. Азовскій періодъ; прилож., т. I, часть I, № 33, стр. 58—60.

взобраться на высокіе борта кораблей для абордажа. Извѣстіе это страшно обрадовало Петра возможностью близкой легкой морской побѣды. На другое же утро Петръ, переговоривъ съ Гордономъ, отправилъ его впередъ къ Новосергіевску, а самъ со своими галерами пошелъ въ 5 час. дня. Съ нимъ вмѣстѣ отправились 40 казачьихъ лодокъ (по 20 человѣкъ въ каждой), съ атаманомъ Фроломъ Миняевымъ. Въ ночь на 19 мая этотъ отрядъ подошелъ къ Новосергіевску; Государь съ казаками въ 2 часа ночи, а Гордонъ въ 5 час. утра. Въ тотъ же день на военномъ совѣтѣ у Государя было рѣшено сдѣлать ночное (принципъ внезапности) нападеніе на турецкія суда галерами и казаками на лодкахъ; на галеры былъ посаженъ одинъ изъ полковъ Гордона; Гордонъ же, высадившись на Каланчинскій островъ, долженъ былъ, въ случаѣ выхода гарнизона Азова навстрѣчу турецкому десанту, ударить ему въ тылъ. Вечеромъ 40 казачьихъ лодокъ подъ начальствомъ Фрола Миняева и 9 галеръ Государя тронулись къ устьямъ, но вслѣдствіе малой воды галеры не могли выйти черезъ баръ въ море, и въ 3-мъ часу повернули обратно къ Новосергіевску, къ страшному огорченію Петра. Государь пересѣлъ на разсвѣтѣ на одну изъ казачьихъ лодокъ и вышелъ съ ними въ море; взорамъ ихъ представилось не 2 корабля, а цѣлый флотъ изъ 13 кораблей и многихъ мелкихъ судовъ. Еще болѣе досадуя на невозможность воспрепятствованія высадкѣ турецкаго десанта, Петръ вернулся къ отряду галеръ, который дожидался его выше, и пошелъ съ нимъ къ Новосергіевску. Но оставшіеся въ устьяхъ одного изъ рукавовъ Дона (Каланчи) казаки продолжали наблюденіе за турецкимъ флотомъ, который утромъ 20 мая отправилъ человѣкъ 500 десанта въ Азовъ. Вечеромъ того же дня казаки снова замѣтили приготовленіе флота къ высадкѣ и стали напряженно слѣдить за караваномъ изъ 13 тумбасовъ, (мелкихъ транспортныхъ судовъ), нагруженныхъ снарядами, оружіемъ, деньгами, суднами, съѣстными припасами, подъ защитой 11 ушколовъ, (большихъ лодокъ) съ янычарами, направленныхъ къ берегу. Выждавъ подхода къ устью всѣхъ этихъ судовъ, казаки стремительно ихъ атаковали, захватили 10 тумбасовъ съ грузомъ и 27 плѣнными, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Турецкій флотъ, увидѣвъ это пораженіе своей мелкой флотиліи, въ замѣшательствѣ сталъ сниматься съ якоря, при чемъ бросилъ 2 корабля, не успѣвшихъ встать подъ паруса. Одинъ изъ нихъ турки сами затопили, а другой былъ сожженъ казаками. Этотъ первый успѣхъ на морѣ, хотя и казаковъ, а не флота Петра, сильно его обрадовалъ, тѣмъ болѣе, что результатомъ его было бѣгство всего турецкаго флота. Теперь Петръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія всего флота съ Лефортомъ отъ Черкасска и, на другой день по его приходѣ, при первой полной водѣ 27 мая вывелъ лично флотъ черезъ устье и занялъ позицію для блокады всѣхъ рукавовъ Дона. Это былъ первый выходъ русскаго военнаго флота въ море. Для укрѣпленія позиціи флота по обоимъ берегамъ Кутюрминскаго рукава было устроено по укрѣпленію.

2 іюня къ первому отряду прибылъ вице-адмиралъ съ 7 галерами, затѣмъ черезъ нѣсколько дней капитанъ князь Трубецкой съ осталь-

ными галерами, и, наконецъ, 12 іюня пришелъ шаутбенахтъ съ послѣдней галерой и 4 брандерами. Корабль «Апостолъ Петръ», прибывшій къ Новосергіевску, сначала, за противнымъ вѣтромъ, а при противоположныхъ—по мелководью, не могъ выйти въ море и остался у Новосергіевска. Черезъ два дня послѣ соединенія всего русскаго флота, турки сдѣлали еще попытку провести десантъ и подать помощь осажденной крѣпости. 14 іюня на горизонтѣ сначала показалось нѣсколько парусовъ, а затѣмъ подошелъ и весь турецкій флотъ изъ 6 кораблей и 17 галеръ, и всталъ на якорь противъ русскаго флота. На этой эскадрѣ, какъ потомъ оказалось, было привезено 4.000 десантнаго войска для усиленія гарнизона крѣпости. Двѣ недѣли простоялъ турецкій флотъ въ

Корабль «Апостолъ Петръ» и галеры 1696 года.
(Съ картины Схонбека, представляющей взятіе Азова. Москва, 1699 г.).

бездѣйствіи и, наконецъ, 28 іюня рѣшился везти десантъ [1]). Утромъ 24 гребныхъ судна направились къ берегу, но нашъ флотъ, по приказанію Петра, немедленно при этомъ сталъ сниматься съ якоря. Завидѣвъ это, турки вернули суда, снялись съ якоря всѣмъ флотомъ и ушли въ море.

Это была послѣдняя попытка спасти крѣпость, которая, не получивъ подкрѣпленія, принуждена была черезъ 3 недѣли—18 іюля сдаться на капитуляцію.

На другой день, 19 іюля, русскія войска вошли въ городъ, представлявшій груду развалинъ, а флотъ подошелъ къ крѣпости и бросилъ якоря съ пушечною пальбою.

[1]) Голиковъ. Доп. къ Дѣян. Петра Великаго, т. V, и Елагинъ — Исторія Русскаго Флота; періодъ Азовскій, прилож., томъ I, отд. II, журналъ похода.

Недѣлю спустя, 26 іюля, Петръ рѣшилъ выйти въ море съ флотомъ для осмотра побережья завоеваннаго моря и выбора мѣста для военнаго порта.

Выборъ Государя и его спутниковъ остановился на мѣстности около мыса Tagana Rogue, гдѣ и рѣшено было строить военный морской портъ, по удобству устройства здѣсь гавани, возвышенному каменистому берегу, удобному для постройки укрѣпленія, и наличію хорошей воды. Дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій на этомъ театрѣ Петръ болѣе въ эту кампанію не предпринималъ. Въ гарнизонѣ Азова подъ начальствомъ стольника князя Львова было оставлено 6 солдатскихъ и 4 стрѣлецкихъ полка (3.300 человѣкъ). Въ вѣдѣніе того же воеводы поступили и первыя суда русскаго военнаго флота по окончаніи кампаніи. Начиная съ 5 августа войска и морской регименть выступили обратно къ Москвѣ сухимъ путемъ и на гребныхъ судахъ. Галеасы, галеры и брандеры были разоружены и поставлены на рѣкѣ около Азова, чѣмъ и кончилась первая служба русскаго флота, созданнаго неимовѣрнымъ усиліемъ генія Петра Великаго и богатыря народа.

Одновременно съ осадой Азова, по плану кампаніи, предполагалось опять раннею весною двинуть армію Шереметева и малороссійскихъ казаковъ гетмана И. С. Мазепы къ устьямъ Днѣпра для нападенія на Очаковъ, «для промысла моремъ надъ Крымскими юрты и для береженія и осторожности завоеванныхъ на Днѣпрѣ Таванскаго и другихъ городовъ».

Этими дѣйствіями арміи Шереметева на Днѣпровскомъ театрѣ Петръ разсчитывалъ отвлечь крымскихъ татаръ отъ Азова, такъ мѣшавшихъ въ предыдущую кампанію ежедневными нападеніями на осадную армію. Но медлительность Шереметева въ эту кампанію опять допустила крымцевъ, подъ предводительствомъ Нурадынъ-султана, пройти къ Азову и соединиться съ татарами за рѣкою Кагальникомъ, вслѣдствіе чего и во время второй осады Азова татары постоянно нападали на русскій лагерь.

Даже этимъ ослабленіемъ непріятельскихъ силъ Шереметевъ и Мазепа не воспользовались для рѣшительныхъ дѣйствій на Днѣпровскомъ театрѣ.

Подготовка кампаніи на этомъ театрѣ началась тоже заблаговременно, повидимому, одновременно съ Азовской. По наряду разряда [1]) въ Брянскѣ стольнику и воеводѣ Семену Бредихину велѣно было сдѣлать 42 струга большихъ мѣрою по 10 саж., 50 струговъ малыхъ, длиною $6^1/_2$—5 саж. и 50 лодокъ однодеревныхъ, длиною $7^1/_2$—5 саж. По отпискамъ въ разрядъ этого воеводы, къ вешней водѣ указанное число съ припасами было изготовлено и отпущено изъ Брянска въ Кіевъ: 23 апрѣля—42 струга большихъ, 46 струговъ малыхъ и 45 лодокъ, и 25 мая—7 струговъ большихъ, 1 малый и 1 лодка. Кромѣ этого кіевскимъ полковникомъ Константиномъ Мокѣевскимъ сдѣланы къ мор-

[1]) Елагинъ. Исторія Русскаго Флота. Азовскій періодъ. Приложенія, часть II, приложен. IX, № 2, стр. 437.

скому ходу заобычными мастерами 3 судна, да запорожскими казаками подъ начальствомъ кошевого Якова Мороза около 30 [1]).

Извѣстій, освѣщающихъ походъ и дѣйствія Шереметевской арміи въ эту кампанію, почти не сохранилось [2]).

15 іюня назначенный для демонстраціи—для промысла надъ крымскими юрты—отрядъ думнаго дворянина Неплюева прибылъ подъ Орелъ (при впаденіи рѣки Орелъ, впослѣдствіи слобода Ольвіополь), а водныя суда съ хлѣбными запасами изъ Кіева туда же привелъ маіоръ Василій Залѣской только 9 іюля, при этомъ съ нимъ прислано было только 42 струга большихъ, 46 малыхъ да 31 лодка однодеревыя не обшитыя. Въ тотъ же день, погрузивши весь обозъ, Неплюевъ двинулся внизъ по Днѣпру сухимъ путемъ и плавнымъ ходомъ и 12 іюля пришелъ въ Самару подъ Новобогородицкій городокъ. Здѣсь отрядъ задержался на недѣлю для обшивки и конопаченія лодокъ и тронулся далѣе, при чемъ, вслѣдствіе малой воды на Днѣпрѣ, съ большими затрудненіями, съ выгрузкой артиллеріи и провіанта изъ наиболѣе глубоко сидящихъ струговъ, потерявъ разбившимися нѣсколько струговъ, съ 23 по 28 іюля перешелъ, наконецъ, пороги и, нагрузивши снова въ суда всѣ пушки и полковые припасы, 29 іюля пошелъ «съ большимъ поспѣшеніемъ» къ Тавански, куда и прибылъ 1 августа.

Подойдя къ Таванску, Неплюевъ выбралъ въ полуверстѣ ниже по берегу Днѣпра позицію и устроилъ укрѣпленный лагерь. Между тѣмъ, назначенный гетманомъ Мазепой кіевскій полковникъ Константинъ Мокѣевскій для того же похода моремъ на Крымскіе юрты прошелъ Таванскъ раньше Неплюева и часть казаковъ отправилъ въ море съ запорожцами, а съ остальными сталъ лагеремъ на Днѣпрѣ ниже Таванска на 40 верстъ, въ Урочищѣ на островѣ на днѣпровскихъ косахъ къ Очакову (повидимому, уже въ лиманѣ на Кинбурнской косѣ). 2 августа подъ Таванскъ вернулся запорожскій кошевой Яковъ Морозъ съ частью казаковъ, ходившіе на морской промыселъ. Въ морѣ они атаковали 5 галеръ турецкихъ, шедшихъ къ Очакову, но должны были отступить подъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. На пути къ Бѣлгороду (Акъ-Керману) они опять встрѣтили 2 морскихъ турецкихъ судна, которыя и разбили, при чемъ было взято въ плѣнъ 30 турокъ. Оставивши для дальнѣйшаго морского промысла 300 человѣкъ охочихъ, подъ начальствомъ казака Якова Чалаго, кошевой Морозъ рѣшилъ вернуть-

---

[1]) Елагинъ. Исторія Русскаго Флота. Азовскій періодъ. Приложенія, часть II; приложен. IX, № 2, стр. 444—445.

[2]) Военные историки, повидимому, изъ-за взгляда на Днѣпровскую операцію, какъ на демонстрацію, не обращали вниманія на этотъ театръ войны. Большей частью указывается на нерѣшительность дѣйствій Шереметева и Мазепы, въ бѣглой замѣткѣ считая ихъ не имѣющими значенія ни по боевымъ дѣйствіямъ, ни по результатамъ. Поэтому въ военной литературѣ совершенно нѣтъ указаній на время движенія арміи, ни направленія ея—на объектъ операціи. И только изъ нѣсколькихъ документовъ (9) приложенія IX, части 2 Исторіи Русскаго Флота, Азовскій періодъ, Елагина, можно усмотрѣть, что цѣль движенія арміи былъ не Перекопъ, какъ указываетъ генералъ Лееръ, а Очаковъ, что совершенно мѣняетъ характеръ операціи.

ся, но такъ какъ у Очакова собрался большой турецкій флотъ и казаки пройти мимо не могли, то, зайдя въ Урочище Стрѣлицы, ниже Очакова, суда свои уничтожили и сухимъ путемъ по крымской сторонѣ пошли къ Таванску съ взятыми плѣнными. Оставшіеся въ морѣ казаки съ Чаловымъ еще разъ напали на караванъ турецкихъ судовъ съ провіантомъ и другими припасами, шедшими къ Очакову, и отбили 17 судовъ. По возвращеніи кошевого Якова Мороза Неплюевъ предлагалъ ему, посовѣтовавшись съ Кошемъ, сообща напасть на Очаковъ, но тотъ отказался, говоря, что имъ не на чемъ, такъ какъ всѣ суда посѣчены, что подъ Очаковымъ нынѣ бусурманскихъ войскъ и водныхъ струговъ много и оттого опасно.

Такимъ образомъ кончилась кампанія этого года на Днѣпровскомъ театрѣ войны. Результатомъ ея и очень важнымъ надо считать глубокую рекогносцировку непріятельскихъ силъ на этомъ театрѣ, совершенную казаками. Она выяснила посредствомъ осмотра моря и Очакова и опроса плѣнныхъ, что турки въ этомъ году сильно укрѣпляли Очаковъ и готовились къ нападенію русскихъ на него; туда подведены были значительныя сухопутныя силы (до 10.000) еще весной, подвезено снабженіе, провіантъ и собранъ сильный галерный флотъ для нападенія на отнятыя въ прошлую кампанію крѣпости и Тавань.

При такихъ условіяхъ бездѣятельность главныхъ силъ арміи Шереметева, къ которому Неплюевъ много разъ обращался за подкрѣпленіемъ и получалъ отвѣтъ, что дать некого, о чемъ Неплюевъ доносилъ и Государю, нужно считать особенно преступной, а потому въ назначеніи на слѣдующую кампанію Бѣлгородскимъ воеводой и командующимъ Днѣпровской арміей боярина князя Якова Ѳедоровича Долгорукова надо видѣть достойную оцѣнку Петромъ дѣятельности Шереметева въ эту кампанію.

в) Созданіе Азовскаго флота.

Совершивъ торжественный входъ въ Москву Азовскихъ побѣдителей и отпраздновавъ пирами первый шагъ къ выходу въ Черное море, Петръ для рѣшенія вопросовъ обороны края, укрѣпленія его за Россійской Державой и способовъ дальнѣйшаго движенія къ югу созвалъ Боярскую Думу въ село Преображенское. Для рѣшенія послѣдняго вопроса Петръ предлагалъ выстроить «флотъ или караванъ морской, въ 40 или вяще судовъ состоящій, о чемъ надо положить не испустя времени» [1]).

Дума въ засѣданіи 20 октября постановила «Морскимъ судамъ быть, а сколькимъ о томъ справиться о числѣ крестьянскихъ дворовъ, что за духовными и всякихъ чиновъ людьми; о томъ высчитать и доложить не замолчавъ, и наложить суды по дворамъ сколько пристойно, а о торговыхъ людяхъ выписать изъ таможенныхъ книгъ, что съ нихъ взято въ 202, 203 и 204 годахъ пятыя и десятыя деньги и съ какихъ промысловъ».

---

[1]) «Понеже время есть и фортуна сквозь насъ бѣжитъ, которая никогда такъ къ намъ близко на югъ не бывала, блаженъ иже имется за власы ея». Изъ представленія Петра въ Думу о постройкѣ Азовскаго флота.

Въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ въ 1697 г.
СЪ СОВР. ГРАВЮРЫ МУШЕРОНА. ГРАВИРОВАЛЪ ПАННЕМАКЕРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Взятіе Азова въ 1696 г.
СЪ СОВРЕМЕННОЙ (1699 Г.) ГРАВЮРЫ ШХОНЕБЕКА. ГРАВЮРА ПАННЕМАКЕРА ВЪ ПАРИЖѢ.

27 октября указомъ Петра велѣно было по мѣстному приказу собрать свѣдѣнія о числѣ крестьянскихъ дворовъ за духовенствомъ и помѣщиками, а въ засѣданіи Думы 4 ноября приговорено: «корабли сдѣлать со всею готовностью и со всѣми пушками и съ мелкимъ ружьемъ, какъ имъ въ войнѣ, къ 206 году или прежде, а дѣлать ихъ по нижеписаннымъ статьямъ: Святѣйшему Патріарху и властямъ и монастырямъ съ 8.000 крестьянскихъ дворовъ корабль, съ бояръ и всѣхъ чиновъ служилыхъ людей съ 10.000 крестьянскихъ дворовъ корабль». Въ тотъ же день 4 ноября постановленіе Думы было обнародовано указомъ Государя. Въ него Петръ вноситъ уже нѣкоторыя подробности, которыя не сохранились въ постановленіи Думы (документъ изорванъ, половины не хватаетъ): 1) подлежатъ корабельной прямой повинности—владѣльцы 100 и большаго числа дворовъ, а остальные, за кѣмъ меньше 100 дворовъ обязаны платить денежную повинность по полтинѣ съ двора въ годъ; 2) такая раскладка по кораблю съ 8 и 10 тысячъ дворовъ устанавливается только на первый разъ, а въ будущемъ дѣлать съ 20.000 дворовъ корабль; 3) къ постройкѣ судовъ приступать немедленно съ нынѣшняго 205 году, чтобы окончить ихъ постройку со всѣмъ снабженіемъ и спустить на воду въ Воронежѣ въ первыхъ числахъ апрѣля 206 (1698 г.).

Такимъ образомъ, по опредѣленіи числа дворовъ за духовными лицами, монастырями и помѣщиками, было образовано 17 духовныхъ и 18 свѣтскихъ кумпанствъ, каждое изъ которыхъ по даннымъ чертежамъ и росписямъ должно было построить корабль.

Торговымъ людямъ—гостямъ, городамъ, слободамъ и бѣломѣстцамъ указано было вмѣсто платимой ими въ прежніе годы десятой деньги выстроить къ тому же сроку и на тѣхъ же условіяхъ двѣнадцать кораблей. Къ этой повинности привлечены были не только русскіе торговые люди, но и иноземцы, числившіеся въ посольскомъ приказѣ (Указъ В. Г. 11 декабря). Но вскорѣ, въ виду ходатайствъ нѣкоторыхъ гостей ихъ отъ корабельнаго строенія уволить, дозволивши имъ внести только деньги, Петръ увеличилъ ихъ повинность до 14 кораблей. Да кромѣ этого на именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строганова была возложена постройка 2-хъ кораблей, но онъ на собственныя средства добровольно построилъ и третій. Такимъ образомъ къ постройкѣ предназначено было всѣми кумпанствами 52 корабля.

Отъ этой повинности, новаго налога на самое важное для Россіи и любимое Петра дѣло, Петръ, первый всюду работникъ, не могъ конечно, освободить себя и царское семейство. По количеству 93.000 дворовъ, числившихся за ними, они участвовали въ корабельной складкѣ и образовали 10 кумпанствъ.

Постройка этихъ судовъ назначена была не въ Воронежѣ, а на Волгѣ, подъ вѣдѣніемъ приказа Казанскаго дворца, гдѣ въ 1697 году было заложено 10 кораблей [1]).

---

[1]) Въ этомъ обыкновенно усматриваютъ то, что они строились для Каспійскаго моря, однако положительно утверждать этого нельзя, такъ какъ въ то время, тотчасъ послѣ взятія Азова, начались энергичныя работы по прорытію канала между Волгой и Азовомъ.

Указомъ своимъ 17 декабря Петръ приказалъ всѣ дѣла по складкѣ и кораблестроенію передать изъ Помѣстнаго приказа въ Володимерскій Судный приказъ, сдѣлавши начальника его, окольничаго Александра Петровича Протасьева—адмиралтейцемъ, т. е. главнымъ распорядителемъ по постройкѣ судовъ, отводу лѣсовъ кумпанствамъ, назначенію мастеровъ, заготовкѣ инструментовъ и проч.

Въ такомъ видѣ, созданное наспѣхъ, первое спеціальное морское управленіе, временно пристегнутое къ совершенно постороннему учрежденію, просуществовало до 1700 года.

Но въ заботахъ объ Азовскомъ флотѣ, Петръ не забылъ и другого своего театра военныхъ дѣйствій. Освободивъ отъ платы полтинныхъ денегъ помѣщиковъ и вотчинниковъ Сѣвскаго полку, украинныхъ и заоцкихъ городовъ, Петръ указомъ 24 ноября приказалъ «во Брянску сдѣлать 100 туговъ добрыхъ по образцу, каковъ присланъ будетъ съ Москвы съ шестидесяти дворовъ — стругъ». Это выдѣленіе Днѣпровскаго судостроенія изъ вѣдѣнія адмиралтейца и передача въ Военный приказъ — Разрядъ, боярину Стрѣшневу, объясняется тѣмъ, что морская сила на данномъ театрѣ для Петра являлась вспомогательной, необходимой помощью для дѣйствія сухопутной арміи, но не самостоятельной единицей, такъ какъ корабельнаго флота выше пороговъ онъ строить не могъ, а устья Днѣпра, пока еще даже и спорныя, были окружены степями, гдѣ безъ подвоза съ сѣвера и надежнаго обезпеченія базъ укрѣпленіями не могло быть начато строеніе корабельнаго флота.

Въ дальнѣйшихъ своихъ заботахъ по подготовкѣ кампаніи слѣдующаго года, Петръ назначилъ опять для удержанія завоеванныхъ областей двѣ арміи: подъ Азовъ—боярина Шеина, и на Днѣпръ—новаго Бѣлгородскаго воеводу князя Якова Ѳедоровича Долгорукова и гетмана Мазепу.

г) Великое посольство.

По окончаніи кампаніи 1696 года, Петръ энергично продолжаетъ начатое дѣло. Завоеваніемъ Азова найдена всего одна точка опоры для борьбы за Черное море, но Азовское море закрыто — на пути стоитъ Керчь, а на Днѣпрѣ выходъ въ море еще закрытъ Очаковомъ. Приступая къ созданію силы для борьбы за выходъ въ Черное море — корабельнаго флота (постановленія боярской Думы 20 октября и 4 ноября на вопросные пункты царя — «морскимъ судамъ быти»), Петръ не забываетъ и устьевъ Днѣпра, а главное принимается за подготовку политическую для продолженія борьбы съ Турціей и подготовку всей Россіи для этого труднаго подвига. Въ этихъ видахъ имъ подготовляется великое посольство Лефорта, Ѳедора Алексѣевича Головина и Возницына съ громадной свитой, въ которую входитъ и самъ царь подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Цѣлью посольства было объявлено и такъ было въ дѣйствительности: «подтвержденіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ Креста Господня, салтана Турецкаго, хана Крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ». Эта цѣль посольствомъ и Петромъ должна была осуществиться двоякимъ путемъ—

усиленіемъ священнаго союза противъ Турціи, приглашеніемъ въ него морскихъ державъ Голландіи или Англіи, подкрѣпленіемъ его новымъ договоромъ съ Польшей, Австріей и Венеціей со стороны политической, и подготовкой, просвѣщеніемъ всей Россіи—сдвигомъ ея на новый путь прогресса. Для этой второй цѣли при посольствѣ были взяты изъ Москвы 30 волонтеровъ, большею частью изъ Переяславскихъ, Архангельскихъ и Воронежскихъ сподвижниковъ Петра, для обученія ихъ морскому, военному, инженерному, артиллерійскому и инымъ дѣламъ. Кромѣ того посольство должно было нанять за границей для строющагося флота корабельныхъ, парусныхъ, мачтовыхъ и другихъ мастеровъ; адмираловъ, офицеровъ, штирмановъ, матросовъ и прочихъ.

Главною же заботою Петра въ эту зиму были польскія дѣла. Скончался союзникъ Петра король Янъ Собѣсскій. Претендентомъ на Польскую корону подъ давленіемъ Франціи, союзницы Турціи, являлся принцъ Конти, недопущеніе котораго на Польскій престолъ являлось насущною необходимостью для Петра, такъ какъ съ этимъ рушилась вся политическая комбинація, и Россія принуждена опять была бы встать во враждебныя отношенія къ Польшѣ. Поэтому Петромъ прилагались всѣ мѣры давленія на сеймъ, до подвода войскъ къ границѣ Польской (отрядъ Ромадановскаго), чтобы заставить поляковъ выбрать на престолъ Курфирста Саксонскаго Августа. Лѣтомъ 1697 года заботы Петра въ этомъ отношеніи, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ.

По плану путешествія посольства, оно должно было изъ Москвы отправиться въ Вѣну.

Однако уже въ началѣ 1697 г. получено было, сильно обрадовавшее Петра, донесеніе русскаго посла Нефимонова, что имъ заключенъ союзъ съ Австріей и Венеціей противъ Турціи. Это измѣнило направленіе посольства на западныя морскія державы. 11 сентября при Центѣ австрійская армія подъ начальствомъ Евгенія Савойскаго разбила на-голову турокъ. На слѣдующій годъ принцъ Евгеній предполагалъ приступить къ осадѣ Бѣлграда и Темешвара, но Императоръ принужденъ былъ, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ и въ виду надвигавшагося новаго конфликта съ Франціей по вопросу о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, временно прекратить военныя дѣйствія и принять посредничество морскихъ державъ—Голландіи и Англіи—для мирныхъ переговоровъ съ Турціей.

Между тѣмъ Петръ, успокоенный заключеніемъ новаго оборонительно-наступательнаго союза съ Австріей и Венеціей, при чемъ было принято обязательство не начинать мирныхъ переговоровъ ни одному изъ союзниковъ безъ согласія другихъ, со всѣмъ пыломъ своей страсти энергіи, принялся самъ за изученіе морского дѣла, корабельнаго строенія, артиллеріи и всякаго заводскаго и фабричнаго производства, всего, что можетъ быть полезнымъ и примѣнимымъ въ Россіи. Въ Голландіи и Англіи Петръ находился до марта 1698 года. Но все это время онъ зорко смотрѣлъ за положеніемъ на театрѣ войны.

Извѣстіе о побѣдѣ Шеина надъ крымцами, ногайцами и крымскими татарами 20 іюля подъ Азовомъ сильно обрадовало Петра, но дѣйствія

на другомъ театрѣ вызывали у него недовольство. Долгоруковъ допустилъ турокъ до нападенія на Таванскъ; хотя осада и была снята энергичнымъ гарнизономъ и подоспѣвшей арміей Долгорукова, но это Петру показало опять нерѣшительность дѣйствій на этомъ театрѣ. Вскорѣ извѣстіе отъ Цесаря о побѣдѣ принца Евгенія надъ турками при Центѣ снова подняло его духъ и надежды на продолженіе войны и успѣшное ея окончаніе въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что тогда же получено было извѣстіе, что и персы начали въ глубинѣ Азіи военныя дѣйствія противъ турокъ и отняли отъ нихъ крѣпость Горно въ Мессопотаміи, городъ Бассору и разсчитывали на успѣшное дальнѣйшее продолженіе войны въ союзѣ съ христіанскими Государями. Такой оборотъ дѣла подавалъ надежды Петру на совершенное уничтоженіе владычества магометанъ въ Европѣ и изгнаніе ихъ въ Аравійскія степи; однако такіе планы продолжались недолго.

Въ началѣ того же года (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) Петръ получилъ извѣстіе, что Цесарь и Венеціанская республика при посредствѣ морскихъ державъ—Англіи и Голландіи—начинаютъ сепаратные мирные переговоры съ Турціей.

15 мая Петръ выѣхалъ изъ Амстердама въ Вѣну. При переговорахъ въ Вѣнѣ, для насъ особенно интересна точка зрѣнія Петра, выясняющая его взглядъ на Восточный (или вѣрнѣе для Россіи—Южный) вопросъ. Петръ утверждалъ, во-первыхъ, что время для заключенія мира выгодно только для Императора. Въ составленныхъ Петромъ требованіяхъ Россіи къ Турціи значилось: 1) Оставить за союзниками всѣ завоеванныя земли, а Россіи кромѣ того добавить Керчь, такъ какъ только при этомъ условіи татары перестанутъ дѣлать набѣги въ Россію, и турки не посмѣютъ начать новую войну. 2) Свобода плаванія по Черному морю на своихъ корабляхъ. 3) Если же Императоръ не можетъ обезпечить при заключеніи мира исполненія этого, требованія, то продолжать войну, по исходѣ договореннаго въ трактатѣ времени или по крайней мѣрѣ до 1701 года, такъ какъ въ это время союзнымъ оружіемъ, при Божьей помощи, удобно получить все желаемое.

Императоръ отвѣтилъ, что хотя онъ и приложитъ всѣ старанія, чтобы добиться отъ турокъ удовлетворенія требованій Русскаго царя, однако, такъ какъ турки не только никогда не отдаютъ всего завоеваннаго, а обыкновенно требуютъ возвращенія еще части занятыхъ земель обратно, то онъ не надѣется, чтобы можно было получить для Русскаго царя Керчь мирнымъ путемъ, по договору, а потому до заключенія мира, до чего еще времени очень много, лучше, чтобъ царь взялъ ее оружіемъ, что же касается до продолженія войны до 1701 года, то объ этомъ еще успѣется сговориться, такъ какъ и мирные переговоры еще не начаты. Послѣ этого Петръ до своего отъѣзда изъ Вѣны имѣлъ еще два тайныхъ свиданія съ Императоромъ, на которыхъ велъ продолжительные разговоры съ Цесаремъ о турецкихъ дѣлахъ. Этими переговорами, содержаніе коихъ въ точности неизвѣстно, Петръ остался совершенно доволенъ.

19 іюля, получивъ извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ, Петръ выѣхалъ спѣшно въ Россію съ Лефортомъ и Головинымъ и самой малой свитой черезъ Польшу въ Россію, оставивъ въ Вѣнѣ третьяго посла Возницына для продолженія переговоровъ о турецкихъ дѣлахъ и участія въ предстоящемъ мирномъ конгрессѣ. 30 іюля Возницынъ имѣлъ первую конференцію съ австрійскими министрами, на которой, какъ и на всѣхъ послѣдующихъ, выяснилось совершенно опредѣленно, что императорское правительство совершенно не собирается добиваться отъ Турціи удовлетворенія русскихъ требованій, предоставляя все это усиліямъ русскаго посла. Къ тому же Возницынъ узналъ, что у нихъ уже заключено отдѣльное перемиріе съ Турціей, что совершенно противорѣчило союзному договору.

20 сентября Возницынъ выѣхалъ по Дунаю въ Карловицъ, около Бѣлграда, гдѣ должны были съѣхаться уполномоченные на конгрессъ. На этотъ конгрессъ Возницынъ получилъ отъ Петра инструкціи стараться всѣми силами разрушить по возможности мирный договоръ. Въ этомъ отношеніи Возницынъ на конгрессѣ дѣйствовалъ крайне энергично и ловко, стараясь тайно безъ вѣдома Петра убѣдить турецкихъ уполномоченныхъ, что имъ невыгодно заключать теперь миръ съ Императоромъ, когда онъ все равно не можетъ продолжать военныхъ дѣйствій съ Турціей, ожидая новую войну съ Франціей. Но предложенія Возницына приняты не были. Въ дальнѣйшемъ цесарцы и поляки и венеціанцы совершенно отстранились отъ Возницына, не только не оказывали ему никакой помощи въ проведеніи его требованій и заключили заранѣе отдѣльные договоры съ турецкими уполномоченными. Представители же посредствующихъ державъ, конечно, держали сторону Турціи. Вслѣдствіе этого Возницынъ, послѣ нѣсколькихъ конференцій съ турецкими уполномоченными, принужденъ былъ, не рѣшая условій о мирномъ договорѣ, предложить двухлѣтнее перемиріе съ обязательствомъ въ теченіе этого времени рѣшить вопросъ о Керчи и Днѣпровскихъ крѣпостяхъ, которыя турки требовали имъ вернуть. Описывая Петру всѣ вѣроломные поступки цесарцевъ и поляковъ, Возницынъ въ одномъ изъ писемъ послѣ конференціи, когда дѣло, вслѣдствіе несогласія турокъ на его предложенія, почти что дошло до полнаго разрыва, совѣтовалъ Петру готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ не только на южномъ театрѣ съ турками, но и на западномъ—съ Польшей, и на сѣверѣ—съ Швеціей, всегда непріязненно настроенныхъ противъ Россіи, для чего заручиться союзными договорами съ Курфирстомъ Бранденбургскимъ и Даніей.

Эти совѣты, однако, негаданно попали на благодатную почву. Петръ, выѣхавъ, какъ было указано, 19 іюля изъ Вѣны, 31 іюля достигъ г. Равы, около Варшавы, гдѣ его дожидался Августъ, король Польскій. Во время совмѣстнаго трехдневнаго пребыванія Августъ совершенно очаровалъ Петра. Монархи разстались съ увѣреніями въ вѣчной дружбѣ. Между прочимъ Августъ затронулъ вопросъ о союзѣ противъ Швеціи, при чемъ ловко указалъ на необходимость для Россіи возвратить земли Отчичь и Дѣдичь-Ингрію и Карелію, отнятыя отъ Руси при Михаилѣ

Өеодоровичѣ, за которыя безуспѣшно боролся его отецъ, царь Алексѣй.

Петръ при этомъ вспомнилъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему и посольству губернаторомъ Риги Дальбергомъ, вспомнилъ, что Курфирстъ Бранденбургскій еще годъ тому назадъ предлагалъ вступить въ союзъ противъ Швеціи, а Августъ указалъ, что и Данія ищетъ союзниковъ для борьбы съ Швеціей за господство на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ Даніи важно присоединить къ себѣ Голштинію, а герцогъ Голштинскій въ родствѣ и подъ покровительствомъ Швеціи. Эта новая комбинація, представившаяся взору Петра, добиться Балтійскаго моря въ союзѣ съ могущественными Европейскими Державами, въ тотъ моментъ, когда начинало рушиться все дѣло на югѣ съ Чернымъ моремъ, не могла не быть заманчива Петру. Онъ остался, уѣхавъ изъ Польши, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ новыхъ плановъ, хотя союза и договора еще не было заключено. До окончанія переговоровъ на югѣ Петръ не могъ брать на себя никакихъ новыхъ обязательствъ.

д) Кампаніи 1697 и 1698 гг.

Раннею весной 1697 г. (послѣ Егорьева дня) турки отправили на 34 галерахъ сильный отрядъ на помощь крымцамъ и кубанцамъ, обѣщавшихъ сдѣлать нападеніе на Азовъ.

Но Петръ, не имѣя флота, назначеннаго къ готовности лишь къ вешней водѣ 1698 года, долженъ былъ ограничиться лишь оборонительной задачей, для чего и были назначены соотвѣтствующія силы, вдвое меньшія, чѣмъ во вторую кампанію (1696 г.) — около 35.000 чел.

Дѣйствительно по указу Великаго Государя въ 6-ой день апрѣля 205 (1697) года и наказу изъ Разряда «велѣно боярину и воеводѣ Алексѣю Семеновичу Шеину быть на Его, Великаго Государя, службѣ для промыслу и поиску надъ непріятельскими воинскими турецкими и крымскими людьми, и надъ кубанцы и ногайцы и надъ иными ихъ басурманскими народы, которые кочуютъ близъ новозавоеванныхъ подъ Его Высокодержавную Великаго Государя руку городовъ Азова и Лютика». При этомъ въ указѣ предписывалось относительно плана военныхъ дѣйствій при встрѣчѣ съ непріятельскими воинскими людьми «гдѣ объявятся или придутъ къ Азову, прося у Господа Бога милости и у Пресвятыя Богородицы и у всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, полку своею ратными конными и пѣшими людьми и пушечною и гранатною стрѣльбою, и инымъ всякими воинскими промыслы, чинить сколько милосердный Господь Богъ помощи подаетъ» [1]).

Изъ этой инструкціи ясно, что никакихъ наступательныхъ дѣйствій Шеину не предписывалось, такъ какъ всякіе воинскіе промыслы ему надлежало чинить при встрѣчѣ съ непріятелемъ во время пути или если онъ «придетъ къ Азову». Такъ именно толковалъ эту инструкцію и Шеинъ, который, выйдя 6 апрѣля изъ Москвы съ частью арміи и

---

[1]) Военный Сборникъ т. LXIII. Н. Бранденбургъ. Азовскій походъ Шеина.

закончивъ въ Острогожскѣ ея формированіе, подошелъ 5 іюня къ Каланчинскому острову и 12 іюня сосредоточился, наконецъ, на Кубанской сторонѣ у Азова, въ прошлогоднихъ траншеяхъ, укрѣпившись «по воинской обыкности обознымъ крѣпкимъ ополченіемъ».

Сдѣлавъ нѣсколько глубокихъ развѣдокъ къ устью рѣки Бейсуги (казаками—моремъ) и берегамъ Кубани (конными отрядами казаковъ и калмыковъ), Шеинъ выяснилъ, наконецъ, къ срединѣ іюля обстановку и намѣренія непріятеля—двинуться къ Азову. 20 іюля, въ Ильинъ день, въ первомъ часу дня въ степи, среди облаковъ пыли, появилась, дѣйствительно, первая партія татаръ въ 2.000 чел. Отразивши ихъ стремительное нападеніе, Шеинъ вывелъ свою армію изъ обознаго укрѣпленія и встрѣтилъ главныя силы татаръ въ количествѣ до 17.000 чел. въ степи сильнымъ картечнымъ огнемъ. Упорныя атаки татаръ, несмотря на массу потерь отъ артиллеріи, продолжались весь день до глубокой ночи; наконецъ, они, видя дѣло проиграннымъ, разсѣялись за Кубань, оставя всю степь усѣянною трупами. Потери татаръ превышали 2.000 чел. Пораженіе было настолько полное, хотя Шеинъ и не преслѣдовалъ непріятеля, что татары не только въ эту кампанію, но и на слѣдующій годъ не отваживались болѣе нападать на Азовъ. Между тѣмъ и Азовскія укрѣпленія къ веснѣ этого года были настолько закончены, что Шеинъ, усиливши гарнизонъ Азова и новыхъ укрѣпленій около него частями арміи, 8-го августа двинулся въ обратный путь къ Москвѣ, и 24 августа въ Валуйкахъ распустилъ армію по домамъ, отправивъ лишь отрядъ генерала Гордона на Украйну къ Бѣлгородской чертѣ «для царской службы и содѣйствія Бѣлгородскому воеводѣ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову». Этимъ послѣднимъ эпизодомъ закончились военныя дѣйствія на Азовскомъ театрѣ.

Турки въ этомъ году не воспользовались своимъ владѣніемъ моремъ. Они не предприняли ни единой попытки моремъ противъ Азова и строившихся по сѣверному побережью укрѣпленій.

Причинами такого бездѣйствія турокъ на Азовскомъ театрѣ было совершенно правильное опасеніе ихъ за главный теперь, съ паденіемъ Азова, Днѣпровскій театръ. Разгадавъ планъ Петра, они уже въ кампанію 1696 года значительно усилили Очаковъ, какъ военными силами, такъ и снабженіемъ; а съ отъѣздомъ Петра за границу, турки рѣшили даже перейти въ наступленіе для возвращенія отнятыхъ по Днѣпру укрѣпленій и откинуть слишкомъ придвинувшуюся къ Очакову русскую армію. Но эти же выводы были предусмотрѣны и Петромъ. Назначивъ Бѣлгородскимъ воеводой и командующимъ Днѣпровской арміей князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, Петръ довелъ эту армію до состава первой кампаніи 1695 года и даже по окончаніи Азовскаго похода (1697 года) усилилъ ее отрядомъ Гордона. Всѣ эти мѣры показываютъ серьезное значеніе, придававшееся Петромъ дѣйствіямъ на Днѣпрѣ. Однако и вновь назначенный воевода не оправдалъ надеждъ Петра. Князь Долгоруковъ, вмѣсто энергичныхъ дѣйствій въ устьяхъ Днѣпра «для береженья Таванска и другихъ завоеванныхъ городковъ»,

остался въ Украйнѣ, донося въ Москву Стрѣшневу объ ужасѣ, царствующемъ по всей Бѣлгородской чертѣ, возбужденномъ нашествіемъ турецкихъ войскъ на Днѣпровскія низовья. Между тѣмъ турки отдѣлили противъ австрійцевъ 200-тысячную армію (разбитую Евгеніемъ Савойскимъ при Центѣ), и такая разброска ихъ силъ на нѣсколько театровъ военныхъ дѣйствій была для насъ выгодна. Однако Долгоруковъ не воспользовался такой благопріятной обстановкой и вызвалъ справедливый гнѣвъ Петра. Сохранился очень интересный документъ [1])—письмо Стрѣшнева по окончаніи кампаніи (января 28-го 1698 г.) къ Государю, въ коемъ онъ приводитъ оправданіе бездѣятельности Бѣлгородскаго воеводы и гетмана Мазепы: «Письмо твое, декабря въ 24 день писанное изъ Амстердама, мнѣ отдано января въ 23 день, въ которомъ пишетъ ваша милость пространно о Тавanскѣ, какимъ злымъ порядкомъ отступили отъ Таванска Бѣлгородскій воевода и гетманъ, оставя непріятеля близко, а я о томъ пишу до васъ, что могъ увѣдомить чрезъ письмо отъ Бѣлгородскаго воеводы, да отъ пріѣзжихъ, которые отъ нихъ пріѣзжали, что будто отступили за скудностью запасовъ, а запасами оскудали какъ переплавливалися на Днѣпрѣ пороги, и помѣшкали многое время, а пущая де докука была отъ Черкасъ о запасахъ, только я то пишу сколько могъ вѣдать, а подлинно о томъ, Богъ вѣсть, а буде они дѣлали то не хотя служить и трудности на себѣ той служивой понесть для избавы христіанской и общей пользы всѣхъ христіанскихъ народовъ, и твои трудоносныя дѣла, о семъ дѣлѣ оставить невозможно, и имъ за то мститъ Богъ». Изъ этого письма видно, что даже Стрѣшневъ допускалъ возможность бездѣятельности «не хотя служить» воеводы и гетмана. Картина полнаго развала въ отсутствіе Петра, въ отсутствіи твердой, властной направляющей руки царя бросается въ глаза.

1 декабря 1697 года Бѣлгородскому воеводѣ Долгорукому былъ посланъ наказъ для военныхъ дѣйствій въ слѣдующую кампанію. Сравнивая его съ даннымъ Шеину въ прошлую кампанію, видимъ, что цѣлью похода въ указѣ совершенно опредѣленно ставятся широко развитыя активныя дѣйствія: «пойти на нашу Великаго Государя службу для воинскаго промыслу и для береженья завоеванныхъ на Днѣпрѣ Таванска и Казыкерменя и иныхъ городовъ и мѣстъ, которыя мѣста къ тѣмъ городамъ принадлежатъ, нынѣшнимъ вешнимъ раннимъ временемъ плавнымъ путемъ подъ Очаковъ и подъ иные турецкіе города и подъ крымскіе юрты, въ которыя мѣста пристойно, со общаго о томъ съ нимъ гетманомъ совѣту и согласію и надъ непріятелемъ и надъ городами ихъ и надъ юрты промыслъ и поискъ чинить сколько милосердный Господь Богъ помоши подастъ» [2]). Для выполненія этой задачи на Днѣпръ

[1]) Елагинъ. Исторія Русскаго Флота. Азовскій періодъ. Приложеніе, т. II, отд. IX, стр. 448.

[2]) Тамъ же, стр. 449

были отправлены почти всѣ дѣйствовавшія на обоихъ театрахъ въ предыдущіе походы силы (кромѣ гвардіи).

Изъ этого указа, писаннаго, повидимому, самимъ Петромъ, и изъ сохранившейся переписки гетмана Мазепы съ Государемъ [1]) видно, что Петръ, хотя и пребывалъ за границей, но неослабно слѣдилъ за ходомъ подготовки къ военнымъ операціямъ и за развитіемъ ихъ съ началомъ дѣйствій. Подчеркивая нѣсколько разъ и напоминая о необходимости двинуться въ походъ «раннимъ вешнимъ временемъ», Петръ показываетъ глубокое пониманіе элемента времени въ военномъ дѣлѣ, какъ развитіе принципа внезапности и въ данномъ случаѣ, кромѣ того, пониманіе обстановки. Днѣпръ уже тогда и въ особенности въ порогахъ былъ удобо-проходимъ для мало-мальски крупныхъ и болѣе глубоко сидящихъ судовъ лишь въ половодье. Уже два года операціи на Днѣпрѣ были безрезультатны изъ-за поздняго развитія ихъ. Строящіяся суда «въ плавномъ ходу» поздно лѣтомъ гибнутъ на порогахъ со всѣмъ обозомъ, вооруженіемъ и снабженіемъ, а войска изъ-за «скудности запасовъ» не двигаются на рѣшительныя активныя дѣйствія. Настойчивость Петра, судя по отвѣтамъ гетмана Мазепы, передъ этой кампаніей была, повидимому, особенно рѣшительна и энергична. Но однако, его подготовка военныхъ дѣйствій шла такъ же вяло и безтолково, какъ и всѣ работы и дѣла на Руси въ это его отсутствіе.

Но все-таки 26 мая изъ числа назначенныхъ къ строенію 380 струговъ, изъ коихъ 200 мореходныхъ, а 180 подъ хлѣбные запасы, и 60 лодокъ, сдѣланъ «въ Брянскѣ на пристани Десны рѣки заоцкихъ и сѣвскаго полку городовъ работными, сошными и ратными людьми и подрядомъ 179 судовъ мореходныхъ, 166 струговъ запасныхъ, да ботъ и 52 лодки и сданы въ плавный ходъ стольнику Александру Колтовскому». Относительно типа этихъ мореходныхъ судовъ можно составить себѣ приблизительное представленіе изъ тѣхъ требованій, которыя къ нимъ предъявлялъ Мазепа, и обрывочныхъ свѣдѣній о ихъ вооруженіи. Въ одномъ изъ писемъ къ Государю онъ пишетъ:

«И развѣ бъ по указу Великаго Государя изъ Брянска большія и къ морскому ходу способнѣйшія судна въ полки городовые вновь въ прибавку къ прежнимъ старымъ были промышлены и даны, если не такія совершенно какъ турскія, тогда хотя бъ подобіемъ такимъ сдѣланы, чтобъ и на лиманъ великой и на самую Чернаго моря пучину могли пригодиться». Сохранилась также роспись на 20 мореходныхъ судовъ, оставленныхъ Колтовскимъ въ Брянскѣ за тѣмъ, что «некѣмъ гнать ихъ изъ Брянска до Таванска, работныхъ людей на тѣ суды поставить некого». Въ ней перечислено снабженіе ихъ: «20 мореходныхъ судовъ оснащены по 2 мачты и съ райны и съ блоки и съ подъемными канаты, а на тѣхъ судахъ припасовъ: 21 канатъ большіе якорные, 10 канатовъ большихъ парусныхъ, 584 весла гребныхъ, 20 веселъ правильныхъ, окованныхъ, навѣ-

[1]) Елагинъ. Исторія Русскаго Флота. Азовскій періодъ. Приложеніе II, отд. IX, стр. 456—461 и слѣдующія.

шенныхъ, да въ запасъ неокованныхъ то жъ число, 439 шестовъ, 461 уключина желѣзныя».

Есть еще одно указаніе на типъ этихъ судовъ; гетманъ Мазепа въ перепискѣ съ Государемъ постоянно называетъ строющіяся въ Брянскѣ мореходныя суда—фуркатами, тогда какъ въ то же время азовскія галеры первой постройки назывались у насъ также фуркатами. Въ Турціи же этимъ названіемъ назывались болѣе мелкія гребныя суда на 70 человѣкъ, но вооруженныя 6 пушками и вполнѣ мореходныя. Всѣ эти разнородныя указанія въ связи съ данными указа Долгорукову о походѣ, извѣстіями о постройкѣ ихъ иностранцами, даютъ основаніе предположить, что эти мореходныя суда были типа галеръ, 28—30 весельныя, такъ же какъ и тѣ съ 2-мя мачтами и райнами и вооруженныя артиллеріей, но должно быть меньшаго размѣра.

Пока шла постройка судовъ въ Брянскѣ, Бѣлгородскій воевода съѣхался 29 марта въ Путивлѣ съ гетманомъ Мазепой для совѣта, согласно указа Великаго Государя о походѣ и выработки плана операціи. Трехдневныя совѣщанія ихъ вылились въ статьи въ 6 пунктахъ «о походѣ къ Таванску и Казыкерменю», которыя и были ими обоими сообщены Государю. Къ сожалѣнію, неизвѣстенъ отвѣтъ и отзывъ на нихъ Петра, но возможно, что статьи и не дошли до него своевременно при тогдашнихъ почтахъ, такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ Петръ уже спѣшилъ въ Вѣну, а затѣмъ внезапно прервалъ путешествіе и, какъ мы видимъ, въ августѣ вернулся въ Москву для суда и расправы надъ стрѣльцами. Но эти статьи интересны потому, что онѣ даютъ намъ понятіе, какъ преломились планы Петра чрезъ первыя же грани — главнокомандующихъ. Уже самое названіе статей, показывающее цѣль похода, вмѣсто Петровскаго «плавнымъ путемъ подъ Очаковъ и подъ иные турецкіе города и подъ крымскіе юрты», обратилось въ «походъ къ Таванску и Казыкерменю» занятыхъ еще въ первую кампанію 1695 года нами укрѣпленій. Въ первыхъ трехъ статьяхъ разбирается случай: «какъ удержать до прихода ихъ боярина и воеводы князя Якова Θедоровича и гетмана Ивана Степановича съ ратными людьми Тавань и Казыкермень отъ непріятеля въ цѣлости?» — Въ нихъ постановлено: немедленно отправить въ Тавань на подкрѣпленіе 10.000 человѣкъ; если турки упредятъ и обложатъ тѣ города, то боярину и гетману съ полками итти бѣлгородскою стороною подъ Казыкермень (правый берегъ), «понеже ихъ бусурманскаго прихода скораго прежде прихода чаять подъ Казыкермень нежели подъ Таванскъ: за припятіемъ полыя воды, а буде не упредятъ турки, то итти плавною»; если же бусурманы, хотя и не возьмутъ Казыкерменя, но займутъ Казыкерменскія горы, съ которыхъ «могутъ докучать не только Тавани, но и ихъ боярина и гетмана съ полками, какъ сухимъ, такъ и водянымъ путемъ въ пришествіи ихъ на оборону оныхъ городовъ безъ сомнѣнія препятіе учинить можетъ», то рѣшили итти тою же бѣлгородскою стороною «со всѣми обозами прямо къ Казыкерменю и при Божьей помощи ту гору очищать». Въ 4-мъ пунктѣ, относительно возможности одновременнаго нападенія турокъ на Днѣ-

провскія укрѣпленія и крымскихъ татаръ на великороссійскіе и малороссійскіе города до переправы ихъ боярина и гетмана на другую сторону Днѣпра, главнокомандующіе не вынесли собственнаго рѣшенія и постановили рѣшеніе: «о томъ писать къ Великому Государю въ Москвѣ, требуя его Великаго Государя указу». Въ 5-мъ пунктѣ время похода назначено: «итти нынѣшнимъ вешнимъ временемъ, когда бы хотя съ нуждою нацвѣлъ конскій кормъ, не отлагая того времени ни для чего, только бы прежде времени не изнудить, за оскудѣніемъ конскихъ кормовъ, лошадей». И послѣднимъ 6-мъ пунктомъ положено, «если къ приходу ихъ къ Кодаку строящіяся въ Брянскѣ суда не поспѣютъ, то дожидаться ихъ лишь въ томъ случаѣ, если бусурмане ихъ не упредятъ». Припиской на этомъ документѣ, повидимому, въ Разрядѣ Стрѣшневымъ статьи эти были утверждены и боярину и гетману посланъ указъ: «великороссійскія и малороссійскія городы беречь, также Таванска и Казыкерменя отъ непріятельскаго наступленія уберечь, а о наступленіи на непріятельское жилище чинить по своему разсмотрѣнію, смотря по тамошнему дѣлу». Этотъ результатъ совѣщанія главнокомандующихъ настолько ярокъ и характеренъ, что его нельзя обойти молчаніемъ, не сравнивъ съ первоначальнымъ исходнымъ указомъ Петра о походѣ.

Во-первыхъ, во всѣхъ 6 статьяхъ, кромѣ «береженья Таванска, Казыкерменя и великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ ничего не говорится о цѣли похода—«наступленія на Очаковъ и на иные турецкіе города и крымскіе юрты». Активныя задачи совершенно выкинуты и статьи устанавливаютъ лишь пассивно-оборонительный планъ войны, отдавая инициативу въ руки врага. Во-вторыхъ, указъ Петра совершенно опредѣленно повелѣваетъ, предвидя возможность набѣговъ крымцевъ на малороссійскіе и великороссійскіе города, организовать особый оборонительный отрядъ подъ начальствомъ стольника князя Луки Долгорукова, а главнокомандующіе и этого не могли рѣшить и потребовали новаго указа Великаго Государя; въ-третьихъ, вмѣсто выступленія «раннимъ вешнимъ временемъ плавнымъ ходомъ», о чемъ Мазепа еще 18 марта писалъ Государю «пріемля онъ въ нѣсколькихъ его Великаго Государя грамотахъ указы о плавномъ раннемъ вешнемъ воинскомъ походѣ, всеусердно о томъ радѣетъ что могъ учинить тому надлежащее довольство», они опредѣляютъ въ концѣ марта (29—31) время похода поспѣваніемъ конскихъ кормовъ, откладываютъ его на середину мая, пропуская половодье и забывая даже о бывшихъ по зимнему пути (въ концѣ февраля) выступленіи Голицына въ 1689 г., о выступленіяхъ Шереметева въ походъ 1695 года. Только приписка Стрѣшнева, но и то безъ опредѣленія цѣли похода, напоминаетъ объ активности, о наступленіи, смотря по тамошнему дѣлу, т.-е. опять въ зависимости отъ воли противника, а не отъ заданной цѣли.

Это пониманіе главнокомандующими своихъ задачъ сказалось всецѣло на результатахъ похода и выразилось въ послушномъ за турками движеніи вмѣсто Очакова на Перекопъ.

Двинувшіеся 15 мая изъ Украйны къ Тавани Долгоруковъ и гетманъ, наконецъ, 26 іюня соединились на рѣкѣ Орелъ и, дойдя до Кадака, учинили новый совѣтъ, какой стороной Днѣпра идти, хотя согласно статьямъ этотъ вопросъ былъ рѣшенный, потому что «непріятельскаго прихода подъ Тавань и подъ Казыкермень еще не было».

На этомъ второмъ совѣтѣ прежнее рѣшеніе было измѣнено и вмѣсто того, чтобы переплавляться на другой (Казыкерменскій) берегъ, постановлено итти крымскою стороною «тѣмъ путемъ, которымъ прежде сего его Великаго Государя ратные люди на Крымъ ходили» (повтореніе Крымскаго похода Голицына), мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что непріятели принуждены будутъ дожидаться въ Крыму и думать объ оборонѣ, отвлекутся силы турецкія отъ цесарскихъ войскъ «и тѣмъ способомъ учиненному съ Цесарскимъ Величествомъ союзу явственное будетъ довольство» и будутъ защищены малороссійские и великороссійские города. Рѣшеніе это принято, несмотря на признаніе маловодія, бездровія, рѣдкости травъ, слѣдовательно отсутствію конскаго корма, о которомъ заботились на первомъ совѣщаніи, возможности пожаровъ, признаніе дальности пути въ обхожденіи горъ и «удобству непріятелямъ изъ Крыма противъ обозовъ ихъ выходить», разсчитывая однако, отложивъ всѣ тѣ трудности, на Божью помощь. Вмѣстѣ съ этимъ, узнавъ, что бусурманы «переправясь вершины самарскія въ немаломъ собраніи пошли подъ украинскіе города», главнокомандующіе отдѣлили отъ арміи князя Луку Долгорукова «съ выборнымъ товарствомъ въ немаломъ числѣ» для воинскаго надъ ними промысла. Отрядъ этотъ прошелъ до верховьевъ Міуса и Кальміуса, но, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля, вернулся 6 іюля къ главной арміи. Но въ тотъ же день совѣщанія 26 іюня воеводой и гетманомъ было получено и другое извѣстіе чрезъ взятыхъ языковъ о движеніи Бѣлгородской татарской орды съ частью турецкаго войска къ Перекопу черезъ лиманъ. Эти два извѣстія о движеніи непріятеля нельзя не поставить въ связь съ новымъ совѣщаніемъ. Въ нихъ надо видѣть причины измѣненія прежняго рѣшенія.

Пославъ запорожскому низовому войску указъ двинуться въ лиманъ изъ Сѣчи «и чинить воинскій промыслъ и поискъ, чтобы ихъ, бусурманъ, чрезъ лиманъ, конечно, не перепустить», воеводы двинулись далѣе къ югу.

12 іюля въ станѣ на рѣкѣ Конской они получили извѣстіе изъ Таванска, что «многія силы бусурманскія идутъ на большихъ судахъ подъ Таванскъ и подъ Казыкермень водянымъ путемъ», которое заставило ихъ спѣшить движеніемъ со всей арміей къ Таванску. 21 іюля армія «хотя за оскудѣніемъ травъ въ конскихъ кормахъ, также за недовольствомъ водъ съ тяжкою трудностью, однакожъ за помощью всесильнаго Бога, пришла къ Аслань-Керменю и къ Таванску въ цѣлости и стали обозомъ на Крымской сторонѣ у Аслань-Керменя». Такимъ образомъ все движеніе къ театру военныхъ дѣйствій армія Долгорукова и гетмана Мазепы опять совершила по старому пути, по степи, съ боль-

шою трудностью «тѣмъ путемъ, которымъ прежде сего его Великаго Государя ратные люди на Крымъ ходили», т.-е. по верховьямъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, нарушивъ этимъ всѣ планы и разсчеты Петра. Слѣдуетъ отмѣтить также, что движеніе это съ 15 мая по 21 іюля заняло 2 слишкомъ мѣсяца времени. Характерно также объясненіе Мазепы, отчего армія не пошла плавнымъ ходомъ, какъ о томъ предписывалъ Петръ: «А плавною (какъ о томъ въ Путивлѣ постановили) не пошли, для того, что водяныя судна, которыя присланы изъ Брянска, въ первомъ караванѣ, на переправѣ чрезъ Днѣпровскіе пороги многія разбило, а въ другомъ караванѣ суда жъ изъ Брянска жъ отпущенныя опоздали и черезъ пороги за малою водою переправить было ихъ трудно, и тѣ другого каравана суда оставлены на Самарѣ при Новобогородицкомъ городѣ». Изъ этого письма, да изъ отписки Сильверста Огибалова въ Разрядъ о сдачѣ построенныхъ судовъ [1]) мы узнаемъ, что въ армію было принято въ первый караванъ, отправившіеся съ стольникомъ Александромъ Колтовскимъ 4 мая изъ Брянска—70 мореходныхъ судовъ, 97 струговъ запасныхъ (на хлѣбные запасы) и 35 лодокъ;—и во второй—отправившіеся съ начальнымъ человѣкомъ Денисомъ Норовымъ 26 мая—89 мореходныхъ судовъ и 69 струговъ запасныхъ со всѣми припасами. Такимъ образомъ въ армію попала только часть судовъ перваго каравана, меньше 70 мореходныхъ судовъ, а не 200, какъ было рѣшено строить, а остальныя всѣ остались непроизводительно неиспользованными изъ-за потери времени и измѣненія Петровскаго плана войны. Кромѣ этихъ судовъ, судя по письму гетмана Мазепы, при арміи было еще водяныхъ судовъ въ гетманскомъ его полку «400 слишкомъ межъ которыми есть и большіе байдаки». Часть этихъ судовъ при переплавленіи черезъ пороги, тоже была утоплена,—«иныя вовсе разбились, а изъ нихъ запасы опрокинуты и потопли только безъ людей». Это были спеціально казачьи малороссійскія суда или челны при всѣхъ гетманскихъ полкахъ, которые все-таки считались годными «на походъ къ лиману и къ берегамъ морскимъ». Въ нихъ вмѣщалось до 20 человѣкъ съ запасами.

При приходѣ арміи къ Аслань-Керменю отъ взятыхъ запорожцами языковъ и изъ извѣстій изъ Таванска выяснились слѣдующая обстановка и силы непріятеля на театрѣ военныхъ дѣйствій. Подъ Очаковомъ въ полѣ стоитъ, отправленная сухимъ путемъ изъ Константинополя, армія Сераскиръ-паши въ 12.000 человѣкъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Казыкерменя и Таванска.

Для той же цѣли подошла моремъ эскадра изъ 12 каторгъ, 17 фуркатовъ, 16 галіотовъ, 24 скампавей съ иными мелкими судами. «А на всякой каторгѣ по 300, галіотѣ—по 250, на фуркатѣ по 70 человѣкъ; а пушекъ на каторгѣ и на галіотѣ по 12, на фуркатѣ по 6, а всего войска турскаго на тѣхъ судахъ будетъ съ 10.000 съ 2-мя пашами».

---

[1]) Елагинъ. Исторія Русскаго Флота. Азовскій періодъ. Приложеніе II, отд. IX, стр. 456—461 и слѣдующія.

Эскадра эта со всѣмъ войскомъ была двинута уже изъ лимана въ Днѣпровскія гирла для нападенія на Таванскъ, и ожидала только движенія и переправы Сераскиръ-паши черезъ Бугъ и подхода изъ Крыма съ Калгой-султаномъ въ помочь 20.000 орды и въ нѣсколько тысячъ пѣхоты, да 6.000 работниковъ для копанія шанцовъ и подкоповъ.

Походъ арміи князя Долгорукова и гетмана Мазепы къ Асланъ-Керменю совершенно измѣнилъ соотношеніе силъ. Къ находившимся въ Таванскѣ $7^1/_2$ тысячамъ, гарнизонамъ другихъ укрѣпленій и низовому запорожскому войску присоединилась, какъ мы видѣли, огромной силы армія (точное число ея неизвѣстно, но согласно указу составъ ея не могъ быть меньше 50—70 тысячъ, если не больше еще).

Это обстоятельство заставило турецкихъ пашей измѣнить планъ военныхъ дѣйствій и по просьбѣ Крымскаго Калги-султана «для обороны Перекопа и всего Крыма» перейти на Крымскую сторону. Это движеніе было совершено турками безпрепятственно за одну недѣлю на глазахъ русской арміи, которая не воспользовалась даже раздѣленіемъ силъ противника для нанесенія имъ частичныхъ пораженій. Единственно объясняется это характеромъ театра военныхъ дѣйствій (предусмотрѣннымъ Петромъ), такъ какъ, благодаря рутинѣ командующихъ, армія пошла по проторенной дорогѣ — по безводной степи, гдѣ татары пожарами уничтожили опять конскій кормъ (полное повтореніе Голицынскихъ походовъ). 29 іюля, закончивъ сосредоточеніе силъ, турки совмѣстно съ татарами напали на русскій лагерь, но послѣ упорнаго сраженія «отъ самаго утра даже до полудня» отступили съ урономъ. «И милостью Божіею, а его Великаго Государя святыми и праведными молитвами никакого въ ратныхъ людяхъ не возмогши учинить урону, а надлежащій воспріявъ отпоръ безо всякой потери и съ великимъ урономъ отъ стрѣльбы пушечной и ручной отошли и стоятъ отъ обозовъ въ 25 верстахъ при Урочицѣ Зеленой долинѣ и ежедневно подъ обозы загоны свои посылаютъ». Эта выписка изъ донесенія показываетъ, что, несмотря на отступленіе турокъ, бой былъ нерѣшительный, что непріятель не только не былъ преслѣдуемъ, но что онъ остался въ томъ же своемъ лагерѣ противъ русской арміи и самъ постоянно ее тревожилъ. Напротивъ рѣшеніе русскихъ главнокомандующихъ — «хотя они и имѣли непремѣнное намѣреніе, перебравъ ратныхъ людей, и т т и н а П е р е к о п ъ» (подмѣна Петровской идеи Очакова — на Голицынскій Перекопъ), но такъ какъ Сераскиръ-Юсупъ-паша со всѣмъ войскомъ, пушками и припасами перевезся отъ Очакова черезъ лиманъ на Крымскую сторону и пришелъ подъ Перекопъ, разсудили: «что добывать нынѣ Перекопъ трудно и безъ продолженія времени во исполненіе того привесть не можно, понеже тамъ водъ сладкихъ и конскихъ кормовъ зѣло скудно, наипаче для того, что сами бусурмане нынѣ великимъ своимъ собраніемъ кормы конскіе отъ Перекопи до Каланчака и до Черной долины выпасли и вытолочили, а поля ближнія къ обозу выжгли, п р и н у ж д е н ы т о т ъ п о х о д ъ о с т а в и т ь (отступленіе, причины тѣ же, что и Голицына)». Однако, до своего отступленія имъ пришлось выдержать

еще одинъ бой 9 августа и при этомъ съ нѣсколько ослабленными силами, такъ какъ 3 августа изъ арміи былъ выдѣленъ «на лиманъ плавною для воинскаго промысла надъ непріятели бусурмане, которые въ судахъ подъ Очаковомъ, или надъ ихъ поганскими жилиша», отрядъ въ 10.000 человѣкъ подъ командой братьевъ князя Якова Ѳеодоровича Долгорукова, стольниковъ и воеводъ князей Луки и Бориса и всего низового войска съ кошевымъ атаманомъ. Не будетъ большой ошибкой предположить, что мысль эта явилась не у главнокомандующихъ, предполагавшихъ начать отступленіе, а у запорожцевъ или ихъ атамановъ. Скорѣе правильнѣе даже думать, что безрезультатность этого поиска, была причиной нерѣшительности начальниковъ отряда и, благодаря этому, связанности войска запорожскаго. Выступивъ 3 августа «плавною на низъ Днѣпра», воеводы съ кіевскимъ полковникомъ (Константинъ Мокѣевскій, уже не разъ дѣлавшій эти набѣги) и иными наказными полковники и кошевымъ атаманъ, выйдя въ Днѣпровъ лиманъ рѣшили напасть на турское войско, которое стояло у днѣпровскаго гирла на судахъ (блокада), но турки, слыша тѣхъ ратныхъ людей приближеніе и наступленіе, устрашились и не давъ бою съ лимана уступили прежде приходу ратныхъ людей и стали межъ Очаковомъ и Кильбуруномъ». Это обстоятельство совершенно смутило воеводъ и они, «ожидая ихъ непріятельскаго къ себѣ приходу судами отъ Очакова стояли на лиманѣ двое сутокъ, но они бусурмане противъ тѣхъ ратныхъ людей итти не смѣли и бою не дали». Послѣ этого отрядъ вернулся къ 10 августа въ цѣлости къ обозу. Такъ и эта единственная попытка въ духѣ Петра, исходившая повидимому отъ войска, вслѣдствіе нерѣшительности поставленныхъ по родству во главѣ воеводъ была окончена ничѣмъ.

Между тѣмъ 9 августа турки съ татарами возобновили нападеніе на русскую армію. Этотъ бой, благодаря упорству русскихъ войскъ въ оборонѣ, опять-таки былъ неудачнымъ для непріятеля и обратился въ ихъ пораженіе, такѣ какъ «они, бусурмане, видя въ людяхъ своихъ знатный уронъ, и не получа успѣхи и не учиня въ ратныхъ людяхъ никакого убытку, того же дня тотчасъ ломя голову пошли во свояси». Изъ описанія боя въ донесеніи опять-таки не видно, чтобы было преслѣдованіе бѣжавшаго непріятеля. Напротивъ, они, бояринъ и воевода и гетманъ, «перецравясь на Казыкерменскую сторону», пошли обозами къ Переволочнѣ. Такъ окончилась и эта послѣдняя широко задуманная Петромъ военная операція для выхода въ Черное море, и, благодаря бездарности военно-начальниковъ, уже въ самомъ планѣ операціи подмѣненная и искаженная, а въ медленности маршъ-маневра, въ нерѣшительности дѣйствій принесшая только совершенно неоправданные результатомъ расходы по подготовкѣ ея, потери въ людяхъ и непосильное бремя странѣ содержаніемъ арміи. Эти результаты, повидимому, нашли достойную оцѣнку Петра по его возвращеніи въ Россію, такъ какъ въ документахъ сохранилось еще одно, отъ 10 сентября, письмо Мазепы къ

Государю съ перечисленіемъ подвиговъ и дѣлъ похода, явно носящее оправдательный передъ Царемъ характеръ [1]).

е) Результаты постройки флота кумпанствами. Керченскій походъ 1699 г. Заключеніе мира съ Турціей. Переносъ Петромъ операціонной линіи съ южнаго моря на сѣверное.

Вернувшись изъ-за границы въ Москву совершенно неожиданно, «какъ того не чаяли», и окончивши розыскъ надъ стрѣльцами, Петръ, представлявшій въ воображеніи своемъ грозный флотъ [2]), созданный въ его отсутствіе, въ полной готовности для движенія дальше на югъ (Керчь—переговоры съ Леопольдомъ), уже въ октябрѣ 1698 г. появился въ Воронежѣ въ сопровожденіи Крюйса. Первое впечатлѣніе, при видѣ обширнаго адмиралтейства — мастерскихъ, складовъ, строившихся и готовыхъ судовъ, не могло не быть благопріятнымъ, въ особенности послѣ контраста разслѣдованія бунта, пытокъ, казней стрѣльцовъ, стремившихся уничтожить всѣ начинанія и усилія Петра. Бившая ключемъ жизнь радостно отозвалась въ сердцѣ царственнаго Моряка, не знавшаго усталости въ работѣ. Но ближайшее знакомство съ состояніемъ судовъ, веденіемъ дѣла принесло затѣмъ — разочарованіе. Суда кумпанствъ перваго наряда были готовы, а часть ихъ была даже спущена на воду, но строенныя наспѣхъ, на открытыхъ стапеляхъ, изъ сырого лѣса, суда были плохи, гнилы, портились до спуска; желѣзныя укрѣпленія изъ-за недобросовѣстности строителей, враждебности къ новому налогу кумпанщиковъ, замѣнялись деревянными; наконецъ, самая постройка судовъ, благодаря часто невѣжеству строителей, изъ коихъ кромѣ 13 человѣкъ венеціанцевъ большая часть были голландцы, и шведовъ, наспѣхъ набранныхъ, «далеко не мастеровъ, не строителей», велась рутиннымъ способомъ, безъ правильно составленныхъ чертежей, съ большими передѣлками во время постройки просто практической смѣтливостью, на глазокъ, почему суда одного типа выходили по окончаніи постройки совершенно различныхъ размѣровъ, имѣя самое отдаленное сходство со своими прототипами въ иностранныхъ флотахъ. Разочарованіе Петра тѣмъ болѣе было сильно, что онъ клалъ очень большія надежды на создаваемую имъ морскую силу.

Выше мы видѣли, что кромѣ учебной цѣли, посольство въ Западную Европу преслѣдовало и важную для Петра политическую цѣль: «ослабленіе враговъ Креста Господня, салтана Туркскаго, хана Крым-

---

[1]) Елагинъ, О подготовкѣ и веденіи кампаніи. Исторія Русскаго Флота. Азовскій періодъ. Приложеніе, томъ II, отдѣлъ IX «Судостроеніе въ Брянскѣ и плавные походы по Днѣпру 1696, 1697 и 1698 г.г.», документы отъ № 12 до № 32 включительно, стр. 449—474.

[2]) Елагинъ (Исторія Росс. Флота. Періодъ Азовскій, стр. 64) пишетъ: «Любуясь военными судами англійскими и голландскими, Петръ восторженно облекалъ въ ихъ формы суда, строящіяся въ Воронежѣ; воображеніе водило его съ ними къ Царьграду для рѣшенія судьбы Турціи».

„Гото Предестинація“ (Божіе Предвѣдѣніе).

Первый корабль, построенный лично Петромъ Великимъ съ товарищи въ Воронежѣ послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія.

скаго и всѣхъ ордъ бусурманскихъ», приглашеніе въ Священный союзъ противъ Турціи морскихъ державъ, главнымъ образомъ Голландіи.

На сколько мысль эта не переставала его волновать и преслѣдовать, видно изъ сохранившейся въ Голландіи гравюры, выгравированной самимъ Петромъ; «она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманской въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки». Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патріарху Адріану въ Москву: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божією и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію Слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану [1])». Окончательный отказъ Штатовъ въ помощи заставилъ Петра разсчитывать только на свои морскія силы и немедленно дать новый нарядъ кумпанствамъ и адмиралтейцу на добавочную постройку судовъ. Этотъ исходъ переговоровъ былъ предусмотрѣнъ Петромъ заблаговременно, еще до отъѣзда изъ Москвы, когда онъ указалъ о вторичной складкѣ кумпанствъ съ 16.000 и 20.000 дворовъ — корабль (указъ 4 ноября 1696 г.) и приказалъ отвести лѣса кумпанствамъ въ расчетѣ на добавочную постройку. Указомъ 30 декабря 1697 года Петръ назначилъ духовнымъ и свѣтскимъ кумпанствамъ выстроить еще 19 судовъ (6 галеръ, 1 бомбардирское и 12 кораблей), и адмиралтейцу на полтинныя деньги къ прежнимъ 6 кораблямъ и 20 бригантирамъ добавилъ къ постройкѣ 10 кораблей и 40 бригантировъ. 25 мая 1698 г., когда слухи о мирныхъ переговорахъ между Австріей и Турціей при посредничествѣ Англіи и Голландіи заставили Петра бросить всѣ свои дѣла и 15 мая помчаться въ Вѣну для предотвращенія возможнаго мира, когда было уже столько потрачено усилій и средствъ на подготовку дальнѣйшей борьбы съ Турціей, Петръ новымъ указомъ назначилъ добавочную постройку и гостиннымъ кумпанствамъ 6 кораблей.

Такимъ образомъ къ этому времени строилось и было назначено къ постройкѣ кромѣ 52 судовъ перваго наряда кумпанствамъ и 6 судовъ и 20 бригантиръ перваго наряда адмиралтейцу, еще 35 кораблей и галеръ и 40 бригантировъ, т.-е. готовился флотъ въ 93 судна и 60 бригантировъ.

Только изъ Вѣны, когда всѣ дипломатическія усилія Петра разбились о настойчивость Австрійскаго правительства заключить миръ съ Турціей, при посредничествѣ Голландіи и Англіи, когда Петру пришлось подчиниться необходимости послать и своего посла (Возницына) на Карловицкій мирный конгрессъ, онъ послалъ указъ (1-го іюля) адмиралтейцу остановить постройку добавочныхъ судовъ какъ адмиралтейскихъ, такъ и кумпанскихъ.

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ др. временъ, т. XIV, стр. 174. (Пекарскій. Наука и Литература, т. I, стр. 9).

Распоряженіе объ этой отсрочкѣ получено было, однако, въ Воронежѣ передъ самымъ возвращеніемъ Государя въ Москву, когда изъ добавочныхъ судовъ 12 кумпанейскихъ и 7 казенныхъ кораблей были заложены и начаты постройкой.

Вслѣдствіе этого къ пріѣзду Петра въ Воронежъ въ октябрѣ 1698 года всего готовыхъ и въ постройкѣ перваго наряда кумпанейскихъ, казенныхъ и добавочныхъ судовъ было—71 корабль, не считая бригантировъ (60), постройка коихъ, назначенная къ веснѣ 1699 г., на прекращалась.

И вотъ теперь оказывалось, что созданный съ такими огромными усиліями флотъ представляетъ изъ себя силу очень сомнительнаго достоинства.

Это состояніе флота, стоившаго громадныхъ усилій и средствъ народа, убѣдило Петра въ необходимости перехода отъ натуральной корабельной повинности къ денежной. Еще въ сентябрѣ, будучи въ Москвѣ, онъ разрѣшилъ гостиннымъ кумпанствамъ внести вмѣсто 6 добавочныхъ кораблей деньгами по 12.000 за корабль, а указомъ 14 феврамя 1699 года онъ разрѣшилъ эту замѣну и для остальныхъ 6 кумпанствъ, не приступившихъ къ постройкѣ добавочныхъ судовъ, сбавивъ лишь по 2.000 рублей съ корабля за заготовку лѣса.

Рѣшеніе это, явившееся плодомъ двухлѣтняго пребыванія Петра за границей, было однако еще частичнымъ, такъ какъ постройка начатыхъ кумпанствами судовъ продолжалась ими же, а также на нихъ же лежала обязанность исправленія и снабженія судовъ. Окончательный расчетъ съ кумпанствами былъ произведенъ лишь почти черезъ 2 года, въ 1700 году.

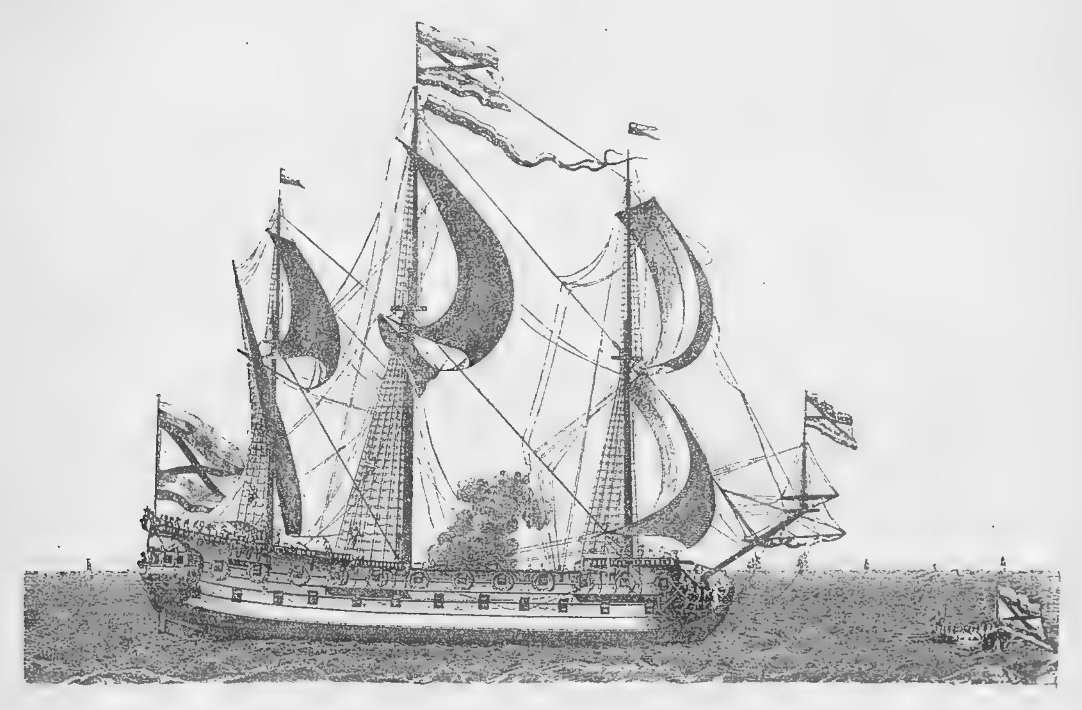
За свое двухмѣсячное пребываніе въ Воронежѣ Петръ заложилъ 2 новыхъ корабля, изъ коихъ одинъ («Предестинація»—Божіе Предвѣдѣніе 58 пушечный) строилъ самъ [1]), только русскими мастерами, передавъ постройку его въ свое отсутствіе русскимъ же, изучившимъ съ Петромъ судостроеніе за границей, мастерамъ Ѳедосѣю Скляеву и Лукьяну Верещагину.

Но все-таки, мысль о выходѣ съ флотомъ, какой бы онъ ни былъ, въ море неотступно преслѣдовала Петра во все время почти двухмѣсячнаго пребыванія его въ Воронежѣ. Мы видѣли, что изъ Вѣны Петръ выѣхалъ полный сомнѣній за будущее: австрійское правительство, предвидя войну за испанское наслѣдство, спѣшило всѣми силами закончить турецкую войну; для другихъ союзниковъ (Польши и Венеціи) было тоже страшно затруднительно продолжать эту тянувшуюся 15 лѣтъ войну (съ 1683 года); для Петра же, только что затратившаго громадныя усилія на подготовку рѣшительнаго удара Турціи, было необходимо

[1]) Корабль этотъ, помимо превосходныхъ обводовъ, былъ снабженъ килемъ особаго устройства изобрѣтенія самого Государя, благодаря которому, въ случаѣ потери или поврежденія киля, кораблю не могла угрожать течь. Въ этомъ отношеніи геній Петра опередилъ технику кораблестроенія на полтораста лѣтъ, такъ какъ впослѣдствіи впервые это приспособленіе было сдѣлано въ 1840 г. наанглійскомъ пароходѣ «Black Eagle». (Елагинъ. Ист. Русск. Фл. Азовскій пер., стр. 163).

продолжить войну и снова вовлечь въ нее союзниковъ; указаніемъ, что Петръ успѣетъ еще вооруженною силою захватить Керчь до заключенія мира, австрійскій императоръ усилилъ надежды Петра на продолженіе войны.

Свиданіе Петра съ Августомъ у Равы, обсужденіе шведскихъ дѣлъ, внесло новый элементъ Петру для рѣшенія вопроса о продолженіи войны съ Турціей. Посланный Августомъ состоять при Петрѣ ген.-маіоръ Карловичъ находился съ нимъ въ Воронежѣ и дѣятельно трудился надъ развитіемъ взглядовъ Августа о необходимости немедленнаго рѣшенія Балтійскаго вопроса. Между тѣмъ свѣдѣнія, получавшіяся Петромъ отъ Виніуса объ испанскихъ дѣлахъ, о попыткахъ Франціи помѣшать австрій-



Корабль «Предестинація», построенный Петромъ въ Воронежѣ 1698—1700 гг.
(Съ гравюры Схонбека. Москва, 1701 г.).

скому императору заключить миръ съ Турціей, отъ Возницына—о ходѣ переговоровъ съ турецкими уполномоченными, и обнадеживали Петра въ возможности продолженія войны съ Турціей въ союзѣ съ Австріей, и заставляли энергично готовиться къ новой весенней кампаніи.

Поручивъ подготовку снабженія и вооруженія флота на мѣстѣ вице-адмиралу Крюйсу, распредѣливъ командировъ-иностранцевъ по судамъ, Петръ выѣхалъ въ декабрѣ въ Москву на совѣщанія съ генералами и адмираломъ Лефортомъ. Однако болѣзненное состояніе Лефорта, неоправившагося даже послѣ полуторагодовалаго путешествія за границей, заставило Петра, еще до смерти адмирала, послѣдовавшей въ мартѣ 1699 года, вручить фактическое командованіе флотомъ генералу и воинскому коммиссарію боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину.

Сотрудникъ Петра по организаціи перваго морского похода 1696 года, второй посолъ великаго посольства, вѣдавшій во время пребыванія за границей переговорами и наймомъ иностранцевъ для флота, всѣми покупками и заказами орудій, оружій, инструментовъ, человѣкъ широкаго ума и громадной энергіи, превосходно образованный, Головинъ былъ не только близкимъ другомъ царя и точнымъ исполнителемъ его указаній, но скорѣе, благодаря своему дипломатическому и административному опыту, руководителемъ и наставникомъ горячаго и страстнаго Петра. Указомъ 11 декабря 1698 года Петръ учредилъ приказъ Воинскаго Морского флота дли завѣдыванія всѣми военными чинами флота, за исключеніемъ русскихъ матросовъ [1]), т.-е. командньмъ составомъ флота, а также «всѣмъ касавшимся собственно флота», т.-е. боевой готовностью флота и поручилъ его въ завѣдываніе Головину.

Такимъ образомъ, приказъ Воинскаго Морского флота есть канцелярія или штабъ главнокомандующаго флотомъ. Въ томъ же 1699 году Головинъ былъ назначенъ начальникомъ Посольскаго приказа.

По прибытіи въ Москву Петръ энергично принялся за подготовку кампаніи по заданію — Керчь. Въ гордомъ отвѣтѣ «Флотъ самъ себѣ отыщетъ гавань» на возраженіе Гордона о необходимости имѣть портъ «на случай бури или нападенія» [2]), Петръ показалъ глубокое пониманіе природы морской силы.

Для готовности флота къ назначенному сроку Петръ принялъ рядъ крайнихъ мѣръ: вновь оцѣпилъ заставами Воронежъ для прекращенія побѣговъ мастеровъ и рабочихъ, назначилъ караулы къ новопостроеннымъ судамъ, запретилъ продажу лошадей и пригрозилъ кумпанствамъ, кто не доставитъ къ шестой недѣлѣ Великаго поста вещей и корабельныхъ припасовъ, по добавочнымъ росписямъ вице-адмирала Крюйса, отпиской имѣній. Въ самый разгаръ приготовленій къ походу, Петръ получилъ, наконецъ, извѣщеніе отъ Возницына объ окончаніи Карловицкаго конгресса и заключеніи 2-лѣтняго перемирія съ Турціей. Извѣстіе это, хотя и лишало Петра возможности теперь же захватить Керчь — выходъ въ Черное море, однако, рѣшенія его о выходѣ съ флотомъ въ море не измѣнило. Только теперь онъ могъ вмѣсто преслѣдовавшихся ранѣе военныхъ задачъ, поставить цѣлью похода политическую демонстрацію, показавши Турціи и всему міру, что флотъ, выстроенный на Дону, готовъ, и годенъ для плаванія въ Черномъ морѣ. По условіямъ Карловицкаго договора, Петръ долженъ былъ въ двухлѣтній срокъ закончить мирные переговоры вѣчнымъ миромъ или «перемиріемъ на довольные лѣта». Сообщая объ этомъ и о ходѣ переговоровъ, Возницынъ совѣтовалъ Петру послать для веденія переговоровъ въ Константинополь «хотя не гораздо знатную особу, только умную», такъ какъ съ ними (турками) надобно поступать смѣло и дѣльно и себя смиренно знать не надобно давать». Выборъ Петра какъ нельзя болѣе удачно остановился на думномъ дьякѣ Емельянѣ Игнатьевичѣ Украинцевѣ.

---

[1]) Елагинъ. Исторія Русск. Фл., стр. 101.

[2]) Елагинъ. Исторія Русскаго Флота. Азовскій періодъ, стр. 123.

Отправляясь 19 февраля 1699 г. въ Воронежъ для личнаго участія въ подготовкѣ флота, Петръ въ тотъ же день послалъ съ состоявшимъ при немъ генераломъ Карловичемъ къ королю Польскому Августу II письмо, въ которомъ въ особо дружескихъ выраженіяхъ извѣщалъ, что «генералъ Карловичъ, по бытіи здѣшнемъ, къ вамъ отпущенъ, съ которымъ нѣчто словесно наказали къ вамъ, и чаемъ, что вы изволите сіе за благо принять, понеже не безъ пользы и истинна суть» [1]). Изъ этого письма видно, что посылка генерала Карловича въ Москву съ Петромъ не была безрезультатна для Августа. И дѣйствительно, послѣ свиданія въ Равѣ, а въ особенности послѣ полученія извѣстія отъ Возницына о заключенія Карловицкаго перемирія, Петръ началъ энергично подготовляться къ сѣверной войнѣ. Послѣ подавленія стрѣлецкаго бунта и упраздненія всего стрѣлецкаго войска, Петръ организовалъ новую армію, вступилъ въ переговоры о союзѣ съ курфирстомъ Бранденбургскимъ Фридрихомъ III (посольство Пренса въ мартѣ 1699 г.) [2]), заключилъ оборонительно-наступательный союзъ съ Даніей (24 августа 1699 г.) [3]) и черезъ посредство того же вернувшагося ген. Карловича и Паткуля—союзъ съ Польшей (сентябрь-ноябрь 1699 г.) [4]), постепенно сосредоточивалъ войска къ сѣверному театру и собиралъ свѣдѣнія о состояніи крѣпостей: Ревеля, Орѣшка (посылка Кормчина) [5]). Только этими новыми планами Петра, рѣшеніемъ пробиться къ Балтійскому морю при благопріятной обстановкѣ борьбы съ могущественной Швеціей въ союзѣ съ тремя державами, объясняется настойчивая торопливость и уступчивость Петра при веденіи мирныхъ переговоровъ съ Турціей, тогда какъ еще меньше года назадъ, въ Вѣнѣ, одна мысль о заключеніи мира, не добившись реальныхъ результатовъ—выхода въ Черное море, приводила его въ негодованіе и заставила дать Возницыну инструкцію на конгрессъ—стремиться къ расторженію переговоровъ и недопущенія заключенія мира. Теперь, наоборотъ, задержки въ веденіи переговоровъ, неуступчивость турокъ доставили Петру много тяжелыхъ минутъ и заставили его отказаться отъ главныхъ требованій, цѣли многолѣтней войны и неимовѣрныхъ усилій народа по созданію неиспользованной морской силы.

Энергично готовившійся къ вешнему походу на случай военныхъ дѣйствій флотъ былъ готовъ; его надо было использовать и можно было, пользуясь имъ, показать Турціи и Крыму, что флотъ не запертъ [6]), свободно плаваетъ по Азовскому морю и не боится Чернаго, что Петру

---

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго, т. I, стр. 275.

[2]) Тамъ же, стр. 277—359. Письма къ курфирсту Бранденбургскому и соотвѣтствующія примѣчанія.

[3]) Тамъ же, стр. 296—302 и 317—18 и соотвѣтствующія примѣчанія.

[4]) Тамъ же, стр. 304—310 и соотвѣт. примѣчанія, а также—Соловьевъ. Ист. Россіи съ др. временъ, томъ XIV, стр. 1237—1239.

[5]) Письма и бумаги Петра Великаго, т. I, стр. 338.

[6]) Брикнеръ (Исторія Петра Великаго, стр. 386) приводитъ мнѣніе турокъ, что флотъ русскій не можетъ выйти изъ Дона: «турецкіе моряки головою ручались султану. что русскіе корабли сядутъ на мель въ мелководныхъ устьяхъ».

не страшно продолжать войну даже одинъ на одинъ. Попутно выходомъ въ море можно было воспользоваться для обученія и практики командъ, маневровъ — примѣрнаго сраженія, для окончательнаго испытанія мореходныхъ качествъ и крѣпости судовъ, и изслѣдованія пути къ завѣтной и снова далекой Керчи. Въ маѣ мѣсяцѣ почти всѣ суда флота не только перваго наряда, но и добавочные, были спущены на воду, но въ плаваніе были назначены только 11 кораблей, одно бомбардирское судно и 4 галеры. Кромѣ того было приказано вооружить 13 бригантировъ, 11 галліотовъ и 117 струговъ. Послѣдніе, главнымъ образомъ для сопутствія флота до Азова, какъ транспортныя суда. Такое ограниченное число судовъ, назначенное въ плаваніе, Елагинъ объясняетъ «невозможностью вопреки желанію Государя выставить болѣе, какъ по неготовности судовыхъ принадлежностей, такъ и по недостатку команды» [1]). Не отрицая этого указанія, нельзя однако не предположить, что если бы флотъ понадобился Петру для военныхъ цѣлей, то онъ нашелъ бы средства и для полнаго снабженія и для укомплектованія всего созданнаго флота, такъ какъ онъ въ этихъ расчетахъ и строился, а слѣдовательно главною причиною сокращенія числа назначенныхъ въ плаваніе судовъ была, надо предположить, другая, а именно — отсутствіе необходимости для демонстративныхъ цѣлей выводить весь флотъ въ море. Для поставленной задачи достаточно было показать Турціи хотя бы 10 лучшихъ кораблей. Вотъ почему остальные приказано было только спустить отъ мѣстъ постройки въ Азовъ.

27 апрѣля флотъ выступилъ изъ Воронежа.

Послѣ 3-хъ мѣсячнаго плаванія, только 25 мая Государь прибылъ въ Азовъ, встрѣченный салютомъ крѣпости и ранѣе прибывшихъ судовъ. Проведя болѣе недѣли въ Азовѣ за осмотромъ флота, выросшихъ въ ѣъ его отсутствіе укрѣпленій и города, Петръ 1 іюня вышелъ въ море съ флотиліей мелкихъ судовъ—бригантинъ и гальотовъ — для осмотра Таганрога, Павловска и производившихся тамъ работъ. Вернувшись 6 іюня въ Азовъ, Петръ долженъ былъ выждать еще 2 недѣли для выхода въ море, пока морской вѣтеръ не поднялъ воду въ Донскихъ гирлахъ и не далъ возможности вывести суда въ море. 23 іюня Петръ лично провелъ всѣ корабли Кутюрминскимъ гирломъ и направился съ флотомъ въ Таганрогъ.

Въ Таганрогѣ флотъ простоялъ еще цѣлый мѣсяцъ, до 30 іюля, готовясь окончательно къ походу. Вице-адмиралъ Крюйсъ въ своемъ журналѣ даетъ слѣдующее объясненіе этой новой задержкѣ: «съ кильгилеваніемъ, конопаченіемъ и мазаньемъ кораблей мы такъ скоро и поспѣшно поступали, какъ бы на адмиралтейской верфи въ Амстердамѣ. Его Величество присутствовалъ притомъ въ сей работѣ неусыпно, какъ съ топоромъ, дисенемъ, калфатомъ, молоткомъ и мазаньемъ кораблей, и гораздо больше работая нежели старый и весьма обученный плотникъ» [2]).

Первый выходъ флота состоялся 5 августа, но эскадра, пройдя

[1]) Елагинъ. Исторія Русскаго Флота. Періодъ Азовскій, стр. 127.

[2]) Тоже, стр. 131.

10 миль отъ Таганрога, вслѣдствіе сильнаго противнаго вѣтра, принуждена была встать на якорь. 7 августа эскадра пошла обратно и по пути производила «забавный бой».

Окончательно въ Керчь эскадра вышла 14 августа и 18 августа эскадра пришла «въ Керченское устье благополучно» и стала на якорь около турецкой эскадры изъ 4 кораблей и 9 галеръ, подъ начальствомъ адмирала Ассанъ-паши. Послѣ салютовъ, взаимныхъ визитовъ и предварительныхъ переговоровъ, турецкому адмиралу было объявлено приведшее его въ ужасъ требованіе пропустить посольскій корабль «Крѣпость» въ Константинополь. Убѣдившись въ полной невозможности отговорить русскаго посла идти моремъ, подъ угрозой, что вся эскадра пойдетъ конвоировать посольскій корабль въ Босфоръ, Ассанъ-паша принужденъ былъ согласиться на пропускъ перваго русскаго военнаго корабля въ Черное море и назначить ему конвой. 25 августа русская эскадра пошла обратно въ Таганрогъ, а посольскій корабль «Крѣпость» вышелъ изъ Керчи въ сопровожденіи 4-хъ турецкихъ кораблей 28 августа и пришелъ въ Константинополь, оставивъ далеко позади турецкія суда, 2 сентября. Только одинъ турецкій корабль съ приставомъ Капычи-башей пришелъ въ ночь на 3 сентября въ Босфоръ [1]).

Распорядившись проводкой эскадры изъ Таганрога въ Азовъ, Петръ 4 сентября выѣхалъ спѣшно въ Воронежъ для осмотра спущенныхъ въ его отсутствіе послѣднихъ 14 добавочныхъ складныхъ кумпанейскихъ судовъ, а затѣмъ въ Москву для рекрутскаго набора новой арміи и завершенія всѣхъ неоконченныхъ трудовъ по подготовкѣ сѣверной кампаніи. Послѣдній шагъ для того, чтобы развязать себѣ руки на югѣ былъ сдѣланъ—посольство для заключенія мира отправлено въ Константинополь моремъ.

Впечатлѣніе, произведенное на турокъ походомъ флота въ Керчь и прибытіемъ корабля «Крѣпость» въ Константинополь, было огромно. Весь городъ, толпы народа, иностранные послы, великій визирь, самъ султанъ, наконецъ, перебывали на кораблѣ. По городу ходили слухи, что «отъ Керчи выходилъ весь Великаго Государя воинскій караванъ въ Черное море, что въ томъ караванѣ былъ генералъ-адмиралъ Головинъ, а было въ томъ караванѣ 10 воинскихъ кораблей, да 40 мелкихъ судовъ и по морю ходили и былъ на Анатолійской сторонѣ подъ городами Трапезономъ и подъ Синопомъ и подъ Амастрою»... Когда же капитанъ Памбургъ на кораблѣ съ французами и голландцами «подпилъ гораздо» и сталъ ночью стрѣлять изъ всѣхъ орудій, то «По всему Царьграду учинилась великая молва и ропотъ, что будто онъ капитанъ тою пушечною пальбою ночью давалъ знать твоему Государеву морскому каравану, который ходитъ по Черному морю, чтобы онъ приходилъ по той стрѣльбѣ съ моря въ гирло черноморское и подъ Царь-Городъ» [2]).

[1]) Подробности Керченскаго похода и плаваніе корабля «Крѣпость». Елагинъ. Приложенія, т. I, отд. IV. №№ 24 и 27, стр. 435—456.

[2]) Донесенія Украинцева отъ 17 окт. 1699 г. Елагинъ. Прилож., т. I., отд. IV, № 27, стр. 456.

Однако, на окончательный результатъ переговоровъ, затянувшихся почти на цѣлый годъ, въ особенности подъ вліяніемъ уступчивости и стремленія скорѣе заключить миръ, выходъ флота не повліялъ. Начало переговоровъ, къ тому же, турки успѣли оттянуть до ноября, когда уже первоначальное впечатлѣніе, слухи и страхи улеглись.

Хотя инструкція Украинцеву или указъ Петра, на который въ своихъ донесеніяхъ Украинцевъ часто ссылается, и не сохранился, но изъ предъявленныхъ посланникомъ туркамъ требованій и по ходу переговоровъ на конференціяхъ можно усмотрѣть, что первоначальные планы Петра и взгляды настолько измѣнились, что цѣли, преслѣдовавшіяся Петромъ въ развитіи военныхъ дѣйствій, только отчасти отразились въ предъявленныхъ туркамъ требованіяхъ. Первымъ пунктомъ начатыхъ Украинцевымъ переговоровъ было установленіе принципа «uti possidentis» [1]), такъ сильно опровергавшагося Петромъ въ Вѣнѣ въ іюлѣ 1698 года при переговорахъ съ австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ и на Карловицкомъ конгрессѣ, когда Петромъ было предъявлено къ Турціи требованіе уступки въ добавокъ къ завоеваннымъ землямъ и крѣпостямъ еще и Керчи, какъ выхода въ Черное море.

Стремленіе къ скорѣйшему заключенію мира повело не только къ отказу отъ этого взгляда, но къ отдачѣ даже завоеванныхъ на Днѣпрѣ турецкихъ укрѣпленій и Таванска, хотя и срытыхъ до основанія и безъ права для турокъ возведенія новыхъ крѣпостей [2]). Въ дальнѣйшихъ переговорахъ хотя и было предъявлено требованіе свободы плаванія по Черному морю, но турки въ этомъ наотрѣзъ отказали, мотивируя это весьма характернымъ заявленіемъ: «Чернымъ моремъ и всѣми берегами его владѣетъ одинъ султанъ; владѣній же другихъ государей никогда не было и нѣтъ, и съ тѣхъ поръ, какъ стали господствовать на томъ морѣ турки, искони вѣковъ никакой чужой корабль по водамъ его не плавалъ, да и плавать не будетъ. Просили Порту неоднократно и теперь еще просятъ, французы, голландцы, англичане, венеціяне, о дозволеніи ходить ихъ торговымъ судамъ для купечества по Черному морю, но Порта всегда имъ отказывала и отказываетъ для того, что владѣетъ всѣми берегами его одинъ султанъ, и никому другому владѣтелемъ быть нельзя. Оттоманская Порта бережетъ Черное море, какъ чистую и непорочную дѣвицу, къ которой никто прикасаться не смѣетъ, и скорѣе султанъ допуститъ кого во внутреннія свои (sic), чѣмъ согласится на плаваніе чужихъ кораблей по водамъ черноморскимъ. Это можетъ случиться развѣ тогда, когда Турецкая имперія обратится вверхъ ногами» [3]).

Согласіе Петра на отказъ въ этихъ главныхъ пунктахъ приводило въ результатѣ 4-хлѣтней войны къ полному почти возвращенію къ до-Азовскому періоду. Выстроенный неимовѣрнымъ усиліемъ народа флотъ оказался запертымъ.

---

1) Каждая сторона удерживаетъ то, чѣмъ владѣла въ минуту переговоровъ.

2) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнихъ временъ, т. XIV, стр. 1231—1234.

3) Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, т. I, стр. 390—391.

Адмиралъ гр. Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ.

съ портрета, находящагося въ Морскомъ музеѣ имени Императора Петра Великаго.

Генералъ-Адмиралъ гр. Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

съ портрета въ музеѣ Морского корпуса.

Между тѣмъ новые союзники Петра все настойчивѣе требовали начала военныхъ дѣйствій согласно условію, въ апрѣлѣ 1700 г., вслѣдствіе чего Петръ въ своихъ письмахъ къ Украинцеву все чаще указывалъ на необходимость скорѣйшаго заключенія мира.

Наконецъ такъ долго жданный Петромъ миръ былъ заключенъ. По условіямъ этого договора перемиріе было заключено на 30 лѣтъ, причемъ Азовъ, Таганрогъ, Павловскъ, Міускъ отошли къ Руси; днѣпровскіе городки Тавань, Казыкерменъ, Устрецькермень и Сагинькермень постановлено разорить, а мѣста, на которыхъ они стояли, вернуть къ султановой сторонѣ пустыми.

Извѣстіе о заключеніи перемирія было получено въ Москвѣ Петромъ 8 августа «съ нарочитымъ удовольствіемъ», а 9 го онъ велѣлъ двинуть войска къ шведскимъ границамъ.

Сравнивая полученный результатъ съ совершенно опредѣленно поставленными въ стратегическихъ заданіяхъ дѣйствовавшимъ на обоихъ театрахъ (Днѣпровскомъ, Донскомъ) арміямъ цѣлями войны (выходъ въ Черное море для отрѣзанія и завладѣнія Крыма, а въ мечтахъ Петру грезилось даже уничтоженіе владычества турокъ въ Европѣ) мы видимъ, что онъ совершенно не соотвѣтствуетъ потраченнымъ усиліямъ народа.

Цѣною временнаго отказа отъ рѣшенія южныхъ задачъ Петръ, побывавшій за границей и понявшій причины отсталости Москвы отъ западно-европейскихъ державъ, рѣшилъ заплатить за возможность пробиться къ Балтійскому морю, пріобрѣсти вліяніе на европейскія дѣла и войти въ непосредственныя сношенія со всѣми западными государствами. Но этотъ отказъ отъ минимальныхъ требованій къ Турціи—выхода къ Черному морю, хотя и сознательный, неизбѣжно привелъ ко второй турецкой войнѣ, къ Прутской катастрофѣ, потерѣ даже Азова.

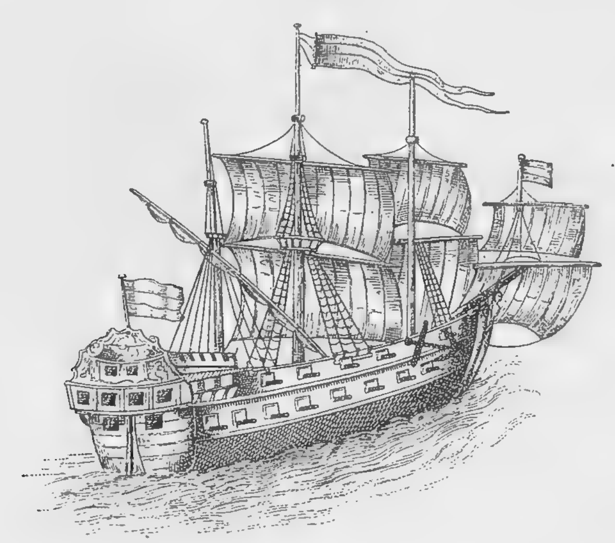
Договоръ 1700 года нельзя не разсматривать также въ связи со славянскимъ вопросомъ. Уже въ 1698 г. первые успѣхи русскаго оружія въ борьбѣ съ Турціей пробудили въ населеніи Молдавіи и Валахіи и въ Дунайскихъ славянахъ мысль свергнуть ненавистное иго турокъ и отдаться подъ покровительство Россіи. Еще во время пребыванія Петра въ Вѣнѣ къ защитѣ его прибѣгали сербы, валахи и молдаване и просили даже о принятіи въ подданство.

Съ этою же цѣлью въ томъ же году валахскимъ господаремъ былъ присланъ въ Москву дворянинъ Георгій Кастріота, съ просьбой спасти Валахію отъ турокъ и нѣмцевъ и принять ее подъ царскую державу въ подданство. Съ такою же миссіею валахскій господарь Антіохъ Кантемиръ прислалъ посланника Савву Константинова. Георгій Кастріота представилъ даже проектъ плана военныхъ дѣйствій противъ Турціи: съ сухого пути наступать на Очаковъ, ключъ Чернаго моря важнѣе Азова, откуда можно нападать на Крымъ и Буджаки; послать войско въ молдавскія земли, къ которому пристанутъ немедленно и мѣстные жители. Этотъ проектъ дошелъ до Петра и онъ приказалъ гетману Мазепѣ развѣдать о пристаняхъ на Черномъ морѣ отъ лимана Днѣпровскаго до

гирла Дунайскаго, о путяхъ и станахъ чрезъ Буджаки въ Молдавію и Валахію [1]).

Позднѣе Петръ, хотя и началъ готовиться къ сѣверной войнѣ, и даже вступилъ въ союзъ противъ Швеціи, однако сношенія съ молдаванами и валахами и дунайскими славянами не прерывалъ, и постоянно поддерживалъ ихъ надежды на принятіе въ свое подданство. Въ слѣдующую кампанію противъ Турціи Петръ построилъ даже весь свой планъ военныхъ дѣйствій на возстаніи княжествъ, но при этомъ не понялъ, что ихъ помощь возможна была бы только въ томъ случаѣ, если бы Петръ завладѣлъ Чернымъ моремъ.

Отказъ Петра отъ выхода въ море въ 1700 году уже рѣшилъ участь слѣдующей турецкой кампаніи, такъ какъ только движеніе арміи моремъ къ Дунаю, по примѣру древнихъ походовъ великихъ кіевскихъ князей (Святослава), могло обезпечить успѣхъ возстанія и коммуникаціи арміи.



Снимокъ съ современнаго изображенія корабля «Крѣпость».

4. Развитіе Азовскаго флота въ промежутокъ между турецкими войнами.

Заключивши миръ, Петръ съ обычною настойчивостью и энергіей, не жалѣя средствъ, стремится удержать дружественныя отношенія съ Турціей, «понеже государство сіе (Россія) не есть въ состояніи съ двумя сими главнѣйшими непріятелями офензивою воевать, къ тому жъ есть пословица: кто за двумя зайцами гонится, ни одного не поймаетъ» [2]).

Но задача сохраненія мира съ Турціей, несмотря на всѣ уступки Петра, на отказъ отъ главныхъ преслѣдовавшихся войною цѣлей, была не легка. Омытый русской кровью и прославленный подвигами самого Петра, Азовъ остался по договору въ Русской Державѣ; вновь возводившіяся укрѣпленія въ устьяхъ Дона (Кутюрминское), у Таганрога, Павловска, Міуса и Калміуса, а на Днѣпрѣ—Каменный Затонъ, свидѣ-

[1]) Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, стр. 384.

[2]) Мышлаевскій. «Россія и Турція передъ Прутскимъ походомъ». Воен. Сборн. 1901 г. № 1, стр. 6.

тельствуя о подготовительныхъ мѣрахъ къ дальнѣйшему расширенію Руси на югъ, были бѣльмомъ въ глазу у турокъ, и главнымъ образомъ— у Крымскихъ татаръ, связанныхъ договоромъ отъ набѣговъ на Велико- и Мало-Россійскіе города.

Договоръ этотъ, какъ и миръ, заключенный съ австрійскимъ императоромъ и Венеціей, вызвалъ рядъ бунтовъ янычаръ, народныхъ волненій въ Турціи и привелъ, наконецъ, къ низверженію султана Мустафы II. Поэтому слухи о войнѣ съ Турціей возникали и росли непрестанно. Даже черезъ годъ послѣ заключенія мира неизбѣжность новой войны казалась неотвратимой.

Враждебное отношеніе Турціи въ первые годы поддерживалось отчасти и самимъ Петромъ, не желавшимъ окончательно отказаться отъ мысли о свободѣ плаванія по Черному морю, хотя бы русскимъ коммерческимъ судамъ, и отъ развитіи русской торговли на своихъ судахъ въ турецкихъ портахъ. Въ началѣ 1701 года Петръ отправилъ въ Константинополь «знатную» особу (кн. Голицына) для обмѣна ратификаціей договора, и поручилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ возобновить требованіе «о свободѣ плаванія русскихъ кораблей по Черному морю». Попытка эта вновь встрѣтила самый энергичный отпоръ со стороны Турціи; великій визирь отвѣтилъ: «лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чѣмъ показать дорогу московскимъ кораблямъ по Черному морю; пусть московскіе купцы ѣздятъ со своими товарами на турецкихъ корабляхъ куда имъ угодно, и московскимъ посламъ также не ходить на корабляхъ въ Константинополь, а пріѣзжать сухимъ путемъ; султанъ смотритъ на Черное море, какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца; скорѣе султанъ начнетъ войну, чѣмъ допуститъ ходить московскимъ кораблямъ по Черному морю» [1]).

Враждебныя отношенія Турціи къ Россіи вызвали также и подозрительныя для турокъ сношенія Петра съ балканскими христіанами, тайная корреспонденція съ господарями Валахіи и Молдавіи, продолжавшееся усиленное судостроеніе на Дону, а по временамъ увеличеніе численности войскъ въ Азовскомъ краѣ, вызывавшееся для Петра тѣми же слухами о войнѣ. Враждебныя отношенія Турціи поддерживали также и интриги при Высокой Портѣ представителей иностранныхъ дворовъ, главнымъ образомъ Швеціи, Рѣчи Посполитой (Ст. Лещинскій), Франціи, а послѣ побѣдъ Петра и Англіи, Голландіи, боявшихся роста и могущества Россіи. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали волненія и происки казаковъ и Мазепы.

При такихъ условіяхъ посланному въ ноябрѣ 1701 года резидентомъ при Портѣ ближнему стольнику Петру Андреевичу Толстому предстояла почти невыполнимая задача «усыпить бдительность турокъ» [2]). Однако въ немъ Петръ нашелъ блестящаго исполнителя своихъ плановъ. «Соединяя въ себѣ», пишетъ Мышлаевскій, «великій дипломатическій тактъ,

---

[1]) Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, стр. 468.

[2]) Мышлаевскій. «Россія и Турція передъ Прутскимъ походомъ». Воен. Сборн. 1901 г. № 1, стр. 8.

хитрость, умъ, житейскую ловкость, умѣнье не брезгать сомнительными съ современной намъ точки зрѣнія средствами для достиженія цѣлей, а въ то же время и способностью ради государева дѣла поставить лично себя въ безвыходное положеніе, П. Толстой, дѣйствуя по строго опредѣленной программѣ, во всю ширь развертываетъ въ Константинополѣ сѣть искуснѣйшихъ мѣропріятій" [1]).

Главная же побѣда и торжество Толстого было въ зиму 1708—1709 гг. во время подготовленія Полтавской операціи, при вторженіи Карла XII въ предѣлы Россіи, когда Петру такъ важно было быть увѣреннымъ и спокойнымъ за свой южный фронтъ. Станиславъ Лещинскій, Карлъ II и всѣ ихъ сторонники не жалѣли средствъ для того, чтобы подвинуть Порту къ открытію военныхъ дѣйствій противъ Петра, но Толстой въ концѣ концовъ получилъ окончательно «поверхность».

Это доставило Петру громадное успокоеніе и дало возможность стянуть къ Полтавѣ всѣ возможныя силы, обнаживши почти всю турецкую границу отъ войскъ, но стараніями Толстого это отношеніе Порты къ Царю продержалось до самой Полтавской побѣды.

За весь этотъ первый періодъ своей дѣятельности въ Константинополѣ Толстой только въ одномъ планѣ Петра потерпѣлъ неудачу — не успѣлъ связать Турцію, втянувши въ войну съ кѣмъ-либо на западномъ фронтѣ, съ цесарцами или венетами. Въ 1704 году Головинъ, по приказанію Государя, писалъ Толстому «о дачѣ трехъ тысячъ салтанскому ближнему человѣку... изволь сіе чинить..., только надобно держать зѣло секретно, и не учинить бы себѣ, вмѣсто дѣла, токмо подозрѣнія и убытку; и какъ тебя въ семъ Богъ управитъ, изволь конечно дѣлать хотя бъ на кого иного, куда они склонны будутъ, только въ войну ихъ подвинуть, на цесарцевъ ли или на венетовъ, и если сдѣлаютъ, чтобъ тѣ 40.000 червонцевъ, конечно заплатить изволь» [2])...

Такія постоянно тревожныя и неопредѣленныя отношенія съ Турціей, зависѣвшія главнымъ образомъ отъ количества, своевременности и соотвѣтственности лицу «дачъ и иждивеній», заставляли Петра и его посланника въ Константинополѣ прилагать всѣ усилія ума, дипломатическаго такта, хитрости и «золота» для поддержанія во главѣ турецкаго правительства лицъ, сочувствующихъ России. Но полагаться на одно такое обоюдоострое и всѣмъ доступное средство Петръ не могъ. Какъ въ первый годъ сѣверной войны, такъ и впослѣдствіи, когда Толстой доносилъ Петру, что съ нимъ начинаютъ поступать «суровѣйше», слухи о войнѣ съ Турціей и возможность ея были часто такъ близки и, казалось, неизбѣжны, что Петръ, несмотря на широкое развитіе операцій на сѣверѣ и даже на начало тамъ судостроенія и на выходъ въ море, не могъ не тревожиться, и все время дѣятельно готовилъ морскія силы юга на случай внезапнаго разрыва съ Турціей.

Еще въ началѣ 1700 года Петръ, отстранивъ за взятничество и зло-

---

[1]) Тамъ же, стр. 9.
[2]) Письма и бумаги Петра Великаго, томъ III, № 664.

употребленія адмиралтейца Протасьева и его помощниковъ, назначилъ на эту должность своего сверстника и друга по потѣшнымъ забавамъ, ближняго стольника Ѳ. М. Апраксина. Функціи Адмиралтейскаго Приказа при этомъ измѣнены не были, но сама дѣятельность адмиралтейца въ зависимости отъ довѣрія Царя постепенно расширялась и опредѣлялась новыми инструкціями и меморіалами.

Онъ получилъ даже права Морского Начальника въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Происходило это главнымъ образомъ отъ того, что адмиралъ Флота Головинъ хотя и состоялъ начальникомъ приказа Воинскаго Морского Флота (или какъ теперь его стали называть — приказомъ Воинскихъ Морскихъ Дѣлъ), вѣдавшаго, какъ выше указано, команднымъ составомъ флота и боевой его готовностью, но въ то же время онъ же былъ и начальникомъ Посольскаго приказа, Оружейной Палаты, Монетнаго Двора и Ямского приказа. Такая многообразная дѣятельность его, главнымъ же образомъ, его труды по веденію внѣшнихъ сношеній Россіи, по завѣдыванію внѣшней политикой, отнимали у него столько времени и вниманія, что для непосредственнаго завѣдыванія дѣлами флота у него не оставалосъ ни силъ, ни досуга. Вслѣдствіе этого военные чины флота—капитаны, даже шаутбенахтъ Резъ и вице-адмиралъ Крюйсъ, состоявшіе въ вѣдѣніи адмирала Головина, теперь временами ставились въ подчиненное Апраксину положеніе; онъ имъ давалъ порученія, предписанія для дѣйствій и даже выходилъ самъ въ море для изслѣдованія побережья, изысканія мѣстъ и постройки новой гавани и укрѣпленій (1702 г. плаваніе къ Долгой Косѣ для выбора мѣста устройства гавани и крѣпости у Калміуса).

Мелководье рѣки и наносы песку заставили Государя еще въ бытность въ Воронежѣ искать болѣе удобнаго и глубокаго мѣста для стоянки спущенныхъ судовъ во время вооруженія. Такое мѣсто было найдено при впаденіи Воронежа въ Донъ, называвшееся Устье. Сюда Государь, отъзжая изъ Воронежа, приказалъ приводить по возможности немедленно всѣ спущенныя суда и приказалъ здѣсь устроить гавань, поселокъ и склады и все мѣсто обнести валомъ и рвомъ.

«Меморіаломъ господину Адмиралтейцу» было предписано: «1) на Воронежѣ сколько возможно изготовя кораблей свести на Донъ, а подъ Таганрогъ тожъ учинить и Азовскимъ; 2) въ Азовѣ устья негодныя запереть, а кажется не хуже и всѣ кромѣ Кутюрминскаго; 3) кругомъ Бѣлосарайки осмотрѣть камню и готовить на ней и возить на Таганрогъ для лица, также испытать подлинно, возможно-ль внутрь сего мѣста войти кораблю, который бы шелъ 17 англійскихъ футовъ; а буде отъ натуры невозможно, возможно-ль тому баграми помочь, также и Долгую Косу еще осмотрѣть послать до самаго материка по обѣ стороны; 4) учинить 2 крюйсера ради опасенія и ученія людей, чтобъ непрестанно одинъ былъ въ морѣ, также и галеръ по возможности, а наипаче для ученія гребцовъ, что не скоро сдѣлается». [1])

[1]) Елагинъ. Исторія Русск. Флота. Періодъ Азовскій. Прилож., отд. IV, № 56, томъ I, стр. 483—484.

Весною 1703 года сынъ донского атамана Фрола Миняева привезъ Апраксину извѣстіе, что турки приступили къ работамъ по загражденію Керченскаго пролива и постройкѣ 3-хъ новыхъ крѣпостей. Апраксинъ, по приказанію Государя, послалъ туда подполковника Ивана Нестерова съ письмомъ къ мѣстному начальству съ требованіемъ объясненій. Прибывъ 6 августа въ Еникале, Нестеровъ увидѣлъ на якорѣ 17 галеръ и на берегу лагерь. Въ переговорахъ съ начальникомъ отряда Мухамедъ-пашой, Нестеровъ выяснилъ, что турки дѣйствительно строятъ крѣпость на берегу, а съ противоположной стороны на отмели съ глубины 3 хъ футъ до 12 футъ, погружаютъ камень поперекъ пролива для устройства на немъ укрѣпленія, командующаго фарватеромъ. Но работамъ этимъ не суждено было увѣнчаться успѣхомъ. Петръ, сильно безпокоившійся ходомъ этихъ работъ, неоднократно послѣ этого производилъ развѣдки и допрашивалъ «языковъ» о ходѣ работъ. Въ 1704 году были посланы снова въ Керченскій проливъ штурманъ Волгановъ, а осенью еще казакъ Сулинъ, доставившій свѣдѣнія, что осеннимъ ледоходомъ всѣ бревенчатые яіцики съ камнями были сбиты и разнесены по берегу.

Въ 1702 году Апраксинъ довелъ работы въ гавани въ Таганрогѣ до такого состоянія, что на зимовку 1702 — 1703 гг. туда перешли изъ Азова 10 кораблей, 2 галеры и яхта. Таганрогская гавань представляла изъ себя длинный прямоугольникъ, наибольшая сторона котораго, обращенная къ морю, простиралась до 488 саж.; посрединѣ находились ворота; изъ боковыхъ сторонъ, обращенная къ морю была длиною 189 саж., а другая—220 саж. Послѣдняя имѣла еще ворота, защищенныя бастіономъ, представлявшимъ малую гавань.

Кромѣ этого у Кутюрминскаго гирла были сдѣланы 2 «кастеля» на 12 пушекъ, да закончены работы по возведенію укрѣпленій въ Троицкомъ. Окончаніе къ осени всѣхъ этихъ оборонительныхъ работъ оказалось какъ нельзя болѣе кстати.

Пошли слухи о приготовленіяхъ Крымскаго хана съ Бѣлгородскою ордою и запорожцами къ нападенію на наши границы.

Надо было приготовляться къ оборонѣ края и главнымъ образомъ Воронежа съ его верфями, судами и магазинами. Гарнизонъ Воронежа былъ усиленъ присылкой полка изъ Острогожска и баталіона Преображенскаго и Семеновскаго полковъ изъ Москвы, что показываетъ на серьезныя мѣры, принимавшіяся Петромъ; вокругъ строившихся кораблей были устроены земляныя укрѣпленія. Въ Таганрогъ отправлены 284 орудія разныхъ калибровъ. Наконецъ, зимою тревога прошла, а въ февралѣ въ Воронежъ послѣ долгаго отсутствія прибылъ на нѣсколько недѣль Государь, но пробылъ очень недолго, вызванный снова на сѣверъ для продолженія военныхъ дѣйствій. (Взятіе Ніеншанца, морская побѣда въ устьяхъ Невы, основаніе Петербурга—выходъ въ море). Осмотрѣвъ строющіяся и ремонтирующіяся суда (состояніе послѣднихъ признано имъ было весьма печально: изъ 18 кумпанейскихъ судовъ только три признаны имъ были годными), Государь приказалъ заложить новыя 5 судовъ.

Строившіяся въ такомъ большомъ количествѣ суда Азовскаго флота или продолжали стоять по окончаніи постройки на стапеляхъ, или въ лучшихъ случаяхъ спускались на воду, чтобы дойти до Устья и тамъ, послѣ стоянки нѣсколькихъ лѣтъ у береговъ, вновь были поднятыми для тимберовки.

Наладившіяся въ эти годы стараніями Толстого отношенія съ Турціей не требовали активности отъ Азовскаго флота, и скорѣе напротивъ выходъ флота въ море, хотя бы для практики, обученія и испытанія, могъ бы только испортить миръ и уничтожить труды посланника.

Какъ указано было выше, въ эти трудные годы Петръ прилагалъ всѣ старанія, чтобы поддержать миръ съ Турціей. Во время разграничительныхъ работъ коммиссаровъ у Азова (въ сторонѣ къ Кубани) и на Днѣпрѣ, Петръ приказалъ принять въ Азовѣ турецкаго пашу и показать стоявшія на берегу и въ гавани суда старыхъ построекъ и пришедшіе въ негодность, не показывая только укрѣпленій Азова и Таганрога; посла, прибывшаго въ Россію съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ султана Ахмета III-го, Государь принялъ въ только что завоеванной Нарвѣ и приказалъ провести черезъ Петербургъ, чтобъ доказать, что всѣ усилія его направлены на сѣверную войну. И дѣйствительно сѣверная война и судостроеніе на сѣверѣ, если не отнимали денежныхъ средствъ отъ созданія Азовскаго флота, но зато отнимали, главнымъ образомъ, весь личный строевой составъ.

Одною изъ главныхъ причинъ, послѣ политической бездѣятельности Азовскаго флота, несмотря на огромныя траты на поддержаніе матеріальной части, было отстутствіе личнаго состава. Флотъ стоялъ въ гаваняхъ, на стапеляхъ, въ докахъ, гнилъ, вывѣтривался и умиралъ, не приступая къ плаванію изъ-за недостатка капитановъ, офицеровъ, штурмановъ и матросовъ.

Другою немаловажною причиною задержки развитія Азовскаго флота было мелководье Воронежа и Дона, проводка судовъ которыми требовала особаго вниманія и энергіи, а главное осторожности, но съ этимъ условіемъ, какъ природнымъ, были попытки бороться. Перекаты и наносы песку въ рѣкѣ расчищались, для этого даже строились машины. На рѣкѣ Воронежѣ строились инженеромъ Перри шлюзы, но въ концѣ-концовъ, когда работы эти были осмотрѣны Петромъ въ 1705 г., онъ убѣдился въ полной ихъ безполезности и пришелъ къ убѣжденію въ необходимости перенесенія судостроенія въ море. Особенныя затрудненія представляли спускъ и проводъ большихъ 60-ти, 70-ти и 80-ти пушечныхъ кораблей, постройка коихъ вызвалась необходимостью имѣть суда, способныя вступить въ бой съ турецкимъ корабельнымъ флотомъ. Для проводки ихъ въ Азовъ и въ Таганрогъ строились камели и лихтеры; спускъ ихъ былъ возможенъ лишь въ весеннее половодье, да и то не каждый годъ. Все это вмѣстѣ взятое заставило Петра заняться изысканіемъ новыхъ мѣстъ для верфей, такъ какъ ни Воронежъ, ни Устье имъ не удовлетворяли. Въ 1705 году было выбрано новое мѣсто строенія кораблей при впаденіи рѣки Тавровки въ Воронежъ, въ 3-хъ вер-

стахъ выше его устья, при чемъ въ возвышенномъ берегѣ было рѣшено по предложенію Перри выстроить рядъ сухихъ доковъ съ особыми воротами для впуска воды. Въ томъ же году работы эти, порученныя Петромъ Скляеву, были начаты подъ бдительнымъ надзоромъ самого Апраксина. Закладка предполагавшихся къ постройкѣ 10-ти новыхъ большихъ судовъ была отложена до окончанія Тавровскаго адмиралтейства.

Между тѣмъ, лѣтомъ 1706 года скончался внезапно адмиралъ флота Головинъ, и Государь приказалъ Апраксину принять въ свое завѣдываніе всѣ его дѣла, за исключеніемъ посольскихъ, которыя поручены были канцлеру Гаврилѣ Головкину.

Къ веснѣ 1707 года Петръ приказалъ Апраксину изготовить къ плаванію 20 кораблей, изъ коихъ нѣкоторые находились въ Азовѣ, изъ чего можно заключить, что въ планы Петра входила не только проводка судовъ Дономъ въ Азовъ. Для комплектованія флота были высланы даже вновь изъ Голландіи офицеры и матросы, но планамъ этимъ было не суждено осуществиться. Гродненская катастрофа, заставившая Августа II отказаться отъ союза съ Царемъ и Польскаго престола (по Альтранштендскому миру), на мѣсто котораго въ Польшѣ выбранъ былъ Станиславъ Лещинскій, упорный врагъ Петра, и доставившая Карлу XII возможность вторгнуться въ предѣлы Россіи, надолго отвлекла Петра отъ непосредственнаго участія въ Азовскихъ дѣлахъ. Усиленіе враждебностей при турецкомъ дворѣ и «суровѣйшее обращеніе» съ П. Толстымъ въ Константинополѣ заставили Петра распорядиться закладкой четырехъ новыхъ 80-ти пушечныхъ кораблей въ законченныхъ Тавровскихъ докахъ и даже предписать изготовить къ осеннему спуску на воду готовые корабли, но взявшій, наконецъ, вновь «поверхность» при Портѣ, Толстой успокоилъ Петра, и распоряженія о спускѣ судовъ были отмѣнены. Еще однажды только, до Полтавской побѣды, наступило оживленіе въ Азовскомъ флотѣ и Воронежѣ, когда на югѣ пронеслась гроза Булавинскаго бунта. Все остальное время флотъ продолжалъ стоять попрежнему на стапеляхъ до пріѣзда Государя въ 1709 году, когда, въ моментъ окончательной развязки борьбы съ Карломъ, въ случаѣ перемѣны дружественнаго отношенія Турціи, служба Азовскаго флота могла вновь понадобиться.

Въ этотъ пріѣздъ Петръ пришелъ къ правильному рѣшенію о выборѣ кораблестроительныхъ базъ; онъ окончательно утвердился въ мысли, что Таганрогъ — единственное мѣсто, годное для постройки большихъ судовъ. Приказавъ строить линейные корабли на берегу самой Таганрогской гавани, Петръ приказалъ остановить всѣ корабельныя и адмиралтейскія работы въ Воронежѣ и Тавровѣ, съ тѣмъ, чтобы перевести верфь вмѣстѣ съ начатыми кораблями въ Таганрогъ, а строеніе малыхъ судовъ и кораблей VI ранга назначилъ въ Осередѣ, при впаденіи рѣки того же имени въ Донъ, и назначилъ перенести туда Воронежское адмиралтейство. Однако, въ виду невозможности немедленно начать строеніе судовъ въ Осередѣ, до оборудованія здѣсь адмиралтейства, Государь приказалъ заложить этой же осенью 4-48 пуш. кораб-

ля въ Тавровѣ, съ углубленіями, не превышающими 13 футовъ; а затѣмъ прибавилъ еще къ постройкѣ тамъ же въ Тавровѣ и Воронежѣ 2 шнявы.

При осмотрѣ старыхъ судовъ, находящихся въ Азовѣ и Таганрогѣ, также какъ въ Воронежѣ и Тавровѣ, Государь призналъ почти всѣ кумпанейскія суда перваго и второго наряда негодными къ службѣ и приказалъ ихъ разобрать, оставивъ только для сохраненія, на память о плаваніи въ Константинополь, корабль «Крѣпость».

17 мая, почти за мѣсяцъ до Полтавской побѣды, Государь выѣхалъ къ дѣйствующей арміи, взявъ съ собою Скляева для передачи ему послѣднихъ распоряженій относительно азовскаго судостроенія.

Разнесшійся по всему міру громъ Полтавской побѣды, вернувшій Петру всѣхъ, покинувшихъ его, союзниковъ, въ одномъ только отношеніи доставилъ Петру тревогу—это за отношенія съ Турціей: Карлъ XII съ Мазепой съ поля битвы бѣжали въ Бендеры; преслѣдовавшій ихъ отрядъ князя Волконскаго ворвался въ Турцію. Для эксплоатаціи побѣды для возможности переброски военныхъ силъ въ отдаленные—сѣверный (Финляндскій) и западный (Балтійскій и Померанскій) театры, для принужденія Карла XII къ выгодному миру, необходимъ былъ еще на нѣсколько лѣтъ миръ съ Турціей. Петръ схватываетъ моментально своимъ геніемъ эту обстановку и тутъ же на полѣ битвы пишетъ полное любезности и дружелюбія письмо султану о побѣдахъ при Полтавѣ и Переволочнѣ съ увѣреніемъ въ неизмѣнномъ миролюбіи и желаніи ненарушимо соблюдать и впредь миръ съ Турціей [1]). Грамота пришла въ Константинополь какъ нельзя болѣе кстати. Могущество Россіи въ глазахъ Турціи стало страшно и опасно, въ особенности въ освѣщеніи находившагося въ Бендерахъ Карла XII. Эпилогъ битвы на Полтавскихъ поляхъ сталъ разыгрываться въ Царьградѣ, и Толстому вновь приходилось напрягать всѣ усилія, чтобы взять «поверхность». Въ этомъ отношеніи грамота Царя была для него большимъ подкрѣпленіемъ и онъ черезъ мѣсяцъ извѣстилъ Головина: «Зѣло пріемно султану и визирю оное дѣло ежели царское величество изволилъ прислать къ нимъ грамоты о подтвержденіи мира... Визирь желаетъ, когда мирные договоры будемъ подтвержать, чтобы время миру продолжить на нѣсколько лѣтъ, вящщеѣ опредѣленьехъ прежде 30-ти, а наипаче желаетъ, чтобъ учинить вѣчный миръ» [2]). Дальнѣйшая борьба Толстого съ враждебными вліяніями при Портѣ, однако, становилась все болѣе затруднительной и черезъ мѣсяцъ онъ уже доносилъ, что сомнѣвается въ миролюбіи Порты. Однимъ изъ главныхъ факторовъ, мѣшавшихъ успѣху дѣятельности Толстого, было требованіе Петра: удалить изъ предѣловъ Турціи Карла XII и Мазепу (Іуду).

Но Толстой, несмотря на превеликія трудности, успѣлъ и въ этомъ взять «верхъ». Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, опираясь на сочувствіе осторожнаго и склоннаго къ Россіи великаго визиря Али-паши, Толстой добился возобновленія договора съ Портой, а 3 января 1710 года сул-

---

[1]) Мышлаевскій. «Россія и Турція передъ Прутскимъ походомъ». Воен. Сб 1901 г. № 1, стр. 15.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

танъ торжественнымъ письмомъ самъ увѣдомилъ Петра о подтвержденіи 30-лѣтняго перемирія. Этотъ успѣхъ Толстого былъ настолько радостенъ для Петра, что онъ не зналъ мѣры своимъ наградамъ. Толстой былъ произведенъ сразу въ тайные совѣтники и даже курьеръ, привезшій грамоту, былъ награжденъ. Но слѣдующей своей побѣдой, и, какъ потомъ оказалось, послѣдней, Толстой еще больше поразилъ Петра. Ему уже грезился «миръ съ Швеціей при нѣсколько насильственной обстановкѣ» [1]). Въ январѣ Государь получилъ слѣдующее увѣдомленіе отъ Толстого: «О королѣ Шведскомъ опредѣлено сице, еже, онаго отпускаютъ изъ Бендеря только съ шведами, которыхъ не болѣе 100 человѣкъ; сопровождать короля будетъ 500 человѣкъ турокъ; на границѣ Польской они сдадутъ Карла русскому офицеру для дальнѣйшаго провожанія подъ нашимъ конвоемъ въ Швецію» [2]). Эти условія уже превышали всѣ ожиданія царя, это означало выдать Карла прямо въ руки Петру, который, захвативъ его въ плѣнъ, могъ диктовать какія угодно условія мира Швеціи. Получивши это извѣстіе, Петръ въ тотъ же день послалъ соотвѣтствующее наставленіе начальнику конницы на Польской границѣ, бригадиру Кропотову, какъ захватить Карла, но эта побѣда была столь невѣроятно велика, что все дѣло рушилось въ самый моментъ подписанія указа султаномъ. Сторонниками Карла при Портѣ, а главное французскимъ посломъ были пущены въ ходъ всѣ средства до обращенія къ султану и воздѣйствія на мать султана, и мѣра эта была отмѣнена.

Сочувствовавшій Россіи великій визирь Али-паша былъ смѣненъ, и побѣда Толстого была вырвана изъ рукъ.

Съ этого момента, когда во главѣ турецкаго правительства былъ поставленъ сторонникъ Карла XII, сначала нерѣшительный Нууманъ-Кепрели, а затѣмъ и энергичный и яростный проповѣдникъ войны съ Россіей Балтаджи-Мегметъ-паша, неизбѣжность русской войны стала неотвратима и всѣ усилія Толстого остались тщетными. 20 ноября 1710 года въ Константинополѣ состоялось объявленіе войны Россіи и вмѣстѣ съ этимъ «суровѣйшее» обращеніе съ посланникомъ заключилось заточеніемъ его въ семибашенный замокъ.

5. Вторая турецкая война [2]).

Уже съ августа мѣсяца 1710 г. къ Петру стали поступать совершенно опредѣленныя свѣдѣнія о подготовкѣ турокъ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Къ нимъ предполагалось привлечь и запорожскихъ казаковъ и Заднѣпровскую Малороссію, а отдѣльный отрядъ въ 70 тысячъ отправить моремъ къ Азову.

На Днѣпрѣ и противъ крымскихъ татаръ Петръ предполагалъ дѣйствовать оборонительно, а на Дону наступать отъ Азова къ Кубани.

---

[1]) Мышлаевскій. «Россія и Турція передъ Прутскимъ походомъ». Воен. Сб. 1901 г. № 1, стр. 21.

[2]) Дѣйствія въ этой войнѣ внѣ Азовскаго театра см. «Ист. Арміи и Флота», т. I, стр. 160 и дальше.

Относительно дѣйствій Азовскаго флота Петромъ были даны устныя наставленія Апраксину, свѣдѣнія о коихъ въ документахъ не сохранились, но изъ сопоставленія количества судовъ и состава флота, назначеннаго къ вооруженію съ указаніемъ, что сухимъ путемъ предписано наступать къ Кубани,—можно предположить съ достаточной достовѣрностью, что объектомъ операціи для флота была назначена такъ давно желанная Петру—Керчь.

Уже 1 января 1711 года Апраксинъ изъ Петербурга отправилъ первыя распоряженія о подготовкѣ флота къ вешней кампаніи, при чемъ было спѣшно приказано строить 50 казачьихъ судовъ. «Для Бога въ семъ дѣлѣ не извольте ослабѣвать», писалъ Апраксинъ своему помощнику Колычеву изъ Петербурга 1 января, «чтобы оныя лодки какъ наискорѣе были во всякой готовности, а не будуть, то конечно примите отъ царскаго величества не малый гнѣвъ» [1]. Въ то же время Колычеву было предписано заготовить морской провизіи на 6 мѣсяцевъ на 3000 человѣкъ. Въ началѣ февраля въ Воронежъ прибылъ вице-адмиралъ Крюйсъ для приготовленія флота, но онъ, получивъ извѣстіе, что крымскій ханъ вступилъ въ Украйну и угрожаетъ Воронежу, принужденъ былъ вооружить всѣхъ рабочихъ и жителей, прекратить всѣ работы, кромѣ крѣпостныхъ, и спѣшить съ перевозомъ адмиралтейскихъ запасовъ къ Тавровскимъ укрѣпленіямъ. 5 марта прибылъ, наконецъ, въ Воронежъ и адмиралъ Апраксинъ, когда получено уже было извѣстіе объ отходѣ обратно въ степь крымцевъ. При первомъ осмотрѣ флота Крюйсомъ было рѣшено, что можно вооружить къ кампаніи 19 кораблей, 3 бомбардирскихъ судна, 3 шнявы, 3 галеры и 3 брандера, но ближайшій осмотръ показалъ, что дѣйствительныя силы его значительно меньше. Для комплектованія вооружавшагося флота изъ Балтійскаго моря были присланы капитаны и офицеры, а недостатокъ матросовъ пополнялся почти на двѣ трети солдатами. Главныя боевыя единицы вооружавшагося флота—линейные 80-ти пушечные корабли (4), строившіеся въ Тавровѣ, благодаря особо несчастливому стеченію обстоятельствъ—низкой водѣ во время половодья—не были подняты со стапелей водой и остались на берегу.

Обстоятельство это привело въ полное отчаяніе Апраксина. Вмѣсто ожидавшагося изъ Таврова флота, были спущены въ Азовъ съ Крюйсомъ два старыхъ корабля съ ненастланными верхними палубами, 2 новыхъ шнявы, 6 скампавей (бригантины).

Эта неудача должна была совершенно измѣнить планъ кампаніи, но и въ данномъ случаѣ Государь оставилъ его на усмотрѣніе Апраксина. Въ концѣ апрѣля Крюйсъ прибылъ съ флотомъ въ Азовъ и немедленно отправился въ Таганрогъ для выхода съ флотомъ въ море. По инструкціи, данной ему Апраксинымъ, онъ долженъ былъ вооружить въ Таганрогѣ 5 или 6 годныхъ кораблей и сколь возможно мелкихъ судовъ и отправиться къ Керченскому проливу; въ случаѣ нахожденія тамъ турецкаго флота, крейсеровать для наблюденія за непріятелемъ между

[1] Елагинъ: Исторія Рус. Фл. пер. Азовскій, стр. 230.

Крымскимъ и Кубанскимъ берегами и посылать отряды казачьихъ лодокъ подъ прикрытіемъ мелкихъ судовъ для разоренія по берегамъ [1]. Однако и это предполагаемое плаваніе къ Керченскому проливу не состоялось. Отправленныя изъ Таврова суда собрались въ Таганрогѣ въ концѣ мая, при чемъ оба корабля были оставлены въ Азовѣ для достройки. Изъ находившихся въ Таганрогѣ судовъ, годными къ плаванію оказались только 4 корабля, 3 шнявы, 2 бригантины, 2 галеры и около 100 казачьихъ лодокъ и другихъ мелкихъ судовъ. Но и этотъ флотъ весь іюнь простоялъ въ гавани; только въ концѣ мѣсяца, по прибытіи Апраксина въ Таганрогъ, были посланы въ море двѣ бригантины для крейсерства въ сѣверо-восточной части Азовскаго моря до Бердянской Косы. 27 іюня былъ выведенъ въ море первый корабль «Предестинація», а вслѣдъ за нимъ корабль «Соединеніе» и шнява «Фалкъ».

Долго непоявлявшійся непріятель, наконецъ, 2 іюля показался въ виду Таганрога. Турецкій флотъ состоялъ изъ 18 кораблей, 14 галеръ и большого числа мелкихъ судовъ. 2 іюля онъ показался въ виду Таганрога, гнавшійся за двумя нашими крейсерами, но по неизвѣстнымъ причинамъ возвратился въ море. Въ виду наступленія такой силы турецкаго флота, русскія суда приготовились къ бою изъ гавани, но турецкій адмиралъ до 19 іюля не предпринялъ никакихъ дѣйствій и только въ этотъ день отправилъ къ Таганрогу 6 галеръ, которыя моментально пошли обратно къ флоту, какъ только изъ гавани сталъ выходить корабль «Соединеніе» и три шнявы. 22 іюля турки снова рѣшили дѣйствовать. Подойдя на 4 мили къ Таганрогской гавани, они начали свозить десантъ, но, встрѣченный отрядомъ казаковъ и двумя баталіонами пѣхоты при 4 орудіяхъ, десантъ бросился къ своимъ судамъ и возвратился къ флоту, который немедленно отошелъ отъ крѣпости. На другой день Апраксинъ предпринялъ даже попытку частичнаго нападенія, замѣтивъ отдѣлившуюся отъ флота небольшую часть непріятельскихъ мелкихъ судовъ. Въ погоню за ними были посланы 5 нашихъ крейсеровъ (бригантины и скампавеи), но движеніе непріятельскаго флота въ сторону отставшихъ судовъ заставило Апраксина вернуть высланныя въ море суда. 24 іюля утромъ непріятель скрылся совсѣмъ изъ вида и не появлялся въ теченіе недѣли, пока, наконецъ, 1 августа, подойдя на видъ крѣпости, не сообщилъ, что у него на флотѣ находится лицо, прибывшее изъ русской арміи съ извѣстіемъ о заключеніи мира. Прибывшій на другой день къ Апраксину генералъ-маіоръ Павловъ вручилъ Апраксину слѣдующій указъ Петра, подписанный 12 іюля у Прута:

«Понеже недопуская мы дальняго кровопролитія между войсками нашими и турецкими согласились черезъ сіятельнѣйшаго визиря Магометъ-пашу съ его султанскимъ величествомъ вѣчный миръ учинить; для довольства въ ономъ міру городъ Азовъ съ ихъ землями, которыя въ вышерѣченной области взгляды въ прошлой войнѣ, отдать, новопостроен-

[1] Елагинъ. Исторія Русск. Флота; Азовскій періодъ, стр. 2.

ные разорить, что повелѣваемъ вамъ учинить по силѣ учиненнаго трактата, съ котораго о сей матеріи вѣденіе къ вамъ посылаемъ» [1]).

Такимъ образомъ договоръ этотъ, вызванный критическимъ положеніемъ русской арміи на Прутѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ во много разъ превосходящимъ въ силѣ непріятелемъ, явился расплатой Петра за ошибки его какъ въ созданіи и организаціи Азовскаго флота, такъ и за преждевременное безрезультатное окончаніе первой турецкой войны, и за ошибки въ подготовкѣ къ кампаніи и выборѣ главнаго объекта операціи.

Предписавъ Апраксину сдачу Азова и всего завоеваннаго края, Петръ въ ближайшемъ времени прислалъ Апраксину подробныя инструкціи о порядкѣ производства этой сдачи: Азовъ предположено было отдать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ взятъ въ 1696 году, аТаганрогъ, какъ гавань, такъ и укрѣпленіе, а также и всѣ другія крѣпости по сѣверному берегу Азовскаго моря и на Дону совершенно разорить. Всѣ запасы и артиллерію перевезти въ Черкасскъ, а суда, находившіяся въ Азовѣ и Таганрогѣ, стараться продать туркамъ, за исключеніемъ трехъ «Предестинаціи», «Ластки» и «Шпаги», и въ случаѣ неудачи продажи всѣ сжечь. Корабль «Шпага» по ветхости и полной негодности къ службѣ былъ сожженъ Апраксинымъ, а вмѣсто него оставлены двѣ шнявы—«Лизетъ» и «Мункеръ». Эти 4 судна Государь предполагалъ провести въ Балтику, добившись отъ турокъ разрѣшенія прохода ихъ проливами, но и этого осуществить не удалось, и эти 4 судна были проданы туркамъ. Три корабля и до 20 мелкихъ судовъ были отведены въ Черкасскъ. Все вывезенное изъ этихъ городовъ имущество было сложено подъ Черкасскомъ въ 3-хъ верстахъ, гдѣ было устроено укрѣпленіе; жители Азова и Таганрога переведены въ Осереду, гдѣ впослѣдствіи былъ учрежденъ городъ, названный Павловскимъ. Сдачу Азова и Таганрога вслѣдствіе упорства Карла оставить Турцію и нежеланія Петра очистить Польшу—задержали до 1712 года, когда наконецъ 2 января Петръ предписалъ сдать Азовъ и взорвать Таганрогъ. Гарнизоны крѣпостей перешли при этомъ въ укрѣпленіе около Черкасска. Вмѣстѣ съ полученіемъ извѣстія о заключеніи Прутскаго договора, на Дону было прекращено все судостроеніе и стоявшія на стапеляхъ и въ докахъ суда остались доканчивать свое существованіе на мѣстахъ постройки. Личный составъ флота и всѣ корабельные и адмиралтейскіе мастера были отправлены на сѣверъ.

Судьбу погибшаго флота раздѣлили два лица, неразрывно связавшія свою жизнь съ Азовскимъ флотомъ и Азовомъ. Это были—англичанинъ командоръ Бекгамъ, съ 1699 г. до сдачи Азова завѣдывавшій портами Азова и Таганрога и всѣми судами въ нихъ находившимися, и губернаторъ—Иванъ Андреевичъ Толстой, братъ посла въ Константинополѣ,—первый изъ нихъ скончался съ началомъ очищенія Таганрога, а второй въ 1713 г. по окончаніи всѣхъ работъ по перевозкѣ имущества и устройствѣ укрѣпленія для защиты на новомъ мѣстѣ.

---

[1]) Елагинъ. Исторія Русск. Флота, Азовскій пер., стр. 238.

Прошло много лѣтъ, а суда, стоявшія на стапеляхъ, построенныя и не достроенныя, служили памятниками былой неудачи. Отъ этого позора отступленія и мукъ постепеннаго умиранія флота былъ избавленъ главный сотрудникъ Петра по созданію флота, адмиралъ Головинъ, такъ болѣвшій душой за состояніе флота и пророчески предсказавшій ему гибель въ письмѣ Мазепѣ отъ 11 іюля 1700 г.: «о хожденіи кораблей царскаго величества на Черное и Бѣлое море то Емельяну приказано просить при договорахъ, понеже сдѣланные корабли аще не будутъ того имѣти, то напрасно токмо согнить въ одномъ мѣстѣ принуждены будутъ»[1]).

6. Возвращеніе Петра къ южному морю по окончаніи Сѣверной войны.

Незадолго до своей смерти Петръ еще разъ вернулся къ вопросу о завладѣніи южнымъ моремъ.

Въ 1723 году, по окончаніи Сѣверной войны, когда послѣ утвержденія Россіи на берегахъ Каспійскаго моря въ отношеніи Турціи къ Россіи стало снова наблюдаться враждебное направленіе, Петромъ, въ цѣляхъ подготовки къ возможной новой войнѣ съ Турціей, снова изъ-за Азова и Азовскаго моря, было приказано построить въ Воронежѣ 15 прамовъ, 15 галеръ, 30 бригантинъ и 150 будъ для провіанта. Для выполненія этихъ работъ изъ Петербурга были командированы вице-адмиралъ Змаевичъ съ мастерами Скляевымъ и итальянцемъ Дипонтіемъ и 311 человѣкъ мастеровыхъ и 185 галерныхъ служителей. На расходы на первый случай было ассигновано 100 тысячъ рублей и разрѣшено брать припасы съ ближайшихъ желѣзныхъ заводовъ и адмиралтейскихъ магазиновъ. Всѣ суда приказано было изготовить къ 1-мъ числамъ марта 1724 г. Черезъ 12 лѣтъ затишья вновь въ Тавровѣ закипѣла жизнь, и свѣтъ Божій снова увидѣли лежавшія безъ употребленія корабельныя принадлежности. Начавши работы въ іюнѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе отсутствія рабочихъ людей, плотниковъ, изъ-за бездѣйствія воронежскаго губернатора Измайлова, не оказавшаго никакого содѣйствія дѣлу судостроенія, Змаевичъ только въ половинѣ сентября заложилъ всѣ галеры и 5 прамовъ, а въ ноябрѣ остальныя суда, и потому къ назначенному сроку закончить постройку судовъ не успѣлъ. Но наступившее успокоеніе въ отношеніяхъ Турціи не требовали уже больше поспѣшности постройки судовъ и потому они продолжали достраиваться въ теченіе всего лѣта 1724 года. 1 октября Змаевичъ былъ вызванъ обратно въ Петербургъ съ корабельными мастерами, а выстроенныя имъ суда ему предписано было сдать прибывшему на смѣну лейтенанту Росселіусу.

Въ февралѣ 1724 года послѣдовало сначала распоряженіе Сената о построеніи въ Кіевѣ 20 галеръ и 200 бударъ, а въ октябрѣ того же года это распоряженіе было измѣнено, при чемъ вмѣсто Кіева, суда приказано строить въ Брянскѣ и 5 прамовъ и 7 галеръ, а не 20 галеръ, какъ было указано раньше. Заготовка лѣса продолжалась весь 1724 годъ и въ такомъ видѣ ее застала смерть Монарха.

---

[1]) Елагинъ. Исторія Русск., Фл.; пер. Азовскій, прилож., т. I, отд. IV, № 37 стр. 467.

II. Выходъ Россіи къ сѣвернымъ морямъ. Великая Сѣверная война.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ.**

1. Переносъ борьбы за владѣніе выходомъ Россіи къ морю съ юга на сѣверъ.

Въ 1700 году передъ Петромъ Великимъ всталъ вопросъ, отъ удачнаго разрѣшенія котораго зависѣло ближайшее будущее Россіи: продолжать ли тяжелую борьбу съ Турціей за владѣніе выходомъ къ Черному морю или, выступивъ противъ Швеціи, добиваться выхода въ море Балтійское? Тщательная оцѣнка обоихъ возможныхъ рѣшеній вопроса привела Петра къ рѣшимости заключить миръ съ Турціей и весь еще неиспользованный запасъ государственныхъ силъ направить на борьбу съ шведами. Въ этомъ своемъ рѣшеніи Петръ въ значительной степени руководствовался новѣйшими теченіями политической мысли Западной Европы, съ которыми ознакомился во время своего заграничнаго путешествія.

Сѣверо-восточныя государства Западной Европы—Данія, Пруссія, Польша — давно уже испытывали тяжесть шведской гегемоніи на Балтійскомъ морѣ и не могли не сознавать, что привлеченіе на ихъ сторону Русскаго Царя, какъ сильнаго сосѣда Швеціи, давало бы имъ, при объединеніи въ союзъ и общемъ выступленіи противъ шведовъ, наибольшие шансы на успѣхъ. Предложенія, сдѣланныя Царю въ этомъ смыслѣ за границей и явившіяся контръ-предложеніями на попытки Петра склонить европейскія державы къ борьбѣ противъ Турціи, нашли въ русскомъ царѣ благодарную почву: цѣлью стремленій Петра было утвержденіе Россіи на берегахъ Чернаго и Балтійскаго морей, и война со Швеціей, переносившая борьбу за владѣніе выходомъ Россіи къ морю съ юга на сѣверъ, какъ представлявшаяся, по условіямъ того времени, болѣе успѣшной, этимъ стремленіямъ удовлетворяла. Петръ вступилъ въ союзъ съ Даніей и Польшей; боязнь же упустить благопріятный моментъ, который могъ болѣе никогда и не представиться, и уже начавшіяся со стороны Даніи и Польши военныя дѣйствія заставили Петра

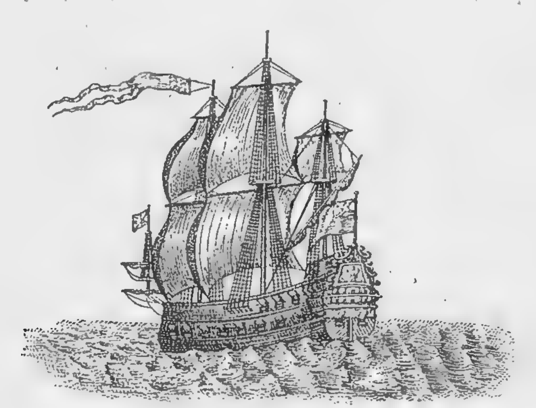
поторопиться. 18 августа 1700 года было торжественно отпраздновано заключенie мира съ Турцiей, а 19 августа Петръ объявилъ войну Швецiи.

Въ начавшейся борьбѣ каждая изъ трехъ союзныхъ державъ намѣчала свой театръ военныхъ дѣйствiй и вмѣстѣ съ тѣмъ желательную для себя добычу: Данiя—Голштинiю, Польша—Лифляндiю и Эстляндiю, Россiя — восточное и южное побережье Финскаго залива (Карелiю и Ижорскую землю).

Съ быстротою, которой отъ молодого шведскаго короля никто не ожидалъ, Карлъ XII, еще до вступленiя въ борьбу Петра, двумя ударами вывелъ двухъ изъ своихъ противниковъ, Данiю и Польшу, изъ строя и принудилъ ихъ отказаться отъ союза съ Россiей; и Петръ, оставшiйся въ одиночествѣ, получилъ жестокiй урокъ подъ Нарвой.

Упоенный своими успѣхами, Карлъ XII надолго ушелъ въ Польшу; противъ Россiи имъ былъ оставленъ только слабый заслонъ: 15-тысячный корпусъ подъ Юрьевымъ и 7-тысячный отрядъ въ Ингрiи. Для Петра явилась возможность не только залечить нанесенную Россiи рану, но и исподволь приготовиться къ наступленiю.

Однимъ изъ благодѣтельныхъ для насъ послѣдствiй Нарвскаго пораженiя было укрѣпленie въ Царѣ мысли о необходимости не только занятiя съ тыла шведскихъ приморскихъ пунктовъ нашими сухопутными войсками, но и созданiя на внутреннихъ водныхъ путяхъ такой силы, которая по мѣрѣ русскаго проникновенiя къ морю явилась бы достаточной для отпора шведамъ и на рѣкахъ, и на озерахъ, и, наконецъ, на морѣ.



28-пуш. карабль «Архангелъ Михаилъ» 1702 г.

2. Кампанiи 1700—1703 г.г. Военныя дѣйствiя въ Бѣломъ морѣ, на озерахъ Ладожскомъ, Чудскомъ и на Невѣ.

Въ январѣ 1701 года на рѣкахъ Волховѣ и Лугѣ, по приказанiю Петра, было приступлено къ постройкѣ 600 струговъ; были переписаны, кромѣ того, и приведены въ готовность къ весеннему плаванiю всѣ частные струги на озерахъ Чудскомъ, Онежскомъ и Ладожскомъ, на рѣкахъ Волховѣ, Свири и въ Тихвинѣ; въ то же время шла дѣятельная

Взятіе шведскихъ судовъ „Геданъ“ и „Астрильдъ“ 7 мая 1703 г. въ устьѣ Невы.
СЪ КАРТИНЫ БЛИНОВА ВЪ МУЗЕѢ МОРСКОГО КОРПУСА.

развѣдка о стратегическихъ путяхъ, ведущихъ къ Нотебургу и къ выходу Невою въ море. Назначеніемъ струговъ было служить транспортами для перевозки полковыхъ припасовъ при передвиженіяхъ войскъ.

Этимъ приготовленіямъ Петра шведы не придавали особаго значенія: они были слишкомъ увѣрены въ сохраненіи своего господства; для охраны же Невы и Ладожскаго озера они считали достаточнымъ держать у Нотебурга отрядъ изъ 8-ми небольшихъ судовъ, подъ командою вице-адмирала Нумерса. Гораздо большее значеніе въ первый годъ войны шведы придавали Архангельску, какъ русскому торговому порту, даже временное занятіе или блокада котораго могли существенно повліять на успѣхъ всей войны: Архангельскъ былъ единственнымъ пунктомъ, связывавшимъ Россію съ Западной Европой, откуда къ намъ привозились оружіе, порохъ, свинецъ и др. припасы и пріѣзжали иностранцы, вызванные Петромъ для участія въ войнѣ. Поэтому и экспедицію свою въ Бѣлое море противъ Архангельска шведы готовили въ большомъ секретѣ; но они обманулись въ расчетахъ на неподготовленность Архангельска.

Съ проницательностью, которая отличаетъ генія, Петръ заранѣе разгадалъ шведскіе планы, и приготовленія для отраженія въ Бѣломъ морѣ шведовъ были сдѣланы имъ еще въ 1700 году. Въ устьѣ Малой Двины была выстроена крѣпость, построены новыя батареи, учреждены сторожевые посты, заграждены Мурманское и Пудожское устья, заготовлены брандеры, построены и вооружены карбасы, у Кеми и Норвежской границы разставлена береговая охрана въ 300 человѣкъ, учрежденъ строгій контроль надъ промысловыми судами, сняты со своихъ обычныхъ пунктовъ лоцмана; отраженіе шведовъ возложено было на воеводу князя Прозоровскаго и епископа Афанасія, «съ общаго совѣту».

Ничего не зная объ этихъ приготовленіяхъ и весь успѣхъ своей экспедиціи разсчитывая на внезапность, шведы прибѣгли къ хитрости: отрядъ ихъ изъ 7-ми судовъ, вышедшій изъ Готенбурга подъ командой вице-адмирала Шеблата въ Архангельскъ, шелъ туда «тайнымъ воровскимъ обычаемъ»: по офиціальнымъ документамъ онъ направлялся къ Гренландіи, на китовые промыслы. «Воровскій обычай» сказался и въ томъ, что, придя 24 іюня 1701 года въ Березовское устье Двины, шведскія суда прикрылись англійскимъ и голландскимъ флагами, «якобы купецкіе люди». 25 іюня три шведскихъ судна (шнява и два гальота) отдѣлились отъ остальныхъ четырехъ и направились къ Архангельску. Лоцманами на нихъ шли Иванъ Рябовъ, служебникъ Николаевскаго Корельскаго монастыря, и переводчикъ Дмитрій Борисовъ, захваченные шведами на близъ лежащихъ островахъ. Оба они привели шведовъ туда, куда подсказывалъ имъ долгъ: прямо подъ выстрѣлы Новодвинской крѣпости, гдѣ и поставили шняву и одинъ гальотъ на мель. На Борисова и Рябова, конечно, обрушилось жестокое мщеніе шведовъ, которые по нимъ «единокупно изъ фузей стрѣляли»; Рябову, впрочемъ, который притворился мертвымъ, все-таки удалось спастись вплавь, Борисовъ же былъ убитъ. Шнява и гальотъ въ тотъ же день были потоплены огнемъ

нашихъ батарей и десанта, посаженнаго на карбасы, а остатки экипажа перебрались на уцѣлѣвшій гальотъ и ушли на немъ въ море. Эта неудача подъ Архангельскомъ заставила Шеблата отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній, и онъ, разоривъ по пути нѣсколько прибрежныхъ селеній, удалился изъ Бѣлаго моря.

Потопленные шнява и гальотъ были потомъ подняты, торжественно приведены къ Архангельску и оставлены для его защиты. Трофеями намъ достались пять флаговъ и 13 пушекъ.

Успѣшное отраженіе шведовъ отъ Архангельска не усыпило бдительности Петра, и дошедшія вскорѣ до него извѣстія о новомъ намѣреніи шведовъ разгромить Архангельскъ или блокировать его не застали Царя врасплохъ: онъ и самъ ждалъ, что шведы не ограничатся первой неудачной экспедиціей, а непремѣнно сдѣлаютъ вторичную попытку нанести намъ вредъ въ Бѣломъ морѣ. Новыя оборонительныя работы въ Архангельскѣ велись теперь подъ наблюденіемъ спеціально туда посланнаго вице-адмирала Крюйса.

Крюйсъ обратилъ особенное вниманіе на загражденіе Двины у Новодвинской крѣпости, для чего были устроены боны, и на усиленіе береговыхъ батарей. Въ апрѣлѣ 1702 года въ Архангельскъ отправился самъ Царь и пробылъ тамъ до августа, когда убѣдился, наконецъ, что шведы въ Архангельскъ не явятся.

Энергичныя приготовленія Петра къ оборонѣ Архангельска были вѣроятной причиной того, что шведскій флотъ ни въ 1702, ни въ послѣдующіе годы не рискнулъ появиться въ Бѣломъ морѣ, и свобода въ сообщеніяхъ Россіи черезъ Архангельскъ съ западными государствами была до самаго конца войны вполнѣ ограждена.

Петру же предстояла дѣятельность болѣе обширная—по военнымъ дѣйствіямъ на озерахъ.

Лѣто 1701 года, когда на Ладожскомъ озерѣ появились вновь построенные русскіе струги, прошло въ полномъ затишьѣ: адмиралъ Нумерсъ продолжалъ стоять у Нотебурга, только иногда высылая въ крейсерство отдѣльныя суда. Весною 1702 года онъ рѣшилъ болѣе активно проявить свою дѣятельность. Шведская эскадра стала чаще выходить изъ Нотебурга и производить нападенія на русскіе берега; наши гребныя суда, въ свою очередь, разоряли шведскія селенія. Первая встрѣча нашихъ судовъ съ эскадрою Нумерса произошла 15 іюня, когда шведы стояли у русскаго берега, въ устьѣ рѣки Вороны, на якоряхъ, а свезенныя на берегъ войска грабили русскія селенія. Подполковникъ Островской, командовавшій отрядомъ изъ 400 человѣкъ, посаженныхъ на карбасы и соймы, атаковалъ Нумерса и заставилъ его спѣшно отступить къ Нотебургу. 27 августа Нумерсъ потерпѣлъ второе и притомъ рѣшительное пораженіе: вся его эскадра изъ 8-ми судовъ была атакована подъ Кексгольмомъ во время штиля 30-ю карбасами подъ командой полковника Тыртова. Атака сопровождалась блестящимъ успѣхомъ: два шведскихъ судна были сожжены, одно потоплено и два взяты въ плѣнъ; потеря въ людяхъ у шведовъ была до 300 человѣкъ. Пора-

женіе подъ Кексгольмомъ положило конецъ всякой дѣятельности шведовъ въ Ладожскомъ озерѣ: Нумерсъ съ тремя уцѣлѣвшими судами поспѣшно ушелъ въ Выборгъ, и русскій гребной флотъ получилъ въ Ладожскомъ озерѣ полное господство; на очереди передъ нимъ стояло теперь овладѣніе Невою.

Въ томъ же 1702 году начались военныя дѣйствія на Чудскомъ озерѣ. Опасеніе появленія на немъ русскихъ судовъ заставило шведовъ обратить особенное вниманіе на проливъ, соединяющій Чудское озеро съ Псковскимъ; но значеніе этой позиціи было оцѣнено и нами, и для овладѣнія ею фельдмаршалъ Шереметевъ отправилъ въ маѣ на карбасахъ и судахъ полкъ подъ командой полковника Толбухина. Бой за овладѣніе проливомъ продолжался три дня, и въ результатѣ шведскій отрядъ изъ 5-ти судовъ подъ начальствомъ командора Лешерна принужденъ былъ отступить. Въ слѣдующемъ сраженіи съ Лешерномъ, происшедшемъ въ концѣ мая, отрядомъ карбасовъ Толбухина взято у шведовъ одно судно; съ оставшимися 4-мя судами Лешерну пришлось въ это лѣто еще два раза выдержать бой съ отрядомъ карбасовъ генерала Гулина,—и шведы потеряли еще два судна. Трудность плаванія на карбасахъ, а также и то, что съ покореніемъ Чудскаго озера Петръ не такъ спѣшилъ, какъ съ Ладожскимъ, открывавшимъ ему путь въ Неву, позволила шведскимъ судамъ продержаться въ Чудскомъ озерѣ еще кампанію 1703 года; въ маѣ же 1704 г., когда по плану дѣйствій Петръ призналъ это необходимымъ, съ шведскими силами на озерѣ было покончено: русскія войска заняли берега рѣки Амовжи у ея устья, а шведская эскадра командора Лешерна изъ 13 судовъ при первой же попыткѣ прорваться въ Чудское озеро была взята въ плѣнъ послѣ жаркаго боя съ нашими карбасами подъ командой генерала фонъ-Вердена; избѣгшая плѣна яхта «Каролусъ» была взорвана самими шведами. Это было концомъ шведскаго господства въ Чудскомъ озерѣ, и для Петра открывался еще большій просторъ для дѣйствій у Финскаго залива.

Но стремленіе къ Финскому заливу вынуждало Петра противопоставить шведамъ уже не только мелкія суда, какія строились нами раньше на озерахъ, а болѣе значительныя; и въ 1702 году постройка такихъ судовъ (фрегатовъ, шмаковъ, флейтъ и пр.) началась въ устьѣ рѣки Сяси на Ладожскомъ озерѣ и продолжалась вплоть до 1706 года.

Взятіе въ 1702 году Нотебурга и въ 1703 Ніеншанца приблизило Петра сначала къ Невѣ, а затѣмъ къ морю вплотную, и тѣ же майскіе дни 1703 года, въ которые палъ Ніеншанцъ, ознаменовались первою нашей морскою побѣдой въ устьѣ Невы.

28 апрѣля самъ Петръ съ 7-ю гвардейскими ротами на 60 лодкахъ прошелъ подъ огнемъ Ніеншанца и поставилъ три роты у устья Невы для наблюденія за непріятелемъ, который могъ показаться съ моря. Ждать пришлось недолго: 2 мая, на другой день послѣ паденія Ніеншанца, въ морѣ была замѣчена шведская эскадра изъ 9 судовъ, подъ флагомъ вице-адмирала. Это былъ тотъ же Нумерсъ. Не зная еще о паденіи крѣпости и получивъ отъ нея на свои условные выстрѣлы та-

кой же отвѣтъ, Нумерсъ спокойно расположился у устья. 5 мая два судна изъ его эскадры—гальотъ «Геданъ» и бригантина «Астрильдъ», имѣвшіе вмѣстѣ 15 пушекъ, вошли въ Неву и стали на якорь противъ нынѣшняго Екатерингофа. Петръ рѣшилъ не упускать благопріятнаго случая: назначенныя имъ для атаки 30 лодокъ раздѣлились на два отряда и скрылись подъ лѣсистыми берегами нынѣшняго Васильевскаго острова, выжидая удобнаго момента. На разсвѣтѣ 7-го числа, пользуясь туманнымъ небомъ и дождемъ, самъ Царь бросился съ лодками въ атаку. Громадное большинство лодокъ осталось позади, и въ атакѣ участвовало собственно не болѣе 8 лодокъ. Шведы, открывъ пушечный огонь, немедленно вступили подъ паруса и пытались лавировать къ своей эскадрѣ; вступилъ подъ паруса и Нумерсъ, стоявшій на взморьѣ; но, несмотря на отчаянное сопротивленіе шведовъ и ихъ истребительный огонь, сметавшій людей на нашихъ лодкахъ, оба судна были взяты на абордажъ, который велъ самъ Петръ. Шведы жестоко поплатились за сопротивленіе: изъ 77 человѣкъ экипажа обѣихъ судовъ 58 были переколоты, «понеже», какъ писалъ Петръ, «пардонъ зѣло поздно закричали».

Какъ взятіе Ніеншанца, такъ и эта побѣда на Невѣ уже черезъ нѣсколько дней были использованы Петромъ: 16 мая 1703 года на островѣ Янни-Сари (нынѣшняя Петропавловская крѣпость) было положено основаніе С.-Петербургу и крѣпости; этимъ осуществлялась завѣтная мечта Царя объ открытіи порта на Балтійскомъ морѣ. Желаніе Петра видѣть плоды своихъ трудовъ возможно скорѣе было настолько велико, что тотчасъ же по взятіи Ніеншанца онъ приказалъ объявит что шкиперу перваго иностраннаго торговаго корабля, пришедшаго въ Неву, будетъ выдана награда въ 500, второго въ 300 и третьяго въ 100 червонцевъ.

Удержаніе за собою только что основаннаго города требовало, кромѣ защиты его береговыми батареями, и защиты съ моря; поэтому съ основаніемъ Петербурга судостроительная дѣятельность особенно оживилась. На Олонецкую верфь, основанную въ февралѣ 1703 года Меншиковымъ, въ іюнѣ прибылъ Петръ и полтора мѣсяца неустанно работалъ на ней. Въ результатѣ тамъ было заложено 7 фрегатовъ, 5 шнявъ, 7 галеръ, 13 полугалеръ, 1 гальотъ и 13 бригантинъ. Въ командованіе однимъ изъ судовъ олонецкой постройки, спущеннымъ на воду въ концѣ августа, фрегатомъ «Штандартъ» на время перехода Ладожскимъ озеромъ въ Шлиссельбургъ (переименованный Петромъ изъ Нотебурга), вступилъ самъ Царь, проведшій вмѣстѣ со «Штандартомъ» еще 7 вновь построенныхъ судовъ.

Съ наступленія морозовъ, принудившихъ Нумерса удалиться отъ Невскаго устья, Петръ произвелъ у береговъ острова Котлина промѣръ и, оцѣнивъ значеніе острова какъ природнаго стража, ограждающаго владѣніе Невой, онъ немедленно рѣшилъ построить тамъ крѣпость. Въ концѣ 1704 года крѣпость, названная «Кроншлотомъ», съ 14-ю орудіями и батарея на самомъ Котлинѣ въ 60 орудій были уже готовы, и освя-

щеніе крѣпости, состоявшееся въ присутствіи Царя, сопровождалось трехдневными празднествами.

Первыя слова инструкціи, данной коменданту Кроншлота, были: „содержать сію цитадель, съ Божіею помощіей, аще случиться, хотя до послѣдняго человѣка". Съ огражденіемъ Невы Кроншлотомъ явилась возможность не ограничиваться постройкой судовъ, какъ было раньше, только на Ладожскомъ озерѣ, а начать строить суда въ новомъ, ближайшемъ къ морю мѣстѣ—С.-Петербургѣ. Здѣсь уже съ февраля 1704 года строились 34 бригантины; 5-го же ноября того же года было положено основаніе въ Петербургѣ адмиралтейства—на томъ же мѣстѣ, гдѣ Главное Адмиралтейство существуетъ и нынѣ. Постройка крупныхъ судовъ, однако, не производилась въ Петербургѣ до тѣхъ поръ, пока Петръ окончательно не утвердился въ Финскомъ заливѣ. Центромъ судостроенія являлась попрежнему Олонецкая верфь и, отчасти, верфи на рѣкахъ Сяси, Волховѣ, Лугѣ и въ Новой Ладогѣ.

Флейтъ «Патріархъ» 1704 г.

3. Кампаніи 1704—1710 г.г. Защита Котлина. Взятіе Выборга. Военныя дѣйствія въ Финскомъ заливѣ и въ Балтійскомъ морѣ.

Потеря всего теченія Невы, созданіе Петромъ Петербурга съ крѣпостью Кроншлотъ, Котлинскія батареи и усиливавшаяся русская судостроительная дѣятельность—все это для шведовъ было слишкомъ угрожающими событіями, вынуждавшими ихъ немедленно принять какія-либо мѣры противодѣйствія. Тяжесть предстоящей борьбы хорошо сознавалъ и Петръ, и онъ, несмотря на свои успѣхи склоненъ былъ даже къ миру, но упрямство Карла XII разстраивало всякія попытки въ этомъ смыслѣ, и вопросъ о мирѣ былъ оставленъ. Король шведскій слишкомъ переоцѣнивалъ свои силы: онъ находилъ, что справиться съ зарвавшимся, будто бы, Русскимъ Царемъ онъ всегда успѣетъ, и въ то же время старался играть роль чуть не спасителя Европы, указывая на то, что только ему одному суждено будетъ остановить стремленія Россіи къ морю, опасныя, будто бы, даже для англійской, датской и голландской морской торговли.

Считая, такимъ образомъ, отторженіе Россіи отъ моря только вопросомъ времени, свои первыя дѣйствія противъ насъ въ этомъ направленіи шведы повели очень вяло. Какъ попытка 8-тысячнаго корпуса Майделя овладѣть съ сухого пути полуразрушеннымъ Ніеншанцемъ, такъ и

одновременная (въ половинѣ іюня 1704 года) попытка вице-адмирала Депру овладѣть Кроншлотомъ—окончились для шведовъ неудачей.

Нашъ молодой флотъ, между тѣмъ, въ ту же кампанію 1704 года оказалъ поддержку войскамъ, осаждавшимъ Нарву. Безусловное господство шведскаго флота не смущало наши суда: держась южныхъ береговъ Финскаго залива, они все смѣлѣе ходили изъ Петербурга въ Нарву, доставляя туда боевые припасы и провіантъ. Нападенія мелкихъ шведскихъ судовъ успѣшно отбивались нашими конвойными, а при случаѣ шведскія суда даже съ берега брались въ плѣнъ. Такъ, 31 мая самъ Петръ взялъ у устья Нарвы двѣ сидѣвшія на мели шведскія шкуны съ экипажемъ въ 100 человѣкъ и большимъ количествомъ всякаго груза.

Плаванія нашихъ судовъ изъ Петербурга въ Нарву, какъ бы они въ общемъ ходѣ событій ни были малозначущи, доказывали все-таки наличіе такой русской морской силы, съ которой шведамъ приходилось уже считаться. Послѣдовавшія вскорѣ взятія Дерпта и Нарвы, явившіяся для Россіи новыми этапами къ выходу черезъ Прибалтійскій край къ морю, заставили, наконецъ, Карла XII обратить болѣе серьезное вниманіе на Котлинъ и устье Невы.

Въ 1705 году Петръ ждалъ прихода шведовъ и усиленно готовился къ предстоявшей кампаніи. Командованіе флотомъ и всѣми сухопутными силами, находившимися въ Кроншлотѣ и на Котлинѣ, было поручено вице-адмиралу Крюйсу. Приготовленія, сдѣланныя въ ожиданіи появленія непріятеля, заключались въ слѣдующемъ: фрегаты, числомъ 8, были поставлены въ линію полумѣсяца между Кроншлотомъ и вновь построенной на Котлинѣ батареей св. Іоанна; каждый изъ фланговъ линіи фрегатовъ прикрывался брандеромъ, двумя галерами и нѣсколькими бригантинами; впереди же фрегатовъ для защиты флота отъ шведскихъ брандеровъ, «смердящаго курева или взрывныхъ машинъ», поставлены были плавучія рогатки съ желѣзными спицами; вторую линію, позади фрегатовъ, составляли шнявы, и третью—бригантины и другія мелкія суда.

На разсвѣтѣ 4 іюня отъ высланныхъ Крюйсомъ въ море крейсеровъ было получено, наконецъ, извѣстіе о появленіи шведскаго флота. Карлъ XII рѣшилъ выслать значительныя силы, чтобы однимъ ударомъ ниспровергнуть все, созданное Петромъ. Шведская эскадра подъ начальствомъ адмирала Анкерштерна состояла изъ 7 кораблей (отъ 54-хъ до 64-хъ пушекъ на каждомъ), 6 фрегатовъ (28—36 пушекъ), двухъ шнявъ, 4 бомбардирскихъ судовъ (40 пушекъ), 2 брандеровъ и транспорта. Громадное превосходство шведскихъ силъ было несомнѣнно; противъ ихъ 850 орудій на нашихъ судахъ было только 280, да и то меньшаго калибра.

4 и 5 іюня шведы не предпринимали общихъ дѣйствій противъ нашего флота, а раздѣлились на отряды: 6 фрегатовъ подходиди къ Кроншлоту, но, встрѣченные нашими выстрѣлами, отошли къ старому мѣсту; другой отрядъ ходилъ къ южному берегу, гдѣ свезенный имъ десантъ разорилъ нѣсколько строеній; третій отрядъ, перейдя къ западному берегу Котлина, также пытался свезти десантъ, но былъ отбитъ

Толбухинымъ, потерявъ при этомъ 71 человѣка убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 5 офицеровъ. Днемъ 6-го числа Анкерштернъ, приблизившись со всей эскадрой къ нашимъ судамъ на пушечный выстрѣлъ, открылъ огонь по флоту и батареѣ св. Іоанна, но съ наступленіемъ сумерекъ отошелъ на старое мѣсто и слѣдующіе три дня не предпринималъ никакихъ дѣйствій.

10 іюня, наконецъ, шведская эскадра въ полномъ составѣ подошла въ 10 часовъ утра къ нащему флоту, стала на якорь, и открыла огонь, обративъ особенное вниманіе на фрегатъ «Дефамъ», на которомъ находился Крюйсъ, и на батарею св. Іоанна, которую Крюйсъ за время бездѣйствія Анкерштерна успѣлъ усилить новыми орудіями, потребованными имъ изъ Петербурга.

Въ результатѣ этотъ первый день атаки шведами нашего флота закончился для обѣихъ сторонъ ничѣмъ: изъ нашихъ судовъ пострадала только одна галера, на которой произошелъ взрывъ бочки съ патронами; потеря въ людяхъ состояла у насъ изъ 13 убитыхъ и 19 раненыхъ. Потери шведовъ были нѣсколько больше. На другой день Анкерштернъ со всѣмъ флотомъ перемѣнилъ мѣсто, ставъ значительно ближе къ Котлину. Шведы рѣшили исправить поврежденія и возобновить атаку нашего флота, которая по времени должна была совпасть съ движеніемъ войскъ генерала Майделя къ Петербургу съ сухого пути. Это движеніе, между прочимъ, заставило Крюйса отдѣлить часть своихъ силъ, правда, небольшую—двѣ шнявы и 10 бригантинъ—для содѣйствія нашимъ сухопутнымъ войскамъ при отраженіи Майделя, что и было выполнено въ ближайшіе дни: при подходѣ къ берегу Малой Невы Майдель былъ принужденъ отступить подъ огнемъ нашихъ батарей и присланныхъ Крюйсомъ судовъ.

Комендантъ Петропавловской крѣпости Брюсъ по отраженіи Майделя прибылъ 15 іюня къ Крюйсу, и адмиралъ тотчасъ же обѣщалъ ему показать, какъ шведскій адмиралъ окажетъ «решпектъ« русскому флагу. Увѣренность Крюйса въ этомъ «решпектѣ» была основана на приготовленіяхъ, сдѣланныхъ имъ за послѣдніе дни: въ ночь на 12-е число, когда Анкерштернъ съ эскадрой перешелъ къ Котлину, Крюйсъ построилъ на Котлинѣ, какъ разъ противъ корабля Анкерштерна, батарею, вооружилъ ее орудіями, доставленными изъ Петербурга, отлично замаскировалъ ее и ждалъ только удобнаго случая, чтобы ее использовать.

Черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ Брюса, послѣ оживленнаго обѣда на адмиральскомъ кораблѣ, Крюйсъ повезъ своего гостя на батарею св. Іоанна.

Погода была прекрасная, на морѣ—мертвый штиль. Съ батареи св. Іоанна открывалась вся шведская эскадра, стоявшая къ западу подъ Котлинскимъ берегомъ, «въ великой прохладѣ и увеселеніи, на литаврахъ и трубахъ довольно играя». По приказанію Крюйса грянули съ батареи св. Іоанна два выстрѣла, сбившіе надстройки на кормѣ адмиральскаго корабля, а по второму выстрѣлу открыла огонь и наша новая батарея, прямо въ упоръ по тому же адмиральскому кораблю. «Решпектъ», ока-

занный русскому флагу, былъ полный: шведы «стремглавъ», какъ писалъ Крюйсъ, спустили паруса, отданные для просушки; корабль Анкерштерна, спасаясь отъ выстрѣловъ, обрубилъ свой канатъ и былъ поспѣшно отбуксированъ шлюпками, посланными съ эскадры. Шведамъ были нанесены значительныя поврежденія, Крюйсъ торжествовалъ, — и Брюсъ «зело радостенъ и доволенъ былъ отъ таковой малой, однако-жъ благополучной акціи».

Театральная обстановка этой «акціи», самой по себѣ незначительной, служитъ прекраснымъ показателемъ той увѣренности въ себѣ и бодрости духа, граничащей почти съ юношескимъ проказничествомъ, какая была у адмирала нашего молодого флота: передъ Крюйсомъ была сильная шведская эскадра, первыя неудачи которой могли еще не давать основаній для сужденія о дальнѣйшемъ ея безсиліи, и этотъ вынужденный передъ русскимъ флагомъ «решпектъ» могъ быть широко учтенъ шведами въ случаѣ успѣха въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Ожидать этого было вполнѣ естественно, и Крюйсъ съ своей стороны серьезно готовился; изъ Петербурга были приведены три новыхъ судна, вооруженныхъ мортирами, передъ линіей нашихъ судовъ поставленъ новый рядъ желѣзныхъ рогатокъ. Къ 21 іюня Крюйсъ счелъ себя настолько усиленнымъ, что даже рѣшился перейти въ наступленіе.

Нашъ флотъ только что сталъ сниматься съ якоря, какъ шведская эскадра, поставивъ паруса, поспѣшно снялась и направилась въ море: «побѣжали, аки бы ихъ кто гналъ», писалъ Крюйсъ.

Это была новая, безкровная побѣда нашего флота. Вмѣсто боя непріятель предпочелъ удалиться въ Біоркэ, гдѣ, по свѣдѣніямъ Крюйса, при шведской эскадрѣ было собрано много мелкихъ судовъ и плотовъ. Бѣгство Анкерштерна Крюйсъ вновь использовалъ для укрѣпленія острова и Кроншлота и, кромѣ того, поставилъ по мелямъ для обмана шведовъ фальшивыя вѣхи.

Случайное обстоятельство вскорѣ раскрыло Крюйсу новый планъ непріятеля: между Котлиномъ и Финляндскимъ берегомъ 10 іюля были замѣчены два шведскіе бота, пришедшіе для промѣра глубинъ; Крюйсъ вывелъ изъ этого, что шведы намѣреваются явиться съ эскадрой и высадить десантъ у сѣвернаго берега Котлина. Адмиралъ приказалъ полкамъ Островскаго и Толбухина быть въ готовности для постройки новыхъ батерей на сѣверномъ берегу острова, а въ случаѣ попытокъ шведовъ къ свозу десанта открывать по нимъ огонь въ самый послѣдній моментъ, когда шведы будутъ у самаго берега или даже уже высадятся на берегъ.

Предположенія и приготовленія Крюйса вскорѣ же оправдались. Ночью 14 іюля подъ Финляндскимъ берегомъ показались 24 шведскихъ судна: это была эскадра Анкерштерна. Въ 5-мъ часу утра эскадра расположилась полумѣсяцемъ у сѣвернаго берега Котлина, и черезъ часъ начала обстрѣливаніе берега, продолжавшееся 5 часовъ, но не причинившее никакого вреда нашимъ полкамъ, укрывшимся въ заранѣе выбранныхъ мѣстахъ. Полагая, что послѣ обстрѣла берега исключена всякая

Гангутское сраженіе 27 іюля 1714 г.
СЪ ГРАВЮРЫ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

возможность присутствія поблизости русскихъ силъ, шведы въ полдень отправили съ эскадры шлюпки съ десантомъ къ берегу.

При подходѣ къ берегу шлюпки были встрѣчены такимъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ вышедшихъ изъ прикрытія нашихъ полковъ, что въ замѣшательствѣ шведы стали бросаться со шлюпокъ въ воду слишкомъ рано; большинство оказалось по горло, а то и съ головой въ водѣ; вернуться на шлюпки для многихъ было уже невозможно, много шлюпокъ было опрокинуто,—и въ этой сутолокѣ русскія ядра, картечь и пули жестоко поражали непріятеля.

Изъ воды, при преслѣдованіи шведовъ, нами было подобрано только 7 израненныхъ офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ; потеря же убитыми и утонувшими, по показаніямъ самихъ шведовъ, была у нихъ въ 560 человѣкъ и ранеными 114; наша потеря была въ 29 убитыхъ и 50 раненыхъ.

Послѣ такого жестокаго пораженія шведская эскадра, державшаяся у острова Котлина, не предпринимала противъ насъ никакихъ дѣйствій, а въ началѣ октября ушла.

Кампанія 1706 года прошла въ сравнительномъ спокойствіи: шведы не показывались съ большими силами передъ Котлиномъ.

Осенью 1706 года по возвращеніи Царя съ юга, было приступлено къ осадѣ Выборга. Петръ давно оцѣнилъ значеніе этого пункта, какъ шведской базы для дѣйствій противъ насъ у Котлина и Петербурга, но онъ слишкомъ поторопился и счелъ возможнымъ взять Выборгъ, дѣйствуя только съ сухого пути. Войска наши въ октябрѣ подступили къ Выборгу, но присутствіе подъ Выборгомъ эскадры адмирала Анкерштерна лишило насъ возможности доставлять моремъ осаждавшимъ Выборгъ войскамъ провіантъ и боевые припасы, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ,—и отъ осады Выборга пришлось временно отказаться.

Неудачная осада Выборга съ сухого пути ознаменовалась, однако, блестящимъ подвигомъ, совершеннымъ тамъ же, подъ Выборгомъ, въ морѣ. Это было взятіе нашими пятью лодками шведскаго 4-пушечнаго бота «Эспернъ», высланнаго Анкерштерномъ въ Выборгъ вмѣстѣ съ другимъ ботомъ для охраны купеческихъ судовъ. Наши же лодки были высланы ночью 12 октября изъ осаднаго лагеря на выборгское взморье для захвата, если возможно, какого-нибудь шведскаго торговаго судна при выходѣ его изъ Выборга въ море. Попавъ въ туманъ, лодки, имѣвшія всего 53 человѣка экипажа, наткнулись на ботъ «Эспернъ», имѣвшій экипажа 108 человѣкъ, немедленно бросились на абордажъ и послѣ недолгаго сопротивленія завладѣли ботомъ. Другой шведскій ботъ, шедшій вмѣстѣ съ «Эсперномъ», бросился на помощь, открывъ пушечный огонь, но былъ отбитъ и принужденъ отступить, а «Эспернъ» приведенъ былъ къ нашему лагерю. Шведы потеряли на «Эспернѣ» 80 нижнихъ чиновъ и всѣхъ пятерыхъ офицеровъ, изъ нашихъ же 53 человѣкъ убито 32, въ томъ числѣ двое изъ командовавшихъ лодками—сержантъ Щепотьевъ и бомбардиръ Дубасовъ, а изъ оставшихся 21 только четыре не были ранены.

Лѣто 1707 года также прошло безъ серьезныхъ столкновеній со шведами, стоявшими въ Біоркэ-Зундѣ и державшими только крейсерскіе отряды между Біоркэ и Котлиномъ для наблюденія за нами. Нашъ флотъ, стоявшій на рейдѣ Котлина подъ флагомъ Ѳ. М. Апраксина въ составѣ 11 фрегатовъ, 7 шнявъ, 7 галеръ, 2 бомбардирскихъ судовъ, 2 прамовъ, 6 брандеровъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, практиковался въ крейсерскихъ плаваніяхъ, производившихся небольшими отрядами, доходившими до о-ва Гогландъ.

Два раза въ теченіе этого лѣта, въ маѣ и августѣ, эти крейсерства (въ первомъ случаѣ капитана Даміани съ 9-ю бригантинами, во второмъ—шаутбенахта графа Боциса съ 14-ю бригантинами и скампавеями) сопровождались особымъ успѣхомъ. Даміани разорилъ шведскія селенія на островахъ, лежащихъ на пути къ Гогланду, а Боцисъ—въ Финскихъ шкерахъ вблизи Біоркэ, откуда онъ спустился къ Нарвѣ и южнымъ берегомъ вернулся къ Котлину. Въ сентябрѣ графъ Боцисъ ходилъ съ бригантинами въ Ладожское озеро, гдѣ въ теченіе двухъ недѣль оказывалъ содѣйствіе нашей арміи на корельскомъ берегу, разорилъ нѣсколько шведскихъ деревень и вернулся въ Петербургъ съ 90 плѣнными и военной добычей.

Въ самомъ началѣ кампаніи 1708 года, когда общая численность нашего флота, считая и мелкія суда, доходила до 70 судовъ, графомъ Боцисомъ совершенъ былъ удачный набѣгъ. 6 мая небольшой отрядъ изъ 16 скампавей и бригантинъ подъ его командой направился въ финляндскія шхеры, къ городу Борго. Десантъ, высаженный на берегъ, оттѣснилъ стоявшія подъ городомъ войска генерала Майделя, городъ былъ разоренъ и сожженъ; кромѣ того, Боцисомъ были разорены 15 близъ лежащихъ деревень и истреблены запасы войскового провіанта уничтожено 16 купеческихъ судовъ. 15-го мая Боцисъ вернулся къ Котлину, счастливо избѣжавъ встрѣчи со шведскимъ флотомъ.

Лѣтомъ 1708 года опредѣленно обозначился новый планъ шведовъ, разсчитанный на одновременность дѣйствія арміи и флота и угрожавшій Петербургу, Котлину и Кроншлоту. Отряды генераловъ Любекера и Штромберга, назначенные дѣйствовать первый со стороны Финляндіи, а второй—Эстляндіи, и эскадра изъ 22 судовъ адмирала Анкерштерна, появившаяся снова передъ Кроншлотомъ,—имѣли одну цѣль: нанести рѣшительный ударъ для уничтоженія всѣхъ успѣховъ русскаго оружія, доставившихъ Россіи устье Невы и выходъ въ море.

Осуществиться шведскому плану, однако, не удалось. Апраксинъ разбилъ Штромберга у Ракобора; Любекеръ же, избѣгавшій рѣшительнаго боя съ Апраксинымъ, принужденъ былъ, потерпѣвъ нѣсколько частичныхъ тяжелыхъ пораженій, а, отчасти, изъ-за начавшейся въ его отрядѣ голодовки, спасаться на прибывшую въ Копорскій заливъ эскадру Анкерштерна. Главныя силы нашего флота въ этихъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ занимали выжидательное положеніе, имѣя цѣлью оборону Петербурга и Котлина противъ Анкерштерна. Небольшіе же отряды бри-

гантинъ и скампавей участвовали совмѣстно съ сухопутными войсками для воспрепятствованія переправѣ шведскихъ войскъ черезъ Неву.

Въ 1709 году вся тяжесть борьбы съ Швеціей была перенесена на югъ, и день Полтавской побѣды—27-го іюня—явился днемъ окончательнаго закрѣпленія выхода Россіи въ море. Флоту предстояло теперь распространить русское владычество возможно дальше. Сейчасъ же послѣ Полтавы Петръ сдѣлалъ къ этому первые шаги—Апраксинъ получилъ приказаніе готовиться къ осадѣ Ревеля и Кексгольма (на Ладожскомъ озерѣ), въ ноябрѣ приступили къ осадѣ Риги, но затѣмъ было признано болѣе удобнымъ отложить эти дѣйствія до слѣдующаго года; подготовительныя же работы къ осадѣ Риги продолжались всю зиму, и для дѣйствій противъ города съ рѣки Двины нами строились на Двинѣ, у Полоцка, прамы и мелкія суда, и туда же, въ Полоцкъ, отправлены были на эти суда офицеры и матросы.

Эти свои дѣйствія Петръ согласовалъ съ планами на 1710 годъ Даніи и Польши, возобновившихъ послѣ Полтавской побѣды союзъ съ Россіей. Наиболѣе активныя дѣйствія по этому плану возлагались на Петра: онъ долженъ былъ начать военныя дѣйствія въ Финляндіи, Лифляндіи и Польшѣ, Данія обязалась сдѣлать высадку на ближайшія къ ней шведскія берега, а польскій король Августъ, находившійся въ Саксоніи, долженъ былъ сначала вернуть себѣ тронъ отъ Станислава Лещинскаго, ставленика короля Карла.

Военныя дѣйствіи 1710 года начались вторичной осадой Выборга. Петръ, наученный опытомъ неудачной осады 1706 года, рѣшилъ теперь использовать свой довольно многочисленный флотъ для подвоза моремъ боевыхъ припасовъ и продовольствія осаждающимъ войскамъ. Такъ какъ этотъ подвозъ можно было безнаказанно произвести только до появленія шведскаго флота, то походъ къ Выборгу былъ совершенъ въ самомъ началѣ весны, когда льды еще сковывали Финскій заливъ. Поэтому осадный корпусъ, которымъ командовалъ возведенный въ графское достоинство генералъ-адмиралъ Апраксинъ, уже 21 марта стоялъ подъ Выборгомъ, сдѣлавъ переходъ по льду моремъ.

1 апрѣля Апраксинъ началъ бомбардировать городъ изъ своихъ десяти 12-фунтовыхъ пушекъ и трехъ мортиръ и производить осадныя работы. Успѣхъ или неудача осады зависѣли теперь только отъ своевременнаго прибытія нашего флота — съ артиллеріей, порохомъ, снарядами и провіантомъ.

29 апрѣля флотъ нашъ — корабельный, транспортный и галерный—перешелъ изъ Петербурга къ Котлину. Вице-адмиралъ Крюйсъ держалъ флангъ на фрегатѣ «Олифантъ», шаутбенахтъ (контръ-адмиралъ) «Петръ Михайловъ» на построенной имъ же самимъ шнявѣ «Лизетъ»; шаутбенахтъ графъ Боцисъ — на галерномъ флотѣ. На слѣдующій день, когда высланныя на развѣдки къ Березовымъ островамъ двѣ шнявы вернулись съ извѣстіемъ объ отсутствіи непріятеля и о невозможности немедленнаго похода по состоянію льда въ шхерахъ, флотъ — болѣе 100 карбасовъ съ провіантомъ, 22 транспорта съ артиллеріей и боевыми

припасами и конвоировавшие ихъ 11 фрегатовъ, 8 шнявъ, большая часть галеръ и бригантинъ—все-таки вышелъ въ море и перешелъ къ Красной Горкѣ. Отсюда самъ Царь съ тремя шнявами вышелъ для обслѣдованія берега и отысканія свободнаго прохода между льдами. Всю ночь напролетъ при холодномъ вѣтрѣ Царь пробивался черезъ ледъ, разыскивая удобную стоянку для галеръ и нашелъ ее въ 6-ти миляхъ отъ Березовыхъ острововъ, куда и перешелъ съ галернымъ и транспортнымъ флотами Боцисъ. Петръ же вернулся въ Красной Горкѣ, оттуда съѣздилъ въ Петербургъ, а 5 мая снова былъ у Красной Горки и перевелъ корабельный флотъ къ мѣсту стоянки Боциса.

Утромъ 6 мая задулъ восточный вѣтеръ, понесшій въ море ледъ, а вмѣстѣ со льдомъ—почти весь галерный и транспортный флотъ; и Царю весь этотъ день и снова всю ночь напролетъ пришлось безъ устали работать по спасенію галеръ, карбасовъ и транспортовъ отъ грозившей имъ опасности быть раздавленными или унесенными льдомъ. Съ неимовѣрными усиліями Петру удалось спасти всѣ суда, кромѣ 4-хъ, раздавленныхъ льдомъ. Ледъ, наконецъ, пронесло, и всѣ наши суда очутились на чистой водѣ.

7 мая Крюйсъ съ корабельнымъ флотомъ сталъ на якорь у Березовыхъ острововъ, а 8-го Царь повелъ гребной флотъ къ Выборгу и поставилъ его подъ городомъ противъ нашего лагеря. Къ Царю немедленно явились обрадованные графъ Апраксинъ и генералы, заявившіе, что если бы флотъ запоздалъ прибытіемъ, то черезъ два дня войскамъ по недостатку провіанта пришлось бы ѣсть «не только что живыхъ, но и мертвыхъ лошадей, и потомъ со стыдомъ отъ города отступить». Утромъ слѣдующаго дня, къ великой радости нашихъ осаждающихъ войскъ, съ траспортовъ и карбасовъ началась выгрузка провіанта, боевыхъ припасовъ и артиллеріи, а 14 мая, съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, Царь съ корабельнымъ флотомъ и всѣми другими судами, кромѣ галеръ, оставленныхъ у Выборга, направился къ Котлину.

16 мая сильный шведскій флотъ подъ флагомъ адмирала Ватранга появился между Выборгомъ и Котлиномъ, но было уже поздно: русскія войска подъ Выборгомъ получили необходимую помощь, а слегка отставшія отъ корабельнаго флота наши гребныя суда вслѣдъ за нимъ подходили къ Котлниу.

Адмиралъ Ватрангъ счелъ за лучшее не предпринимать никакихъ дѣйствій ни для защиты Выборга, ни противъ Кроншлота, и до самаго своего ухода, въ половинѣ ноября, только крейсеровалъ въ Финскомъ заливѣ.

Съ прибытіемъ къ Апраксину артиллеріи и боевыхъ припасовъ осада Выборга пошла гораздо успѣшнѣе, и 13 іюля, на третій день по прибытіи сухимъ путемъ къ Выборгу Царя, Выборгъ былъ взятъ.

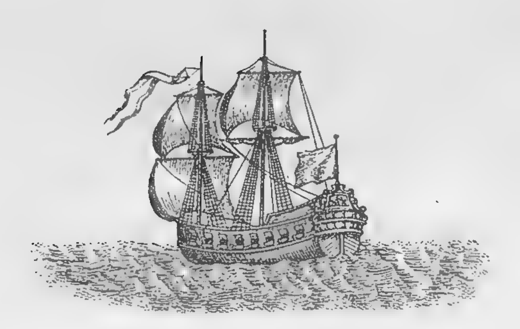
Это явилось новымъ этапомъ въ утвержденіи русскаго владычества на Балтійскомъ морѣ. По своему положенію Выборгъ былъ лучшей базой шведскаго флота для дѣйствій противъ насъ у Котлина; большое значеніе онъ имѣлъ и для сухопутныхъ операцій въ Финляндіи, Кареліи

и противъ Петербурга. Съ переходомъ Выборга въ наши руки русскій флотъ получалъ несравнимо большую свободу дѣйствій. Образъ дѣйствій царственнаго шаутбенахта при руководительствѣ имъ морскимъ походомъ къ Выборгу обличалъ въ немъ, кромѣ твердости и настойчивости, еще и высокія качества природнаго моряка, отважнаго, находчиваго и неутомимаго. Молодому нашему флоту этотъ походъ далъ возможность провѣрить себя на дѣлѣ, и удачное выполненіе данной ему задачи позволяло флоту не только воспользоваться выгодами взятія нашими войсками Выборга, но и имѣть на это неоспоримое нравственное право.

Почти одновременно—4 іюля—совершилось взятіе Шереметевымъ Риги, давшее России новый пунктъ Балтійскаго побережья. Участіе флота при этомъ выразилось въ дѣйствіяхъ построенныхъ на Двинѣ гребныхъ судовъ, не позволявшихъ приходившимъ съ моря шведскимъ судамъ оказывать помощь крѣпости. Соотвѣтственно съ заслугами моряковъ они, поэтому, при церемоніальномъ вступленіи нашихъ войскъ въ Ригу, шли впереди пѣхоты, непосредственно за гренадерами, вступавшими первыми, и артиллеристами.

Удары, нанесенные шведамъ въ Выборгѣ и Ригѣ, какъ эхо отозвались вскорѣ (съ 8 іюля по 29 сентября) паденіемъ Динамюнде, Пернова, Аренсбурга, острова Эзеля, Кексгольма и Ревеля. Кексгольмъ или Корела, «сія», по выраженію Петра, «праотечественная крѣпость», пала только тогда, когда Брюсъ послѣ первой неудачной попытки взять крѣпость получилъ осадную артиллерію, доставленную ему Ладожскимъ озеромъ на судахъ флота.

Въ томъ же 1710 году совершилось событіе, явившееся новымъ показателемъ возраставшаго значенія русскаго флота. Это былъ переходъ построенныхъ въ Архангельскѣ двухъ нашихъ фрегатовъ «Пророкъ Илія» и «Св. Петръ», изъ Архангельска въ Балтійское море. Фрегаты не только благополучно совершили переходъ океаномъ, но, высланные нашимъ посланникомъ, тотчасъ же по прибытіи ихъ въ Копенгагенъ, въ крейсерство въ Категатъ для нанесенія возможнаго вреда непріятелю, захватили въ датскихъ проливахъ два шведскихъ гальота съ грузомъ и заставили встрѣченную ими военную бригантину поспѣшно скрыться отъ насъ. Сѣверная Европа молчаливо отнеслась къ появленію въ ея водахъ русскаго военнаго флага, и дипломатическій корпусъ въ Петербургѣ, принявшій въ этомъ году приглашеніе Царя присутствовать на маневрахъ нашего флота, своимъ присутствіемъ на этихъ маневрахъ далъ русскимъ морскимъ силамъ свое офиціальное, быть можетъ, не совсѣмъ добровольное, признаніе.



4-пуш. шнява «Мункеръ» 1704 г.

4. Кампаніи 1711—1713 г.г. Шведскіе каперы. Операціи противъ Гельсингфорса. Соединеніе котлинской и ревельской эскадръ.

Новая война съ Турціей, возникшая въ ноябрѣ 1710 года и вызвавшая къ новой жизни Азовскій флотъ, отразилась на военныхъ дѣйствіяхъ въ 1711 году въ Балтійскомъ морѣ сравнительнымъ затишьемъ. Петръ и его ближайшіе сотрудники въ командованіи Балтійскимъ флотомъ, адмиралы графъ Апраксинъ и Крюйсъ, отправились на югъ; главное начальствованіе силами, дѣйствовавшими противъ Швеціи, перешло къ князю Меншикову, мѣсто Крюйса на корабельномъ флотѣ занялъ капитанъ Валрондъ, флотомъ галернымъ командовалъ попрежнему графъ Боцисъ.

Въ половинѣ апрѣля нашъ флотъ былъ уже на своихъ позиціяхъ—корабельный у Котлина, галерный въ Выборгѣ. До прихода шведскаго флота (19 іюня), отряды нашихъ судовъ совершили переходы къ Выборгу и обратно, подвозя въ Выборгъ провіантъ для гарнизона и доставляя изъ Выборга въ Петербургъ артиллерію и мѣдь, взятую нами въ крѣпости. Въ одно изъ такихъ плаваній, когда въ Выборгъ шелъ отрядъ бригантинъ, нашимъ бригантинамъ пришлось выдержать сраженіе съ 16-тью шведскими лодками, закончившееся отступленіемъ шведовъ.

Шведскій флотъ, явившійся въ этомъ году подъ флагомъ вице-адмирала Эренсфельда (5 кораблей, 3 шнявы, 5 пакетботовъ, значительное число мелкихъ судовъ), занялъ наблюдательный постъ у острова Гариволдая и, держа въ постоянномъ крейсерствѣ нѣсколько судовъ, старался не допустить морского сообщенія между Котлиномъ и Выборгомъ и прихода купеческихъ судовъ къ нашимъ портамъ—Ревелю и Ригѣ. Въ этомъ году, вообще, шведы обратили особенное вниманіе на нашу, начинавшую уже развиваться, морскую торговлю, и не столько дѣйствіями своего флота, сколько бумажными мѣрами старались пресѣчь эту торговлю въ самомъ зародышѣ. Такъ, была сдѣлана попытка къ объявленію Ревеля и Риги въ блокадѣ, были учреждены каперскіе отряды для захвата всѣхъ судовъ, слѣдовавшихъ въ русскіе порты, велась долгая переписка съ морскими державами о необходимости остановить успѣхи Россіи въ морской торговлѣ. У Швеціи была, конечно, понятная причина для этихъ дѣйствій: едва ли не большую часть грузовъ,

привозившихся моремъ въ Россію, составляли въ томъ или другомъ видѣ военные припасы, увеличивавшіе боеспособность Россіи въ борьбѣ съ Швеціей; но другія державы, заинтересованныя въ пользу Россіи матеріально, съ этимъ не считались, и Голландія, напримѣръ, даже заявила Швеціи протестъ противъ ея дѣйствій. Съ нашей же стороны на случайные захваты судовъ шведами отвѣчалось тѣмъ же. Въ то время, какъ дѣйствія шведскихъ каперовъ не отличались особой успѣшностью, наши архангельскіе фрегаты, базируясь на Копенгагенъ, захватили въ этомъ году въ Категатѣ и Нѣмецкомъ морѣ одно каперское и нѣсколько купеческихъ шведскихъ судовъ, шедшихъ съ полнымъ грузомъ въ шведскіе порты.

Яркимъ же примѣромъ недѣйствительности объявленной шведами блокады можетъ служить «чудесный», какъ о немъ выразился Петръ, случай съ княземъ Долгоруковымъ. Попавшій въ шведскій плѣнъ, князь, вмѣстѣ съ 43 русскими плѣнными, въ то время, какъ шведы перевозили ихъ на шкунѣ въ Ботническій заливъ, напалъ на экипажъ шкуны, овладѣлъ судномъ и привелъ его въ Ревель. Сохранилась трогательная подробность объ этомъ подвигѣ: нападеніе на шведовъ было сдѣлано, по предварительному уговору между плѣнными, во время пѣнія молитвы при словахъ «дерзайте убо людіе».

Этими незначительными эпизодами почти и ограничились военныя дѣйствія въ 1711 году; къ осени, при первыхъ морозахъ, корабельный флотъ перешелъ, какъ всегда, въ Петербургъ; вскорѣ ушла и шведская эскадра.

1712 годъ наступалъ для Россіи въ тяжелой обстановкѣ. Еще продолжалась ликвидація неудачной турецкой войны, требовавшая присутствія нашихъ войскъ на югѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось быть наготовѣ къ новымъ дѣйствіямъ шведовъ, на близость которыхъ указывали подозрительныя передвиженія ихъ войскъ. Чтобы заставить ихъ разбросать свои силы по разнымъ театрамъ, Петръ задумалъ походъ на Финляндію, совпадавшій по времени съ дѣйствіями нашихъ и союзныхъ намъ войскъ въ Помераніи. По этому плану нашему флоту предстояла задача способствовать движенію арміи къ Гельсингфорсу и даже, если возможно, къ Або. Корабельный флотъ по своей малочисленности сравнительно съ шведскимъ не могъ еще рисковать далекимъ походомъ въ море; кромѣ того, онъ былъ испытанной защитой противъ покушеній шведовъ на Котлинъ; поэтому содѣйствіе арміи было возложено на флотъ галерный, доведенный уже до внушительнаго числа судовъ, для которыхъ шхеры являлись хорошимъ прикрытіемъ отъ шведскаго корабельнаго флота.

Походъ въ Финляндію въ этомъ году, однако, не удался. Графъ Апраксинъ выступилъ съ арміей изъ Выборга 15 августа, 28-го прибылъ къ Вегелаксу, куда пришли и бригантины графа Боциса, разорилъ и сжегъ всѣ попадавшіяся по пути селенія, но этимъ и пришлось ограничиться: впереди предстоялъ переходъ черезъ рѣку Ярви-Коску, а мосты черезъ нее были уничтожены отступившими шведами, сильно

укрѣпившимися вновь построенными на противоположномъ берегу батареями. Бригантинъ и судовъ, доставившихъ нашей арміи провіантъ, было слишкомъ мало, чтобы сдѣлать обходъ непріятеля шхерами, и Апраксинъ рѣшилъ вернуться въ Выборгъ, предварительно предавъ огню Вегелаксъ.

Эта неудача, причиной которой Петръ справедливо считалъ малочисленность сопровождавшихъ армію судовъ, не повліяла на дѣйствія на морѣ, которыя дали нашему галерному флоту много цѣнныхъ призовъ. Шведская эскадра вице-адмирала Ватранга изъ 15 судовъ (9 кораблей, 2 фрегата, 4 шнявы), занявшая въ это лѣто наблюдательные пункты у Біоркэ, Ревеля и Кашпервика, не могла, все-таки, пресѣчь дѣятельность нашихъ отрядовъ, пользовавшихся каждымъ удобнымъ случаемъ для захвата непріятельскихъ судовъ. Нашими судами въ этомъ году были взяты съ бою въ шхерахъ шнява, 3 бота (одинъ вице-адмиральскій, другой контръ-адмиральскій, третій почтовый) и захвачено купеческое судно съ полнымъ грузомъ разныхъ товаровъ.

Фрегаты архангельской постройки продолжали свои крейсерства у Скагена и береговъ Помераніи, совмѣстно съ датскимъ флотомъ. Наши фрегаты и датскій флотъ въ августѣ удостоились посѣщенія Петра. Царь былъ торжественно встрѣченъ генералъ-адмираломъ датскаго флота и, въ знакъ особаго вниманія къ нему, датскій король отдалъ приказъ о подчиненіи датскаго флота Русскому Царю. За свое кратковременное командованіе датскимъ флотомъ Петръ не только пировалъ на адмиральскомъ кораблѣ, но въ сильнѣйшій штормъ выходилъ въ море (на 120 пушечномъ кораблѣ вице-адмирала Рица) и отправилъ 3 нашихъ и 2 датскихъ фрегата подъ командой нашего капитана Рейса для захвата купеческихъ судовъ съ грузомъ хлѣба. Приказаніе Царя было успѣшно выполнено, и 5 голландскихъ судовъ съ полнымъ грузомъ хлѣба были приведены Рейсомъ послѣ удачнаго крейсерства; хлѣбъ отправили въ дѣйствующую въ Померанціи армію, гдѣ ощущался недостатокъ въ провіантѣ. Вскорѣ послѣ этой экспедиціи Рейсъ получилъ повелѣніе прибыть съ нашими фрегатами въ Россію и въ началѣ сентября прибылъ на зимовку въ Ригу съ двумя фрегатами, третій же («Св. Илія») потерпѣлъ крушеніе. На пустующихъ архангельскихъ верфяхъ въ этомъ же году были заложены три новыхъ большихъ корабля.

Наступалъ 1713 годъ, и Петръ снова обратился къ своему плану похода въ Финляндію.

Какъ первая неудачная осада Выборга, такъ и первый походъ въ Финляндію въ 1712 года ясно показали, что безъ наличія достаточнаго флота операціи арміи противъ Финляндіи обречены на неуспѣхъ. Поэтому еще съ зимы 1713 года у насъ возобновилось усиленное судостроеніе: въ Петербургѣ, на Ижорѣ и Лугѣ строились для галернаго флота 3 прама, 50 полугалеръ, 32 бригантины и 50 большихъ лодокъ. Усиленіе же корабельнаго флота постройкой на нашихъ верфяхъ не могло идти такъ быстро: лѣтомъ 1713 года въ Петербургѣ былъ спущенъ на воду только одинъ корабль «Полтава». Съ особымъ нетерпѣніемъ Петръ ждалъ те-

Гангутское сраженіе 27 іюля 1714 г.
СЪ КАРТИНЫ ВЪ МОРСКОМЪ МУЗЕѢ ИМЕНИ ИМПЕР. ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

перь скорѣйшаго прихода къ Котлину судовъ, купленныхъ за границей нашими спеціальными агентами, посланными туда—въ Голландію, Францію, Англію—еще въ 1711 году. Первымъ изъ этихъ судовъ былъ фрегатъ «Самсонъ», пришедшій къ Котлину въ 1711 году; затѣмъ послѣдовалъ второй фрегатъ, пришедшій въ Ревель въ 1712 году, и, наконецъ, въ мартѣ 1713 года въ Ревель прибыли еще три корабля. Плаванія этихъ судовъ въ Россію сопровождались необычайными трудностями и хитростями, во избѣжаніе захвата ихъ шведскимъ флотомъ.

Вновь построенныя и купленныя за границей суда настолько увеличили силы нашего флота, что теперь Петръ считалъ уже возможнымъ начать новый походъ въ Финляндію.

Выступленіе въ походъ было сдѣлано въ Петербургѣ. 26 апрѣля изъ Петербурга къ Котлину двинулся нашъ галерный флотъ, имѣвшій на себѣ свыше 16 тысячъ человѣкъ десанта: 2 прама, 2 гальота, 3 полугалеры, 60 скампавей, 30 бригантинъ, 60 карбасовъ и 50 большихъ лодокъ. Авангардъ галернаго флота велъ шаутбенахтъ «Петръ Михайловъ», котораго сопровождалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, кордебаталію—генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, арріергардъ—шаутбенахтъ графъ Боцисъ. Противные вѣтры задержали флотъ у Котлина на нѣсколько дней, а 2 мая оба флота, корабельный (корабли «Полтава», на который перешелъ Царь, «Выборгъ», «Рига» подъ флагомъ Крюйса, «Перновъ», фрегаты «Самсонъ» и «Штандартъ», бомбардирскій корабль и двѣ шнявы) и галерный, направились въ море. 3 мая они были у Березовыхъ острововъ, и корабельный флотъ остался здѣсь для крейсерства между Сескаремъ и Березовыми островами, а галерный, на который снова перешелъ Петръ, отправился шхерами дальше и 8 мая уже подходилъ къ Гельсингфорсу.

Два слѣдующіе дня ушли на расположеніе флота по диспозиціи, назначенной у самаго города, и приготовленія къ высадкѣ десанта. Съ вечера 10 мая съ флота по батареямъ и городу былъ открытъ огонь, продолжавшійся всю ночь, на который шведы отвѣчали изъ своихъ батарей. Къ разсвѣту выяснилось, что шведскія войска (два пѣхотныхъ полка и отрядъ кавалеріи) поспѣшно отступаютъ изъ объятаго пламенемъ Гельсингфорса: шведскій генералъ Армфельдъ, застигнутый этимъ нападеніемъ врасплохъ, не счелъ возможнымъ защищаться и ушелъ въ Борго, къ главнымъ силамъ генерала Любекера. Высаженному на берегъ нашему десанту осталось только взять доставшіеся намъ трофеи—пушки и боевые припасы; отрядъ скампавей, кромѣ того, еще наканунѣ взялъ подъ непріятельскимъ огнемъ купеческое судно, принадлежашее городу Любеку. Гельсингфорсъ наполовину выгорѣлъ отъ пожаровъ, произведенныхъ нашимъ огнемъ, и отъ сожженія самими шведами запасовъ провіанта.

Петръ, во время боя лично командовавшій авангардомъ, рѣшилъ немедленно по овладѣніи Гельсингфорсомъ преслѣдовать шведовъ и выбить ихъ изъ Борго. Оставивъ Гельсингфорсъ, галерный флотъ съ десантомъ снова двинулся шхерами, и 14 мая занялъ Борго, также

оставленный—но безъ сожженія—непріятелемъ при подходѣ нашемъ съ моря.

Легкость, съ какою Петру удалось заставить шведовъ отступить отъ Гельсингфорса и Борго, обѣщала успѣхъ и въ дальнѣйшемъ—въ предположенномъ Петромъ занятіи Або. Стратегическія условія—выгодное положеніе въ Ботническомъ заливѣ, сравнительная близость шведской столицы, экспортный портъ для снабженія Швеціи съѣстными припасами изъ Финляндіи—придавали Або значительную цѣнность. Но Петръ считалъ рискованнымъ продвигаться дальше, не имѣя въ тылу обезпеченной базы для флота и для запасовъ провіанта для арміи. Выборгъ для этой цѣли былъ слишкомъ отдаленъ, и выборъ Петра послѣ произведенной имъ лично развѣдки палъ на бухту у острова Форсбина, верстахъ въ 30 отъ Борго. Сюда изъ Борго прибылъ галерный флотъ съ 3000 ч. десанта, и въ концѣ мая было приступлено къ постройкѣ укрѣпленій и устройству провіантскихъ складовъ.

Въ эти же майскіе дни отрядомъ галернаго флота совершено было удачное дѣло, доставившее, однако, Петру впослѣдствіи много хлопотъ. Это было сожженіе, по ошибкѣ, 5 большихъ купеческихъ голландскихъ судовъ. Ошибка произошла изъ-за сообщенія развѣдчиковъ о томъ, что на другой день по уходѣ нашемъ изъ Гельсингфорса туда пришла шведская эскадра изъ 10 судовъ въ сопровожденіи 5 транспортовъ, которые и были приняты нами за провіантскія суда. Нашъ отрядъ изъ 19 мелкихъ судовъ, посланный ночью для истребленія этихъ транспортовъ, блестяще выполнилъ на виду у шведской эскадры свою задачу и сжегъ, предварительно снявъ людей, всѣ пять судовъ. Вскорѣ же выяснилось, что эти суда были не шведскія, а голландскія, и Петру пришлось вести долгую переписку объ удовлетвореніи ихъ собственниковъ.

Во время пребыванія у Форсбина на военныхъ совѣтахъ окончательно выяснилась необходимость, прежде движенія къ Або, занятія оставленнаго нами Гельсингфорса: полусожженный, полуразрушенный, онъ все еще продолжалъ служить базой для стоявшей тамъ шведской эскадры. По плану Петра о взятіи Гельсингфорса, которое предполагалось около 10 іюля, и нашему корабельному флоту предстояла въ этомъ дѣлѣ своя задача: явиться къ Гельсингфорсу одновременно съ подходомъ сухопутныхъ войскъ и закрыть выходъ съ рейда въ море непріятельской эскадрѣ. Крюйсъ уже былъ готовъ къ походу, но полученное въ началѣ іюля извѣстіе изъ Ревеля о приходѣ туда новыхъ трехъ кораблей и двухъ фрегатовъ, купленныхъ за границей, заставило отказаться отъ участія флота въ дѣйствіяхъ противъ Гельсингфорса и добиваться осуществленія новой задачи: соединенія котлинскаго корабельнаго флота съ судами, стоявшими въ Ревелѣ. Возможность встрѣчи со шведской эскадрой въ морѣ до соединенія дѣлала это предпріятіе очень смѣлымъ и рискованнымъ, и Царь, нарочно прибывшій къ Котлину, какъ ни горѣлъ желаніемъ идти въ Ревель, но долженъ былъ, какъ шаутбенахтъ, уступить настоянію оберегавшаго его вице-адмирала Крюйса и остаться на берегу.

9 іюля Крюйсъ вышелъ съ флотомъ въ море (корабли «Полтава», «Рига», «Выборгъ», «Св. Антоній», «Рандольфъ», «Перновъ», «Эсперансъ», фрегаты «Самсонъ», «Св. Павелъ», «Св. Петръ», «Св. Яковъ», шнявы «Наталья» и «Діана»). На слѣдующій день съ кораблей - развѣдчиковъ, когда они подходили къ о. Соммерсу, часа въ 4 дня дано было знать о появленіи трехъ непріятельскихъ судовъ, съ востока отъ Гогланда. Адмиралъ немедленно бросился въ погоню, но, пройдя Гогландъ, флотъ заштилѣлъ и только раннимъ утромъ 11 числа, когда задувшій вѣтеръ позволилъ нести всѣ паруса, Крюйсъ догналъ шведовъ (корабли «Эзель», «Эстландъ» и «Верденъ»), и въ 5 часовъ утра передовые наши корабли «Выборгъ» и «Св. Антоній» открыли по непріятелю огонь. Шведамъ грозило неминуемое пораженіе, если бы не два неудачныя для насъ обстоятельства, давшія имъ счастливую возможность спастись бѣгствомъ. Первое — это то, что въ пылу погони корабль «Выборгъ», а за нимъ «Рига» и «Эсперансъ» выскочили на мель; второе—недоразумѣніе съ сигналомъ: при сближеніи съ непріятелемъ Крюйсъ поднялъ красный флагъ, означавшій сигналъ «вступить въ бой», по которому флотъ и открылъ огонь по шведамъ; спускъ же этого флага, совпадавшій по времени съ посадкою на мель трехъ кораблей, былъ понятъ какъ приказаніе прекратить огонь и оказать помощь своимъ кораблямъ. Шведы воспользовались замѣшательствомъ и бросились бѣжать, при чемъ и у нихъ одинъ корабль сѣлъ было на мель. При помощи другихъ судовъ корабли «Рига» и «Эсперансъ» были стащены съ мели, «Выборгъ» же, налетѣвшій на камень и проткнувшійся на немъ, пришлось оставить: съ него сняли пушки и все наиболѣе цѣнное, а корабль сожгли. Послѣ этой неудачи Крюйсъ продолжалъ путь къ Ревелю и прибылъ туда 16-го, а 25 іюля соединенно съ ревельскими кораблями и фрегатами благополучно вернулся къ Котлину. Петръ, прибывшій сейчасъ же на флотъ, осмотрѣлъ ревельскія суда и 31 іюля со всѣмъ корабельнымъ флотомъ вышелъ къ Березовымъ островамъ. Отсюда подъ предводительствомъ Царя въ шхеры отправленъ былъ отрядъ мелкихъ судовъ съ провіантомъ для финляндской арміи.

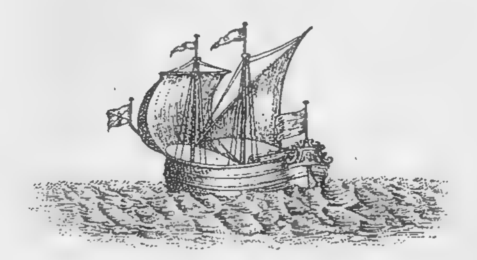
Генералъ - адмиралъ графъ Апраксинъ, между тѣмъ, уже взялъ Гельсингфорсъ. Выйдя 5 іюля съ войсками отъ Форсбина, онъ 8 іюля у Борго отбросилъ шведскія войска генерала Любекера, 12 числа подошелъ къ Гельсингфорсу и 15 іюля занялъ городъ. Шведская эскадра изъ 13 судовъ (6 изъ нихъ стояли въ рейдѣ, остальныя подъ Гельсингфорсомъ) не оказала достаточнаго сопротивленія огню нашихъ войскъ и была, какъ писалъ графъ Апраксинъ, «выбита на море». По занятіи Гельсингфорса немедленно было приступлено къ постройкѣ крѣпости и, для предупрежденія прихода шведскаго флота, къ загражденію корабельныхъ фарватеровъ, ведущихъ съ моря на рейдъ.

17 августа войска выступили въ новый походъ для занятія Або. Войска шли, придерживаясь берега, а Царь отправился съ отрядомъ скампавей; пройдя Паркалаудъ, Царь высадился на берегъ и съ войсками дошелъ до Або, который былъ занятъ нами 28 августа безъ боя. Занятіемъ Або былъ осуществленъ планъ кампаніи этого года, но Петръ, считаясь съ

малочисленностью войскъ, трудностью доставки продовольствія и даже возможностью для нашихъ войскъ быть отрѣзанными отъ Гельсингфорса, рѣшилъ ограничиться произведеннымъ на Швецію моральнымъ воздѣйствіемъ и немедленно возвращаться въ Гельсингфорсъ. Приказавъ взять въ Або оставленные шведами боевые припасы, провіантъ и университетскую библіотеку, Петръ съ войсками двинулся 3 сентября обратно въ Гельсингфорсъ; вторую половину пути Царь совершилъ моремъ на отрядѣ скампавей. Съ занятіемъ нами Гельсингфорса шведы лишились лучшаго изъ своихъ портовъ на Финляндскомъ побережьѣ, и ихъ корабельный флотъ принужденъ былъ искать себѣ новую стоянку, каковою на этотъ годъ было избрано Твerминэ, мѣстечко къ западу отъ Гельсингфорса, на Гангутскомъ полуостровѣ. Шведскій корабельный флотъ, кромѣ того, долженъ былъ считаться съ работою, которая по приказанію Петра производилась лѣтомъ и осенью 1713 года: изслѣдованіе шхерныхъ фарватеровъ отъ Гельсингфорса до Або и загражденіе тѣхъ изъ нихъ, которые по глубинѣ были доступны для плаванія корабельнаго флота. Это была тяжелая и кропотливая работа, но блестящіе результаты ея сказались очень скоро, въ кампанію слѣдующаго года.

Военныя событія 1713 года закончились побѣдами графа Апраксина надъ Армфельтомъ у Тавастгуса и взятіемъ нашими войсками въ Помераніи, совмѣстно съ саксонцами, Штетина.

Неудача дѣйствій въ этомъ году нашего корабельнаго флота при встрѣчѣ съ тремя шведскими кораблями послужила поводомъ къ суду надъ вице-адмираломъ Крюйсомъ и тремя командирами кораблей. Приговоръ былъ суровый, особенно для Крюйса и Рейса: оба они приговорены къ смертной казни, замѣненной, однако, по просьбамъ графа Апраксина и другихъ лицъ, ссылкой Крюйса въ Казань, а Рейса въ Сибирь.



Булеръ «Люстихъ» 1704 г.

5. Кампанія 1714 г. Гангутское сраженіе. Дѣйствія гр. Апраксина въ Финляндіи. Сожженіе города Умео.

Начало 1714 года, вмѣстѣ съ извѣстіями о побѣдѣ близъ города Вазы князя Голицына, принявшаго отъ графа Апраксина командованіе войсками въ Финляндіи, принесло Петру разочарованіе въ союзникахъ, которые быстрымъ успѣхамъ Россіи стали придавать угрожающее для себя значеніе. Царю особенно непріятенъ былъ отказъ короля Датскаго отъ содѣйствія датскимъ корабельнымъ флотомъ въ задуманномъ Петромъ смѣломъ планѣ похода на Стокгольмъ. Планъ этотъ пришлось оста-

вить, и Петръ рѣшилъ не надѣяться больше на помощь созниковъ, а разсчитывать только на свои силы. Цѣлью кампанiи начинавшагося 1714 года было поставлено окончательное утвержденiе Россiи въ Финляндiи.

Къ половинѣ мая шведскiй флотъ, раздѣленный на нѣсколько отрядовъ, появился въ Финскомъ заливѣ—между Гельсингфорсомъ и Або, у Ревеля, Наргена и Рогервика, а 20 мая наши корабельный и галерный флоты вышли отъ Котлина къ Бiоркэ. Галерный флотъ, подъ командой графа Апраксина, состоялъ изъ 99 скампавей и галеръ и громаднаго

числа провіантскихъ судовъ, съ посаженными на нихъ 24.000 войска; корабельный изъ 18 судовъ, подъ командой шаутбенахта «Петра Михайлова».

Галерному флоту у Біоркэ пришлось задержаться на нѣсколько дней, выжидая очищенія шхеръ отъ льда, и 31 мая флоты раздѣлились. Графъ Апраксинъ направился шхернымъ фарватеромъ въ Або, а Царь съ корабельнымъ флотомъ, выполнивъ свою задачу конвоированія галернаго флота до шхеръ, въ Ревель, на соединеніе съ пришедшими туда новыми архангельскими и купленными за границей 6 кораблями. Плаваніе къ Ревелю обставлено было большими предосторожностями, во избѣжаніе встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріятелемъ. 11 іюня, въ тотъ же день, когда галерный флотъ пришелъ въ Гельсингфорсъ, Царь благополучно привелъ корабельный флотъ въ Ревель; численность корабельнаго флота опредѣлялась теперь въ 24 и вскорѣ, по прибытіи еще двухъ кораблей изъ Англіи и Архангельска, дошла до 26 судовъ.

Графъ Апраксинъ простоялъ въ Гельсингфорсѣ 10 дней; за это время на берегъ выгружали провіантъ, производилась починка судовъ и готовились для присоединенія къ флоту скампавеи и другія суда, зимовавшія въ Гельсингфорсѣ. 21 іюня Апраксинъ двинулся дальше и 29-го прибылъ къ Тверминэ, но оказалось, что дальнѣйшій путь прегражденъ: у Гангута частью стоялъ на якорѣ, частью держался въ морѣ сильный шведскій флотъ изъ 16 кораблей, 2 бригантинъ, 2 бомбардирскихъ судовъ и 8 галеръ, подъ флагомъ адмирала Ватранга. Гангутъ не прикрытъ шхерами, глубина у самаго берега очень значительная, и при первой попыткѣ нашихъ галеръ къ проходу на нихъ обрушился бы весь шведскій корабельный флотъ. Отказаться же Апраксину отъ дальнѣйшаго движенія значило предоставить войска князя Голицына, уже пришедшія въ Або и терпѣвшія крайній недостатокъ въ провіантѣ, печальной участи отступленія изъ-за голодовки.

Положеніе было тяжелое, и Апраксинъ немедленно отправилъ моремъ въ Ревель донесеніе, прося Царя, для отвлеченія шведовъ отъ Гангута, сдѣлать диверсію корабельнымъ флотомъ.

Петръ собралъ «консиліумъ». Послѣ долгихъ споровъ, рѣшили диверсіи не дѣлать, въ виду относительной слабости и тихоходности нашихъ кораблей, по сравненію съ шведскими, а 20 іюля Петръ самъ прибылъ на галерный флотъ.

Ознакомившись съ положеніемъ, Петръ тоже счелъ невозможнымъ идти напроломъ. Оставалось два выхода: или ждать, когда у шведовъ явится недостатокъ въ прѣсной водѣ и они принуждены будутъ удалиться, или строить на берегу батареи, чтобы береговымъ огнемъ заставить шведскій флотъ отойти. Петръ нашелъ третій выходъ, столько же смѣлый, сколько необычайный. Онъ рѣшилъ перетащить галеры черезъ перешеекъ (1170 саженъ), чтобы избѣжать такимъ образомъ встрѣчи со шведскимъ флотомъ. Немедленно было приступлено къ постройкѣ помоста и къ приготовленію катковъ.

Новыя обстоятельства, однако, заставили Петра отказаться отъ этого плана и осуществить передвиженіе галернаго флота гораздо ско-

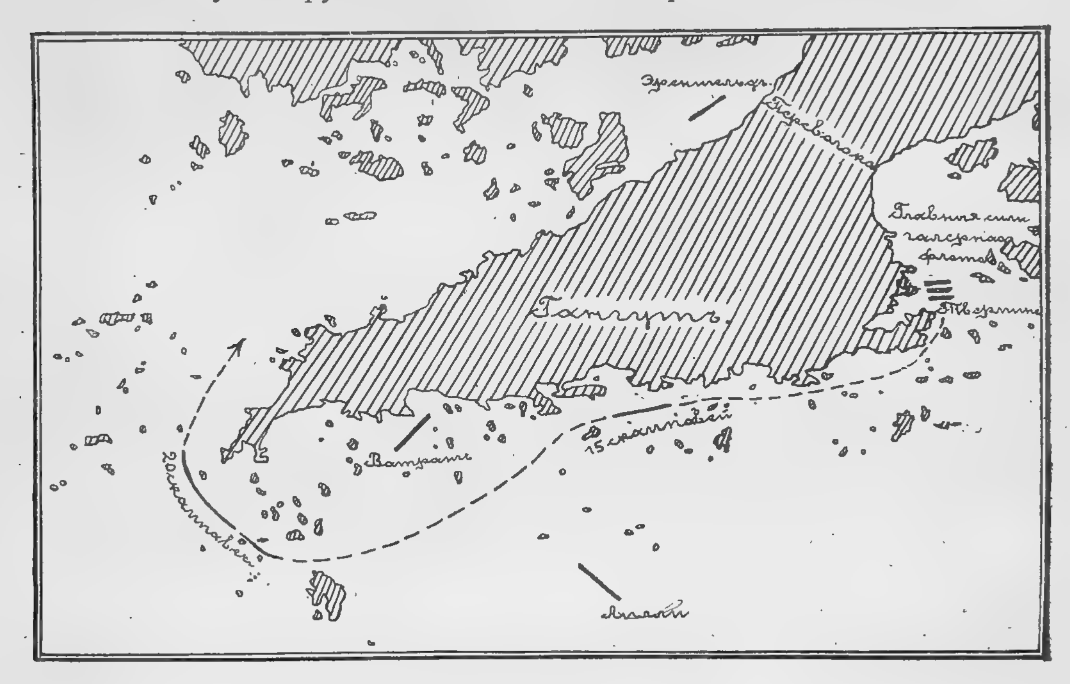
рѣе, чѣмъ было предположено, и притомъ моремъ. Это измѣненіе плана было слѣдствіемъ движеній шведскаго флота, которыя использовалъ для себя Петръ. Ватрангу стало извѣстно отъ рыбаковъ о приготовленіяхъ къ перетаскиванію черезъ перешеекъ нашихъ галеръ, и онъ, чтобы разстроить этотъ планъ, вечеромъ 25 іюля распредѣлилъ свои силы такимъ образомъ: большую часть всего флота (14 судовъ, флагъ вице-адмирала Лилли) отправилъ къ Тверминэ, для загражденія нашимъ галерамъ единственнаго выхода въ море, отрядъ изъ одного фрегата, 6 галеръ и 3 шхерботовъ (флагъ контръ-адмирала Эреншельда) къ западной сторонѣ перешейка (къ Юнгфурзунду), куда должны были перетаскиваться изъ Тверминэ наши галеры, а самъ съ 6 кораблями и 3 фрегатами остался на якорѣ на прежнемъ мѣстѣ. По счастливой случайности Петръ, съ 35 галерами, находился на сторожевомъ посту для наблюденія за шведами, какъ разъ въ то время, когда отрядъ Лилли вступалъ подъ паруса и уходилъ отъ Ватранга. Не зная, куда именно идетъ Лилли, въ Тверминэ или Ревель, Петръ быстро оцѣнилъ выгоду раздѣленія шведскихъ силъ и немедленно, ночью же, послалъ за графомъ Апраксинымъ. Былъ собранъ консиліумъ и, въ виду угрозы для галернаго флота быть запертымъ въ Тверминэ, было рѣшено флоту готовиться къ выходу изъ бухты и немедленно отправить хотя бы часть галеръ въ обходъ Ватранга съ моря.

Утромъ 26 іюля первыя 20 скампавей, подъ командой капитанъ-командора Змаевича, отправились по назначенію. Погода вполнѣ благопріятствовала намъ, на морѣ стоялъ штиль. Замѣтивъ наше движеніе, Ватрангъ снялся съ якоря, открылъ сильный огонь и сталъ буксироваться шлюпками къ нашимъ скампавеямъ, но Змаевичъ проскочилъ безъ всякаго вреда, а вскорѣ за нимъ прошелъ и другой, посланный Апраксинымъ, отрядъ изъ 15 скампавей, подъ командой бригадира Лефорта. Успѣхъ этого обхода такъ окрылилъ Петра, что онъ, по возвращеніи со сторожевого поста въ Тверминэ, немедленно отправился черезъ перешеекъ къ мѣсту стоянки Эреншельда, куда уже прибыли Змаевичъ и Лефортъ. Змаевичъ заградилъ выходъ отряду Эреншельда и уже успѣлъ потребовать отъ него сдачи, но получилъ отказъ и теперь поджидалъ прибытія остальныхъ нашихъ галеръ.

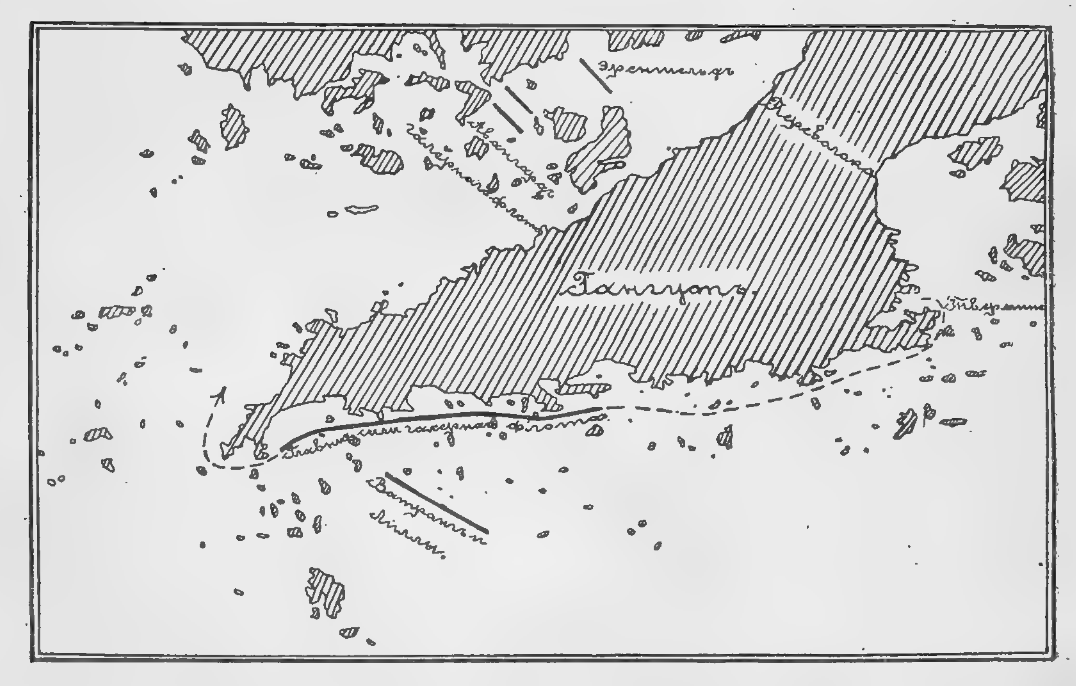
Апраксинъ же, по рѣшенію, принятому совмѣстно съ Царемъ, для предупрежденія прихода Лилли, повелъ изъ Тверминэ весь остальной галерный флотъ и къ полночи на 27 іюля подошелъ къ островамъ, у которыхъ держались наши сторожевыя галеры, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ идти впередъ не въ обходъ отряда Ватранга, а прорываться сквозь него, держась ближе къ берегу. Между тѣмъ этой же ночью Лилли, по вызову адмирала, вернулся къ Ватрангу, и шведы, разсчитывая, что и Апраксинъ пойдетъ маршрутомъ Змаевича, нарочно отошли отъ берега и стали на мѣстѣ прохода скампавей Змаевича и Лефорта.

Съ разсвѣтомъ Апраксинъ увидѣлъ, что впереди стоитъ не одинъ Ватрангъ, но и весь отрядъ Лилли, но такъ какъ между берегомъ и шведскими судами, по неудачному расчету самого же Ватранга, ока-

зывалось достаточно мѣста для прохода галеръ, то, не теряя времени, въ 4-мъ часу утра 27 іюля гр. Апраксинъ повелъ галеры, числомъ около 70, одну за другой мимо шведовъ, держась возможно ближе къ



Прорывъ галернаго флота 26 іюля 1714 года.



Прорывъ галернаго флота 27 іюля 1714 года.

Маскарадъ въ Москвѣ въ 1722 г. по случаю празднованія Ништадтскаго мира.
СЪ ВЕСЬМА РѢДКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ГРАВЮРЫ, НАХОДЯЩЕЙСЯ ВЪ СОБРАНІИ Д. А. РОВИНСКАГО.

Гренгамское сраженіе 27 іюля 1720 г.
СЪ ГРАВЮРЫ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

берегу. Самъ Апраксинъ шелъ въ кордебаталіи, авангардъ велъ генералъ Вейде, аріергадръ кн. Голицынъ.

На морѣ былъ штиль, гребцы на галерахъ наваливались во всю. Шведскій флотъ, поспѣшно буксировавшійся шлюпками къ берегу, открылъ безпорядочный огонь, но непріятельскіе выстрѣлы, по отдаленности, были почти безвредны, и только у командира одной изъ галеръ оторвало ногу. Единственнымъ трофеемъ шведовъ при прорывѣ Апраксина была сѣвшая на мель скампавея, которую шведы взяли съ частью экипажа. Блестяще задуманный планъ, построенный на ошибкахъ непріятеля, былъ выполненъ прекрасно: въ 9 ч. 30 м. утра Апраксинъ, обогнувъ Гангутскій мысъ, вошелъ въ шхеры, а къ полудню уже подошелъ къ мѣсту стоянки Змаевича. Здѣсь, на отрядѣ Змаевича, находился Петръ; здѣсь же стоялъ заблокированный Змаевичемъ, попавшій въ ловушку и обреченный на пораженіе, шведскій отрядъ шаутбенахта Эреншельда. Намъ оставалось теперь только воспользоваться своимъ несомнѣннымъ превосходствомъ: у насъ было около 100 галеръ и скампавей и на нихъ около 300 орудій и почти 20.000 человѣкъ десанта; у Эреншельда—на 10 судахъ 116 орудій и 941 человѣкъ команды.

Петръ снова предложилъ Эреншельду сдаться, снова получилъ отказъ — и въ 2 часа дня 27 іюля начался жаркій Гангутскій бой, продолжавшійся до 5 часовъ вечера. Прежде, чѣмъ сокрушить шведовъ, нужно было перенести всю губительную силу ихъ огня изъ пушекъ большого калибра, которыхъ не было у насъ. Шведскія суда, имѣя въ серединѣ адмиральскій фрегатъ, стояли вогнутой линіей, имѣя фланги и тылъ прикрытыми островками. Нашъ флотъ, расположившійся по диспозиціи Апраксина въ три колонны, почти кольцомъ обхватившія непріятеля, имѣлъ въ авангардѣ шаутбенахта «Петра Михайлова», который лично участвовалъ въ бою. Два раза подъ градомъ ядеръ и картечи передовыя галеры бросались на непріятеля, оба раза были съ жестокимъ урономъ отброшены, пока, наконецъ, имъ не удалось схватиться со шведами на абордажъ. «И такъ жестоко чинено абордированіе», писалъ объ этомъ Царь, что нѣсколькихъ человѣкъ отъ шведскихъ пушекъ «не ядрами и картечами, но духомъ пороховымъ разорвало». Послѣ отчаяннаго сопротивленія сначала шведскія галеры и шхерботы, а затѣмъ и фрегатъ спустили флаги. Эреншельдъ, раненый въ ногу и руку, отъ потери крови упалъ за бортъ, запутался въ снастяхъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Петръ цѣловалъ своего достойнаго плѣнника въ его окровавленный лобъ и самъ заботился о приведеніи его въ чувство.

Бой окончился, выяснились потери: у насъ убито 8 офицеровъ и 116 нижнихъ чиновъ, ранено 342; у шведовъ—убито 9 офицеровъ и 352 нижнихъ чина.

Немедленно же послѣ боя флотъ нашъ, изъ опасенія появленія здѣсь Ватранга и Лилли, которые могли бы запереть насъ въ бухтѣ и этимъ поставить насъ самихъ въ положеніе Эреншельда, перешелъ въ шхеры, ведущія къ Або. Опасенія, однако, оказались излишними: Ватрангъ направился къ Аландскимъ островамъ и оставался тамъ въ без-

дѣйствіи. Графъ Апраксинъ, отправивъ плѣнныя шведскія суда под командой капитанъ-командора Сиверса въ Петербургъ, съ галернымъ флотомъ перешелъ въ Або, а 8 августа къ Аландскимъ шхерамъ, захвативъ по пути нѣсколько шведскихъ купеческихъ судовъ. Отсюда Петръ 15 августа съ 5-ю скампавеями, съ плѣннымъ Эреншельдомъ и его офицерами, ушелъ въ Петербургъ. 21 августа Царь прибылъ въ Гельсингфорсъ и засталъ тамъ пришедшій изъ Ревеля корабельный флотъ, цѣлую недѣлю передъ тѣмъ крейсеровавшій у Гогланда. 4 сентября корабельный флотъ, плѣнныя суда и скампавеи были приведены Царемъ къ Кроншлоту, а 9-го состоялся церемоніальный вводъ плѣнныхъ судовъ въ Петербургъ. Городъ встрѣчалъ побѣдителей самымъ торжественнымъ образомъ: дома разукрасились флагами, на мосту Петропавловской крѣпости были устроены тріумфальныя ворота, батареи непрестанно салютовали, Сенатъ въ полномъ составѣ ожидалъ прибытія Царя. Первыми по Невѣ шли три наши скампавеи, за ними плѣнные шхерботы, галеры и фрегатъ съ Эреншельдомъ; за фрегатомъ на адмиральской галерѣ шаутбенахтъ «Петръ Михайловъ»; за нимъ еще двѣ наши скампавеи. Всѣ суда остановились противъ Троицкой площади и отсюда, когда всѣ участвовавшіе въ процессіи съѣхали на берегъ, началось сухопутное шествіе къ Сенату, находившемуся у крѣпости, въ такомъ порядкѣ: впереди везли шведскія пушки, флаги плѣнныхъ судовъ и знамена, взятыя кн. Голицынымъ; затѣмъ слѣдовали плѣнные шведскіе офицеры, контръ-адмиральскій флагъ Эреншельда и самъ Эреншельдъ въ новомъ, затканномъ серебромъ, кафтанѣ; Царь участвовалъ и въ этомъ шествіи, занимая въ строю мѣсто по своему чину въ гвардіи.

Явившись въ Сенатъ, Петръ представилъ донесеніе о Гангутской побѣдѣ и письмо отъ гр. Апраксина. Послѣ прочтенія вслухъ обѣихъ бумагъ шаутбенахтъ-Царь, давно имѣвшій по арміи чинъ полнаго генерала, здѣсь же былъ произведенъ въ вице-адмиралы, вернулся на галеру, поднялъ свой новый вице-адмиральскій флагъ и получилъ установленный по чину салютъ. Начальствовавшій авангардомъ въ Гангутскомъ бою генералъ Вейде получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Нѣсколько дней подрядъ продолжались пышныя празднества по случаю Гангутской побѣды. Петръ оказывалъ всяческое вниманіе Эреншельду. Именно плѣненіе шведскаго адмирала особенно радовало его. «Правда», писалъ онъ кн. Меншикову послѣ благодарственныхъ молебствій, отслуженныхъ на третій и четвертый день послѣ боя, «какъ у насъ въ сію войну много, не только генераловъ, но и фельдмаршаловъ брато, а флагмановъ ни единаго; и тако, сею, мню николи у насъ бывшею викторіею, поздравляемъ».

За Гангутскій бой офицеры и команда были пожалованы медалями съ изображеніемъ боя и надписью «прилежаніе и вѣрность превосходятъ сильно» (130 золотыхъ медалей для офицеровъ и 3,284 серебряныхъ для нижнихъ чиновъ); была выбита еще особая медаль съ изображеніемъ побѣды и надписью «Classis Russicae primitiae» (первые плоды Россійскаго Флота). Память Гангутской побѣды увѣковѣчена Петромъ, кромѣ

того, постройкой церкви св. Пантелеймона (святой, въ день памяти котораго—27-го іюля—одержана побѣда) въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ; православная церковь опредѣлила ежегодно совершать въ день Гангутской побѣды благодарственное молебствіе; русскій флотъ до сихъ поръ, по Морскому Уставу, производитъ 27-го іюля салютъ въ 21 выстрѣлъ въ память побѣды и расцвѣчивается флагами; суда съ именами «Гангутъ» и «Пантелеймонъ» не переводятся въ нашемъ флотѣ (въ наши дни—строящійся для Балтійскаго флота дредноутъ «Гангутъ» и корабль «Пантелеймонъ» въ Черномъ морѣ).

Въ 1871 году на мѣстѣ погребенія убитымъ въ Гангутскомъ бою поставленъ памятникъ.

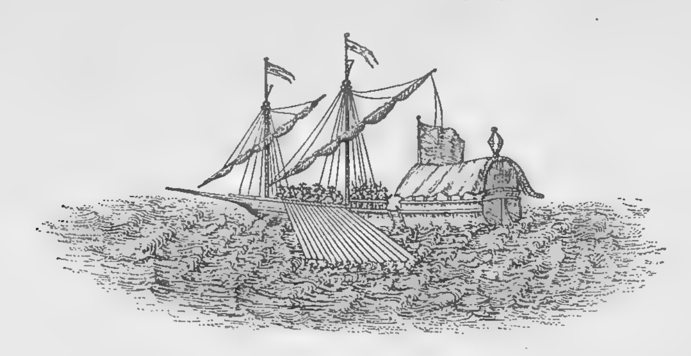
Каковы же были «первые плоды Россійскаго флота», въ чемъ же значеніе Гангутской побѣды?

Велико было, прежде всего, моральное впечатлѣніе, произведенное Гангутской побѣдой на Швецію и другія державы. При наличіи у шведовъ сильнаго корабельнаго флота въ Европѣ были увѣрены, что попытка нашихъ галеръ къ прорыву мимо Гангутскаго мыса окончится полнымъ разгромомъ; гамбургскія газеты, предупредивъ событія, поспѣшили даже сообщить своимъ читателямъ, что русскій флотъ совершенно разбитъ и самому Петру, будто бы, только съ большимъ трудомъ удалось спастись. Тѣмъ неожиданнѣе явилась для Европы истина о Гангутской побѣдѣ. Нашему галерному флоту открылась свобода дѣйствій въ Аландскихъ шхерахъ, гдѣ Апраксинъ продолжалъ захватывать купеческія суда; самые берега Швеціи, какъ видно будетъ ниже, сдѣлались открытыми для нападенія нашихъ галеръ; опасность, если не фактическая, то моральная, грозила самому Стокгольму. Все это отразилось вскорѣ и на отношеніяхъ къ Швеціи нейтральныхъ державъ, особенно Голландіи и Англіи, рѣзко измѣнившихъ свое поведеніе въ отношеніи Швеціи послѣ Гангута.

Первымъ, кто долженъ былъ использовать «первые плоды», былъ, естественно, графъ Апраксинъ. Онъ уже опустошилъ Аландскія шхеры, забралъ оттуда весь скотъ и хлѣбъ и теперь продолжалъ движеніе шхерами къ сѣверу и 9 сентября находился уже у города Вазы, оттѣсняя изъ Финляндіи оставшіяся на сѣверѣ, въ количествѣ 5.000, шведскія войска. Изъ Вазы Апраксинъ отправилъ черезъ Ботническій заливъ въ Швецію для развѣдокъ на шведскихъ берегахъ 9 скампавей подъ командой Головина, который пришелъ къ городу Умео, высадилъ десантъ въ 800 человѣкъ, отъ появленія котораго шведскій гарнизонъ разбѣжался, и, истребивъ стоявшія подъ городомъ мелкія суда, забралъ что было можно въ добычу и возвратился къ Апраксину; городъ Умео былъ сожженъ. Апраксинъ же, дойдя до Нюкарлеби и убѣдившись, что шведскія войска совсѣмъ очистили Финляндію, сталъ возвращаться, и 30 октября расположился въ Ништадтѣ на зимовку. Во время плаваній графа Апраксина и Головина, происходившихъ въ осеннюю погоду съ частыми бурями и штормами, у насъ погибло 16 галеръ и скампавей и

12 лодокъ и экипажа на нихъ 285 человѣкъ. На зимовку въ Ништадтѣ расположились 89 галеръ. Стоянка галернаго флота защищалась батареями, построенными на берегу и островахъ.

Этимъ закончилась славная кампанія 1714 года.



Галера 1714 года.

6. Кампаніи 1715—1716 г.г. Дѣйствія отряда Бредаля въ Балтійскомъ морѣ. Русская эскадра въ Копенгагенѣ. Петръ во главѣ соединеннаго англо-датско-голландско-русскаго флота.

Въ кампанію 1715 года Швеція снарядила сильный флотъ изъ 4-хъ эскадръ, крейсеровавшихъ въ Ботническомъ и Финскомъ заливахъ, но эти крейсерства не стѣсняли движеній ни корабельнаго, ни галернаго нашихъ флотовъ. Это были тоже плоды Гангутской побѣды: шведы слишкомъ опасались за Стокгольмъ и ограничились поэтому преимущественно охраной своихъ береговъ. Наши галеры и скампавеи изъ Ништадта перешли въ Або, ходили къ Аланду, поддерживали сообщенія съ Гельсингфорсомъ и Ревелемъ и, по примѣру прошлаго года, небольшой отрядъ изъ 15 скампавей ходилъ къ шведскому берегу.

Дѣйствія корабельнаго флота начались посылкой въ половинѣ апрѣля отряда изъ трехъ фрегатовъ и одной шнявы, подъ командой капитана Бредаля, изъ Ревеля для захвата шведскихъ каперовъ. Это дѣло блистательно удалось Бредалю: одинъ за другимъ, за нѣсколько дней похода, фрегатомъ «Самсонъ», на которомъ находился Бредаль, подъ Виндавой были взяты шведскіе каперы «Единорогъ», «Эсперансъ» и «Стокгольмъ-Галей»,—первый послѣ упорнаго боя, а два другіе безъ сопротивленія.

Успѣхъ этого дѣла встревожилъ шведовъ, и они, желая использовать раздѣленіе нашихъ силъ (эскадры котлинская и ревельская), отправили эскадру изъ 12 кораблей и нѣсколькихъ меньшихъ судовъ для нападенія на нашу ревельскую эскадру. 29 мая шведы подошли къ Ревелю, начали бомбардировку и пытались пройти въ гавань, гдѣ стояли наши корабли, но послѣ двухчасового боя принуждены были отступить и на другой день ушли въ море.

Это появленіе шведовъ передъ Ревелемъ, хотя и кончившееся отступленіемъ непріятеля, заставило Петра поторопиться съ соединеніемъ нашихъ эскадръ, и 8 іюля котлинская эскадра, въ составѣ 30 судовъ,

до этого времени крейсеровавшихъ посмѣнно у Готланда и Березовыхъ острововъ, прибыла съ гр. Апраксинымъ въ Ревель; на кораблѣ «Ингерманландъ» развѣвался флагъ вице-адмирала «Петра Михайлова». Вмѣстѣ съ корабельною эскадрою въ Ревель пришелъ отрядъ галернаго флота, въ числѣ 40 галеръ.

Черезъ день по прибытіи съ котлинской эскадрой Петра, изъ Ревеля былъ посланъ къ Готланду и въ стокгольмскія шхеры Бредаль съ 4 фрегатами и 2 шнявами. 25 дней Бредаль находился въ морѣ. Вернулся онъ въ Ревель 3 августа съ плѣнными шведами и добычей, взятой высаженнымъ имъ на Готландѣ десантомъ; демонстрація передъ Стокгольмомъ также блестяще удалась Бредалю. Этотъ походъ, въ виду возможности встрѣчи съ превосходными силами непріятеля, былъ очень смѣлымъ и рискованнымъ предпріятіемъ, и удачное его совершеніе доказывало если не наше господство въ морѣ, то, по крайней мѣрѣ, что и у шведовъ этого господства не было.

Возвращеніе Бредаля совпало съ празднествами, происходившими на Ревельскомъ рейдѣ; это было чествованіе Петромъ пришедшаго въ Ревель соединеннаго англо-голландскаго флота. Какъ уже было сказано однимъ изъ слѣдствій Гангутской побѣды было измѣненіе отношеній къ Швеціи со стороны Англіи и Голландіи. Державы эти, терпѣвшія убытки въ своей морской торговлѣ съ Россіей изъ-за дѣятельности шведскихъ каперовъ, въ маѣ 1716 года отправили въ Балтійское море флотъ изъ 32 кораблей подъ общей командой англійскаго адмирала Нориса. Подъ охраной этого флота шли въ русскіе порты болѣе 100 купеческихъ судовъ съ товарами и 3 русскихъ военныхъ корабля, только что купленные за границей. Въ Ревелѣ Норисъ простоялъ только три недѣли, и это время, время безпрерывныхъ пировъ и салютовъ, было настоящимъ праздникомъ для Царя, съ гордостью видѣвшаго на рейдѣ свой молодой флотъ рядомъ съ эскадрами сильнѣйшихъ морскихъ державъ. 16 августа Норисъ, по-царски одаренный Петромъ, ушелъ изъ Ревеля, взявъ снова подъ свою охрану купеческія суда, нагруженныя русскими товарами. Вмѣстѣ съ Норисомъ ушелъ изъ Ревеля въ Англію Бредаль съ двумя кораблями и двумя фрегатами и, отдѣльно отъ него, капитанъ Наумъ Сенявинъ въ Голландію и Гамбургъ — для привода оттуда построенныхъ и купленныхъ тамъ для насъ новыхъ кораблей. Вскорѣ же окончилъ кампанію нашъ корабельный флотъ: 30 августа гр. Апраксинъ былъ уже съ главными силами у Котлина, въ Ревелѣ же остались зимовать остальныя суда, подъ начальствомъ капитана Фангента. 40 галеръ, пришедшія изъ Котлина въ Ревель, съ 5-тысячнымъ десантомъ были отправлены на зимовку въ Либаву. Въ концѣ августа этого же года вышли въ Балтійское море изъ Архангельска, подъ командой капитана Ивана Сенявина, вновь построенные тамъ 4 корабля и яхта, подаренная Петру еще въ 1697 году англійскимъ королемъ.

Кампанія 1716 года, при полной бездѣятельности шведскаго флота, прошла у насъ въ подготовкѣ выработаннаго Петромъ новаго плана. По этому плану, который былъ принятъ, хотя не совсѣмъ искренно,

союзной намъ Даніей, Копенгагенъ являлся сборнымъ пунктомъ для русскихъ и датскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ; отсюда, изъ Копенгагена, при дружественномъ нейтралитетѣ англо-голландскаго флота, предполагалось сдѣлать высадку въ Сканію (южный берегъ Швеціи); галерный флотъ гр. Апраксина, съ своей стороны, долженъ былъ въ рѣшительную минуту явиться въ Стокгольмскія шхеры и отсюда вести нападеніе на Стокгольмъ. Съ весны началось движеніе нашихъ войскъ изъ Польши въ Померанію; туда же перешелъ находившійся въ Либавѣ отрядъ галеръ, и 10 іюля галеры самимъ Царемъ были приведены въ Копенгагенъ. Тамъ уже находились 7 нашихъ кораблей и 1 фрегатъ, пришедшіе изъ Архангельска и приведенные изъ-за границы. 19 іюля въ Копенгагенъ прибыла и ревельская эскадра подъ командой Сиверса (7 кораблей, 3 фрегата, 3 шнявы и мелкія суда). Петръ, поднявшій свой вице-адмиральскій флагъ на кораблѣ «Ингерманландъ», съ нетерпѣніемъ ждалъ содѣйствія Даніи, но датчане не торопились содѣйствовать намъ и подъ разными предлогами отдаляли срокъ перевозки нашихъ войскъ изъ Помераніи. За время этого вынужденнаго бездѣйствія Царь на шнявѣ «Принцесса» дважды выходилъ въ море для осмотра шведскихъ береговъ и изъ обстрѣла «Принцессы» успѣлъ убѣдиться, что шведы по всему южному побережью серьезно готовятся къ отраженію десанта.

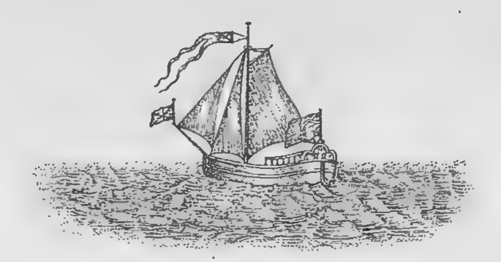
Одновременное пребываніе русскаго, датскаго и вновь крейсеровавшаго въ Зундѣ для охраны морской торговли англо-голландскаго флотовъ въ Копенгагенѣ дало Царю случай принять командованіе этими 4-мя соединенными флотами. По просьбѣ самихъ же англійскаго (Норисъ) и датскаго (генералъ-адмиралъ Гульденлевъ) адмираловъ, долго споривщихъ между собою о старшинствѣ, Петръ утромъ 5 августа вступилъ въ командованіе соединенными флотами. 70 одныхъ только линейныхъ кораблей, подъ англійскимъ, датскимъ, голландскимъ и русскимъ флагами, не считая фрегатовъ и мелкихъ судовъ, салютовали штандарту Русскаго Царя, замѣнившему на «Ингерманландѣ» вице-адмиральскій флагъ. Черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи въ командованіе, Царь уже поднялъ сигналъ о съемкѣ съ якоря и выходѣ въ море: Петръ рѣшилъ немедленно идти къ острову Борнгольму для встрѣчи и боя съ шведскимъ флотомъ. Одинъ за другимъ потянулись изъ Копенгагена флоты, исполняя приказанія своего царственнаго флагмана. У Борнгольма, гдѣ флоты 8 августа стали на якорь, выяснилось, однако, что шведская эскадра почти мѣсяцъ уже какъ не выходитъ изъ Карлскроны; поэтому, когда датскій генералъ-адмиралъ, ссылаясь на неимѣніе инструкцій отъ своего правительства, уклонился отъ участія въ предложенной Норисомъ блокадѣ Карлскроны, Петръ счелъ за лучшее вернуться въ Копенгагенъ; къ Карлскронѣ же онъ выслалъ крейсерскій отрядъ для наблюденія за шведами. Къ возвращенію въ Копенгагенъ Петра побуждала и другая причина: желаніе отправиться самому въ Померанію для ускоренія перевозки въ столицу Даніи нашихъ войскъ. Поэтому 14 августа Царь спустилъ штандартъ и съ отрядомъ изъ 7-ми судовъ пошелъ къ Стральзунду.

Съ прибытіемъ въ Померанію Петра приготовленія къ перевозкѣ войскъ пошли гораздо успѣшнѣе, и въ началѣ сентября подъ сильнымъ конвоемъ нашего флота 37 батальоновъ пѣхоты и 3 кавалерійскихъ полка были перевезены на транспортныхъ судахъ въ Копенгагенъ. Черезъ мѣсяцъ, однако, этотъ же десантъ пришлось перевозить обратно: произведенныя у шведскихъ береговъ развѣдки выяснили, помимо сильныхъ укрѣпленій на побережьяхъ, присутствіе въ Сканіи значительныхъ шведскихъ силъ, а, кромѣ того, Датскій король сталъ подозрительно относиться къ сосредоточенію русскихъ флота и войскъ въ его столицѣ. Уступая желанію короля, Петръ въ началѣ октября отправилъ галеры, а затѣмъ подъ конвоемъ англо-голландскаго флота, сухопутныя войска на зимовку въ Мекленбургъ. Въ концѣ же октября вернулся изъ Копенгагена въ Ревель и корабельный нашъ флотъ.

Галерный флотъ гр. Апраксина, имѣвшій задачей отвлекать на себя шведскія силы до времени предположенной высадки Петра въ Сканію и державшійся у Або и Аланда, въ кампанію 1716 года ограничивался высылкой небольшихъ отрядовъ для разоренія шведскихъ береговъ и поддерживаніемъ сношеній съ Петербургомъ. Котлинскій корабельный флотъ также всю кампанію простоялъ, на случай обороны, у Кроншлота, держа въ крейсерствѣ посмѣнно небольшіе отряды; нѣсколько судовъ съ припасами для флота и войскъ совершили благополучно переходъ въ Копенгагенъ.

1716 годъ, прошедшій, такимъ образомъ, почти безъ столкновеній съ шведами, остался особенно памятнымъ въ исторіи флота по командованію Царя 4-мя флотами, описанному выше. Петръ справедливо гордился предложенной ему высокой должностью: въ этомъ предложеніи онъ видѣлъ уваженіе къ себѣ не столько какъ Русскому Царю, сколько какъ опытному моряку и адмиралу. Событіе это Царь увѣковѣчилъ спеціально выбитою медалью, съ изображеніемъ Петра, Нептуна, русскаго штандарта и англійскаго, голландскаго и датскаго флотовъ, съ надписью «Владычествуетъ четырьмя. При Борнгольмѣ». «Владычество четырьмя» пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду той охотности, съ какой адмиралы англійскій и голландскій, не имѣя никакого уполномочія отъ своихъ правительствъ, поспѣшили исполнить приказаніе русскаго Царя—выйти на бой со шведскимъ флотомъ—и тѣмъ самымъ, если бы бой произошелъ, совершая рѣзкій поворотъ въ политикѣ Англіи и Голландіи въ отношеніи къ Швеціи. Этотъ фактъ, поставившій Англію и Голландію, не говоря уже о Даніи, въ кратковременную, но неоспоримую зависимость отъ случая—встрѣчи со шведскимъ флотомъ,—который могъ представиться Русскому Царю, служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ глубокаго обаянія личности Великаго Петра. Обаяніе это сохранилось и по уходѣ Петра въ Померанію, когда англійскій адмиралъ Норисъ и датскій генералъ-адмиралъ Гульденлевъ, въ тѣхъ случахъ, когда между ними возникали разногласія, обязались съѣзжаться для совѣщанія на русскій флагманскій корабль, гдѣ вмѣсто Петра держалъ флагъ совсѣмъ молодой сравнительно съ ними капитанъ-командоръ Шельтинга.

Въ этомъ же 1716 году былъ помилованъ, возвращенъ изъ ссылки и вновь опредѣленъ на службу вице-адмиралъ Крюйсъ.



Бригантина 1710 года.

7. Кампаніи 1717—1719 г.г. Дѣйствія подъ Данцигомъ. Экспедиція Фанъ-Гофта. Сраженіе у Эзеля. Разгромъ береговъ Швеціи гр. Апраксинымъ.

Слѣдующіе два года, 1717 и 1718, когда почти весь шведскій флотъ, устрашенный присутствіемъ въ Зундѣ сильнаго англійскаго флота и энергической дѣятельностью Петра, безвыходно стоялъ въ гаваняхъ Стокгольма и Карлскроны, были использованы нами для усиленія своего флота и для прекращенія подвоза припасовъ изъ Данцига, Любека и Вексельмюнде въ Швецію. Затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ за эти два года объясняется, кромѣ другихъ причинъ, долгимъ отсутствіемъ Петра, находившагося въ 1717 году за границей, и стремленіемъ Карла XII къ миру, обнаружившимся въ 1718 году.

По конвенціи, заключенной въ началѣ 1716 года, Данцигъ обязался прекратить торговыя сношенія съ Швеціей и вооружить для Россіи три фрегата для дѣйствій противъ шведскихъ каперовъ. Кенигсбергъ, по настоянію Петра, вооружилъ въ томъ же году для насъ 4 судна. Наблюденіе за выполненіемъ этой конвенціи возложено было на гукоръ «Ласорсеръ» подъ командой Вильбоа. Несмотря на трудность своего положенія и даже на угрозы жителей Данцига убить Вильбоа за прекращеніе обогащавшей ихъ торговли со Швеціей, Вильбоа дѣйствовалъ съ необычайной смѣлостью: часто выходилъ въ море, захватывалъ купеческія суда и за нарушенія конвенцій потребовалъ и взялъ съ Данцига и Вексельмюнде штрафу свыше 400 тысячъ ефимковъ (320 тысячъ рублей). Эти свои дѣйствія Вильбоа сопровождалъ требованіями полнаго уваженія къ русскому флагу. Придя въ Любекъ, напр., онъ не только не салютовалъ первый крѣпости, но немедленно послалъ къ коменданту требованіе о салютѣ русскому флагу; на заявленіе коменданта о томъ, что пришедшія суда первыми должны салютовать крѣпости, Вильбоа отвѣчалъ, что русскій флагъ есть «знамя монархическое, а ихъ городомъ владѣетъ беррать и ратсгеръ». Пригрозивъ въ случаѣ отказа въ салютѣ бомбардировать городъ, Вильбоа добился того, что крѣпость салютовала ему первому, и на салютъ коменданта отвѣтилъ ему однимъ только выстрѣломъ.

Корабельный нашъ флотъ въ кампаніи 1717 и 1718 г.г. пользовался полной свободой плаванія въ Балтійскомъ морѣ. Въ іюлѣ 1717 года фло-

Взятіе въ плѣнъ шведскаго адмирала Эреншельда въ Гангутскомъ сраженіи.
СЪ КАРТИНЫ ВЪ МУЗЕѢ МОРСКОГО КОРПУСА.

томъ подъ флагомъ гр. Апраксина совершена была высадка на Готландъ, доставившая намъ богатую добычу — скотъ и множество съѣстныхъ припасовъ. Усиленный вновь построенными у насъ и купленными за границей судами, корабельный флотъ въ 1718 году состоялъ изъ 32 линейныхъ кораблей, не считая фрегатовъ, пинковъ и бомбардирскихъ судовъ; число экипажа на одной только котлинской эскадрѣ было свыше 10.000, число орудій на нихъ же—1.436; галерный флотъ въ Або состоялъ изъ 121 галеры. Отсутствіе въ морѣ шведскаго флота позволило намъ совершать плаванія не только въ своихъ водахъ, но и безъ всякаго риска ходить отдѣльнымъ кораблямъ къ Копенгагену, Данцигу, Ростоку, Гамбургу, даже въ Англію и Голландію и, наконецъ, въ Средиземное море. Кораблемъ, впервые отправившимся въ это море, гдѣ никогда еще не развѣвался при Петрѣ русскій флагъ, былъ «Армонтъ», подъ командой капитана Блорія. Цѣлью посылки «Армонта» было установленіе торговыхъ сношеній съ Ливорно и Венеціей, гдѣ находили хорошій сбытъ русскіе товары, привозившіеся изъ Архангельска на иностранныхъ корабляхъ: икра, семга, треска, рожь, сало, воскъ, юфть, бобровая струя. Нагруженный этими товарами «Армонтъ» вышелъ изъ Котлина въ сентябрѣ 1717 года и вернулся въ Россію весной 1719 года. Успѣшное во всѣхъ отношеніяхъ плаваніе «Армонта», заходившаго въ Англію, Испанію и особенно долго стоявшаго въ Венеціи съ совершеннымъ имъ благополучнымъ переходомъ Атлантическимъ океаномъ, было прекрасной школой для экипажа, а въ смыслѣ политическомъ, какъ совершенное во время войны со Швеціей, являлось для иностранцевъ нагляднымъ доказательствомъ возраставшаго значенія нашего флота и русскаго имени.

Стоянка шведскаго флота въ своихъ гаваняхъ только облегчала нашимъ крейсерамъ захваты попадавшихся отдѣльныхъ шведскихъ судовъ. Въ 1717 г. была взята шведская шнява «Полуксъ»; въ 1718 году нашими отрядами и отдѣльными судами взято въ призъ 36 шведскихъ судовъ, изъ нихъ нѣсколько военныхъ, а остальныя съ цѣнными грузами.

По окончаніи кампаніи 1718 года оба флота расположились на зимовку: главныя силы корабельнаго — у Котлина, галерный флотъ — въ Петербургѣ и Абоскихъ шхерахъ.

Кампанію этого года Петръ заканчивалъ съ надеждой на скорый миръ, предварительныя условія котораго уже вырабатывались на Аландскомъ конгрессѣ. Ясно выраженное королемъ Карломъ стремленіе къ миру было главной причиной сравнительной сдержанности въ дѣйствіяхъ за этотъ годъ Петра, и Царь самъ писалъ объ этомъ: «Сею кампаніею могли бы великія дѣйства показать, понеже шведскаго флота не было и войско выведено въ Норвегію, и хотя конгрессъ былъ, однако жъ амнистіи не было, но не учинили для того, чтобы склонности не помѣшать шведскому королю, которую онъ тогда имѣлъ къ миру». Но неожиданная смерть въ декабрѣ 1718 года Карла XII и упорство его преемницы, королевы Элеоноры, заставили Петра, не прерывая занятій конгресса, обратиться для принужденія Швеціи къ миру—къ «великимъ дѣйствамъ».

Приступать къ этому нужно было въ расчетѣ только на свои силы: политическая обстановка слагалась теперь не въ нашу пользу. Англія къ намъ значительно охладѣла, подозрѣвая Петра въ содѣйствіи Стюартамъ, короли прусскій и польскій воздерживались отъ содѣйствія Россіи изъ личныхъ выгодъ, Данія отказалась отъ участія въ предложенномъ ей снова Петромъ совмѣстномъ нападеніи на Швецію, по плану 1716 года.

Оказавшись, такимъ образомъ, въ 1719 году въ одиночествѣ, Петръ рѣшилъ, все-таки, дѣйствовать по своему плану. Спѣшно вооружавшійся въ Ревелѣ и у Котлина флотъ началъ кампанію самой ранней весной, какъ только тронувшійся ледъ позволилъ выйти изъ гаваней. 30 апрѣля изъ Ревеля уже вышелъ на развѣдки въ море отрядъ изъ 7 судовъ подъ флагомъ капитана-командора Фанъ-Гофта. За почти мѣсячное крейсерство этому отряду удалось захватить у береговъ Швеціи 13 призовъ и сдѣлать высадку на островъ Эландъ; Фанъ-Гофтъ доставилъ извѣстіе о появленіи въ морѣ значительныхъ шведскихъ силъ и о выходѣ изъ Пилау въ Стокгольмъ трехъ военныхъ судовъ, конвоирующихъ купеческіе корабли съ грузомъ хлѣба. Графъ Апраксинъ немедленно распорядился высылкой изъ Ревеля отряда для захвата этихъ трехъ судовъ.

Отрядъ нашъ подъ командою капитана 2 ранга Наума Сенявина (корабли «Портсмутъ», «Девонширъ», «Ягудіилъ», «Уріилъ», «Рафаилъ», «Варахаилъ» и шнява «Наталія»), выйдя 15 мая изъ Ревеля, на разсвѣтѣ 24 мая между Эзелемъ и Готландомъ (ближе къ Эзелю) замѣтилъ на горизонтѣ шведовъ: это были корабль «Вахтмейстеръ», фрегатъ «Карлскронвапенъ» и бригантина «Бернгардусъ»; на кораблѣ развѣвался брейдъ-вымпелъ капитанъ-командора Врангеля. Сенявинъ немедленно поставилъ всѣ паруса и пустился въ погоню. При подходѣ къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ завязался жаркій бой, продолжавшійся 4 часа. Первымъ спустилъ флагъ шведскій фрегатъ, за нимъ бригантина, а капитанъ-командорскій корабль, пользуясь остановкой нашего отряда, успѣлъ уйти. Оставшись временно при сдавшихся шведскихъ судахъ съ двумя кораблями и шнявой, Сенявинъ остальнымъ 4 кораблямъ приказалъ догнать ушедшаго Врангеля. Погоня увѣнчалась успѣхомъ: черезъ 3 часа завязалось новое сраженіе, къ концу котораго подоспѣлъ и Сенявинъ на кораблѣ «Портсмутъ». Врангель былъ поставленъ въ два огня, отчаянно сопротивлялся, но, видя безнадежность своего положенія, и онъ спустилъ флагъ.

На взятыхъ съ боя судахъ намъ достались въ плѣнъ 11 офицеровъ и 376 нижнихъ чиновъ. Корабли наши получили въ бою поврежденія главнымъ образомъ въ мачтахъ и парусахъ, потому что шведы, желая прекратить погоню, особенно старались сбить у насъ паруса.

Въ этой побѣдѣ Петръ увидѣлъ, какъ онъ самъ писалъ Сенявину, «добрый починъ Россійскаго флота», и достойнымъ образомъ отпраздновалъ ее. Въ Петербургѣ съ крѣпости и военныхъ судовъ трижды салютовали, возвѣщая населенію о побѣдѣ; Сенявинъ изъ капитановъ 2 ранга,

минуя чинъ капитана I ранга, былъ произведенъ въ капитанъ-командоры и получилъ отъ Царя собственноручное благодарственное письмо; командиры отряда Сенявина получили слѣдующіе чины и золотыя медали съ надписью «прилежаніе и вѣрность превосходятъ сильно»; офицерамъ и командѣ роздано 11 тысячъ рублей призовыхъ денегъ.

Побѣда у острова Эзеля пріобрѣтаетъ особое значеніе по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, это была первая наша «морская» побѣда въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. одержанная не галернымъ, а корабельнымъ флотомъ и внѣ всякой зависимости отъ берега; во-вторыхъ, она тѣмъ самымъ показала извѣстное совершенство и въ личномъ составѣ, въ маневрированіи, въ управленіи строемъ и огнемъ, и въ морскихъ качествахъ нашихъ кораблей; наконецъ,—и это, пожалуй, самое главное,—побѣда была одержана не кѣмъ-либо изъ иностранцевъ, находившихся на службѣ въ Россіи и имѣвшихъ опытъ въ морскихъ войнахъ по своей прежней службѣ, а Наумомъ Сенявинымъ. Петръ могъ гордиться плодами своихъ трудовъ; побѣда Сенявина была завершеніемъ долгихъ усилій Царя вернуть русскому человѣку когда-то утраченное имъ господство и секретъ побѣды надъ врагомъ въ морѣ.

Къ общему плану кампаніи 1719 года побѣда Сенявина имѣла, конечно, косвенное отношеніе: она только увеличила на три единицы численность русскаго флота, соотвѣтственно ослабивъ шведскій, она подняла и безъ того побѣдный духъ въ нашемъ флотѣ; но главныя дѣйствія флота предстояли еще впереди.

Въ началѣ іюня вице-адмиралъ «Петръ Михайловъ», поднявъ свой флагъ на кораблѣ «Ингерманландъ», вышелъ съ котлинской эскадрой въ Ревель; въ тотъ же день гр. Апраксинъ съ галерами, зимовавшими въ Петербургѣ, ушелъ къ Гангуту. 26 іюня Царь, принявшій въ Ревелѣ подъ свою команду и ревельскую эскадру, явился со всѣмъ корабельнымъ флотомъ къ Гангуту, куда Апраксинъ, въ свою очередь, собралъ весь галерный флотъ.

Численность нашихъ морскихъ силъ у Гангута была очень внушительна и значительно превышала силы шведовъ: флотъ нашъ состоялъ изъ 21 линейнаго корабля, такого же числа фрегатовъ, бомбардирскихъ судовъ, шнявъ и бригантинъ, 132 галеръ, свыше 100 лодокъ; на корабельномъ флотѣ было экипажа 10.711 человѣкъ и 1.672 пушки; на флотѣ галерномъ до 25.000 десантныхъ войскъ.

На консиліумѣ, собранномъ Царемъ, положено было идти всѣмъ флотомъ къ Аландскимъ островамъ и отъ острова Ламеланда начать дѣйствія: или идти на Стокгольмъ, или разорять шведскіе берега, смотря по обстоятельствамъ. 6 іюля галеры, а 8-го корабельный флотъ стояли уже у Ламеланда, и для развѣдокъ къ шведскому берегу немедленно былъ высланъ крейсерскій отрядъ.

Приходъ русскаго флота къ Аланду сильно встревожилъ шведовъ. Къ Петру у Ламеланда немедленно явился посолъ королевы Элеоноры возвѣстить о внезапно явившемся желаніи ея величества о возобновленіи и утвержденіи «добраго согласія», «на резонабельныхъ и сносныхъ

кондицiяхъ». Петръ отвѣтилъ на это отправленiемъ, съ своей стороны, Остермана полномоченнымъ посломъ въ Стокгольмъ, но принятаго имъ плана дѣйствiй не измѣнилъ. 10 iюля корабельный и галерный флоты вышли къ шведскимъ берегамъ. Прикрывъ собой переходъ галеръ моремъ, корабельный флотъ вернулся къ Ламеланду, галеры же на другой день были уже у Капельшера, миляхъ въ 40 отъ Стокгольма.

Здѣсь отъ галернаго флота отдѣлился отрядъ изъ 21 галеры и 12 лодокъ съ 3500 человѣкъ десанта подъ командой Ласси, отправившiйся къ сѣверу, а гр. Апраксинъ съ главными силами двинулся къ Стокгольму. Ласси прошелъ шхерами до города Гефле, высаживая въ удобныхъ мѣстахъ десантъ, сжигая и разоряя замки, селенiя, желѣзные и мѣдные заводы, уничтожая и захватывая по пути купеческiя суда. Только въ двухъ мѣстахъ—у Капеля и у завода Леста-Брукъ—десанту пришлось встрѣтить сопротивленiе шведскихъ войскъ, но при первомъ же нашемъ натискѣ шведы поспѣшно убѣгали и оставили намъ за оба раза 10 пушекъ. По совершенномъ разоренiи всего побережья, Ласси двинулся отъ Гефле въ обратный путь и 16 августа былъ уже у Ламеланда. Потеря въ отрядѣ Ласси за весь этотъ походъ была ничтожная: 6 убитыхъ и 15 раненыхъ.

Графъ Апраксинъ 13 iюля вышелъ отъ Капельшера и двинулся на югъ отъ Стокгольма, въ обходъ крѣпости Даларэ, сжигая и разоряя все на пути, и 30-го числа былъ у Нордчепинга. За этотъ походъ Апраксинымъ были разорены и сожжены желѣзные и мѣдные заводы на островѣ Утэ, городъ Седертельге, мѣстечко Тросъ, селенiя, литейные заводы, замки и мызы, города Ничепингъ и Нордчепингъ; въ сожженномъ нами Ничепингѣ Апраксинымъ затоплены 27 шведскихъ купеческихъ судовъ; на пушечномъ заводѣ на островѣ Нэкварнъ намъ досталось свыше 300 пушекъ. 3 августа Апраксинъ двинулся обратно, снова разоряя и сжигая по пути все—правда, очень немногое—что уцѣлѣло отъ перваго разгрома; на пути къ Нордчепингу и обратно нами захватывались шведскiя купеческiя суда и присоединялись къ флоту. Графъ Апраксинъ готовился идти на Стокгольмъ, но получилъ повелѣнiе Петра ограничиться только изученiемъ подходовъ къ Стокгольму, съ тѣмъ, чтобы на будущiй годъ, если понадобится, идти къ шведской столицѣ совершенно увѣренно; теперь же, послѣ развѣдокъ у Стокгольма, галерному флоту возвратиться къ Ламеланду. Въ своемъ рѣшенiи Петръ руководствовался и стратегическими, и политическими основанiями. Дѣйствiя противъ Стокгольма удобнѣе было бы начинать не въ концѣ лѣта, а съ весны; наведенный Апраксинымъ страхъ уже заставилъ королеву просить Петра о прекращенiи военныхъ дѣйствiй; Царя, наконецъ, озабочивало присутствiе въ Копенгагенѣ англiйскаго флота, явно сочувствовавшаго теперь Швецiи: англичане могли бы помѣшать нашему корабельному флоту содѣйствовать галерамъ. Апраксинъ успѣшно выполнилъ порученiе Петра. Галернымъ отрядомъ шаутбенахта Змаевича, посланнымъ въ Стокгольмскiе фарватеры, и отрядами войскъ князя Барятинскаго и Стрекалова, высаженными на берегъ, были

изучены въ подробностяхъ и шхерные фарватеры, и подступы съ суши къ Стокгольму. Змаевичъ по-пути разорилъ и сжегъ селенія и мызы на островахъ, а князь Барятинскій, наткнувшись со своими тремя батальонами пѣхоты на сильнѣйшаго непріятеля (два полка пѣхоты и полкъ кавалеріи) подъ командой генералиссимуса принца Гессенъ-Кассельскаго, послѣ жаркаго 5-ти часового боя, самъ понеся большія потери (104

54-пуш. корабль «Полтава» 1712 года.

убитыхъ, 328 раненыхъ), обратилъ войска генералиссимуса въ поспѣшное бѣгство. За время боя отрядъ Барятинскаго подходилъ къ Стокгольму ближе, чѣмъ на двѣ мили.

Этимъ закончились дѣйствія Апраксина подъ Стокгольмомъ, и онъ, нагрузивъ галеры и захваченныя суда богатой добычей, 19 августа прибылъ къ Ламеланду, гдѣ былъ встрѣченъ Царемъ.

Свыше 20 тысячъ разоренныхъ и сожженныхъ домовъ, уничтоженные заводы, фабрики, замки, мызы, селенія, города, торговыя суда и

страхъ передъ русскимъ именемъ, наведенный отъ Гефле до Нордчепинга—вотъ результаты дѣйствій гр. Апраксина.

Ропотъ разореннаго войною народа, страхъ, пережитый въ Стокгольмѣ, когда онъ освѣщался заревомъ окрестныхъ пожаровъ, истощеніе средствъ—все, казалось бы, указывало Швеціи на необходимость заключенія мира, хотя бы и невыгоднаго; но королева, надѣясь на поддержку державъ, особенно Англіи, все еще не рѣшалась на это.

Разгромомъ шведскаго побережья окончились въ этомъ году военныя дѣйствія, и въ концѣ августа флоты отправились на зимовку: корабельный къ Котлину и въ Ревель, а галерный въ Або и, частью, въ Петербургъ. Только у Данцига продолжалъ до поздней осени свою дѣятельность Вильбоа; съ бывшими у него въ отрядѣ двумя шнявами, двумя гукорами и однимъ пинкомъ стоя подъ Данцигомъ, онъ задерживалъ выходъ изъ гавани въ море болѣе 100 иностранныхъ купеческихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ для Швеціи.

8. Кампаніи 1720—1721 г.г. Оборона русскихъ береговъ. Англо-шведскій флотъ у Ревеля. Вторичное сожженіе Умео. Сраженіе при Гренгамѣ. Набѣгъ Ласси на Швецію.

Новый 1720 годъ наступалъ въ обстановкѣ, явно угрожающей Россіи. Недружелюбная позиція, занятая Англіей первоначально изъ личныхъ счетовъ съ Петромъ, получила новое основаніе въ виду проявленныхъ нашимъ флотомъ успѣховъ, къ которымъ Англія, признанная владычицей морей, не могла отнестись равнодушно. Сочувствіе, проявленное ею къ Швеціи, принимало уже реальныя формы. Давленіе Англіи уже заставило Пруссію и Данію заключить со Швеціей миръ; такого же давленія можно было ожидать и на Россію. Хотя адмиралъ Норисъ въ 1719 году увѣрялъ Царя, что цѣлью присутствія англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ является обезпеченіе морской торговли Англіи и желаніе содѣйствовать миру между Россіей и Швеціей, но Петръ подозрительно отнесся къ этимъ увѣреніямъ; особой декларацией Царь, правда, смягчилъ условія плаванія купеческихъ судовъ Швеціи, но, съ другой стороны, уже съ осени 1719 года готовился къ оборонѣ на случай нападенія англичанъ.

Къ кампаніи 1720 года всѣ наши порты были уже достаточно защищены. Ревель, Котлинъ, Гельсингфорсъ, Либава и даже Архангельскъ готовились встрѣтить врага новыми укрѣпленіями и батареями; на рейдахъ и въ гаваняхъ заводились боны, ставились рогатки; для извѣщенія о появленіи непріятеля по всему побережью и на островѣ Гогландѣ учреждены наблюдательные посты, въ морѣ организована служба связи; Петербургъ, Котлинъ, берега Финляндіи и Эстляндіи были усилены войсками. Особенное значеніе придавалъ Царь оборонѣ Котлина: «оборону флота и сего мѣста», писалъ Петръ Сиверсу, «имѣть до послѣдней силы живота, яко наиглавнѣйшее дѣло».

Уже въ началѣ апрѣля наши корабельный и галерный флоты были готовы къ выходу въ море, и отдѣльные отряды, съ нѣкоторой опаской, стали высылаться въ крейсерство. 30 же мая передъ Ревелемъ явился,

какъ этого и ожидали, соединенный англо-шведскій флотъ въ числѣ 35-ти судовъ (изъ нихъ 25 линейныхъ кораблей) подъ командой адмирала Нориса и шведскаго адмирала Вахтмейстера. Спрошенный о цѣли своего прихода, Норисъ отвѣтилъ письмомъ на имя гр. Апраксина, что единственной его цѣлью является мирное посредничество между Россіей и Швеціей.

Но уже 3 іюня англо-шведскій флотъ поспѣшно снялся съ якоря и ушелъ къ Стокгольмскимъ шхерамъ. Весь уронъ, нанесенный намъ непріятелемъ за время стоянки въ грозной позиціи у Ревеля, заключался въ банѣ для рабочихъ и избѣ, сожженныхъ на островѣ Наргенъ шведами и задержанномъ ими же частномъ суднѣ, шедшемъ съ грузомъ вина въ Петербургъ; судно это тогда же, по приказанію Нориса, было шведами отпущено. Причина такого быстраго ухода непріятеля отъ Ревеля заключалась, какъ справедливо полагалъ Петръ, въ томъ, что 2 іюня Норису было доставлено извѣстіе о смѣломъ опустошительномъ набѣгѣ, произведенномъ на Швецію отрядомъ нашего галернаго флота. Напуганные возможностью повторенія разгрома прошлаго года и опасаясь за Стокгольмъ, шведы поспѣшили отозвать соединенный флотъ отъ Ревеля.

Набѣгъ, такъ встревожившій шведовъ, былъ совершенъ бригадиромъ фонъ-Менгденомъ. Галерный флотъ нашъ, какъ и корабельный, началъ кампанію ранней весной и къ концу апрѣля перешелъ отъ Або къ Ламеланду, отрядъ же фонъ-Менгдена (35 галеръ, 6.082 человѣка десантныхъ войскъ—пѣхоты и кавалеріи) былъ посланъ шхерами Ботническаго залива къ сѣверу, чтобы оттуда сдѣлать на противолежащій шведскій берегъ неожиданное нападеніе. Галеры фонъ-Менгдена дошли финляндскимъ берегомъ до Вазы и оттуда черезъ Ботническій заливъ обрушились на непріятельскій берегъ. За нѣсколько дней нами были сожжены городъ Умео (едва оправившійся отъ набѣга Головина) съ пригородами, 41 деревня и болѣе 1000 жилыхъ дворовъ; въ добычу взяты нѣсколько мелкихъ судовъ и до 900 головъ скота. 8 мая фонъ-Менгденъ съ галерами вернулся въ Вазу.

Въ началѣ іюля послѣдовало повелѣніе Петра о возвращеніи галернаго флота въ Финляндію, и кн. Голицынъ, уйдя отъ Ламеланда, расположилъ галеры у Гельсингфорса.

Конецъ іюля ознаменовался новой побѣдой, одержанной отрядомъ галеръ подъ командой кн. Голицына у острова Гренгама. Съ 61 галерой и 29 лодками онъ вышелъ, по приказанію Петра, на поиски непріятеля, захватившаго нашу лодку (безъ людей), сидѣвшую на мели у острова Ламеланда. Въ походѣ этомъ принимали участіе, кромѣ кн. Голицына, капитанъ Дежимонъ и бригадиры кн. Барятинскій и фонъ-Менгденъ. Въ поискахъ шведовъ наши галеры 27 іюля наткнулись въ проливѣ у острова Гренгама на отрядъ шведскихъ фрегатовъ, къ которымъ вскорѣ подошли другіе фрегаты съ вице-адмираломъ Шеблатомъ. Неожиданно атакованныя шведами, наши галеры стали отступать, но когда два изъ увлекшихся преслѣдованіемъ фрегатовъ стали на мель, а другіе все свое

вниманіе сосредоточили на томъ, чтобы только самимъ выбраться изъ тѣснаго и опаснаго для нихъ пролива, кн. Голицынъ перешелъ въ наступленіе. Послѣ упорнаго боя галеры, сблизившись съ непріятелемъ, бросились на абордажъ, и четыре фрегата—«Сторъ-Фениксъ», «Венкеръ», «Кискинъ» и «Данскъ-Эрнъ»—были взяты. Остальные фрегаты, въ томъ числѣ и вице-адмиральскій, съ большимъ трудомъ и огромными потерями успѣли спастись. На фрегатахъ взято въ плѣнъ 407 человѣкъ и найдено убитыхъ 103; наши потери—убиты 2 офицера, 80 нижнихъ чиновъ, ранено 7 офицеровъ, 196 нижнихъ чиновъ и опалены пушечнымъ огнемъ съ фрегатовъ при абордажѣ 1 офицеръ и 42 нижнихъ чина. Большинство нашихъ галеръ получили такія тяжелыя поврежденія, что по приходѣ въ Гельсингфорсъ оказались негодными къ дальнѣйшей службѣ.

Гренгамской побѣдѣ, очень обрадовавшей Петра, онъ придавалъ особое значеніе потому, что происшедшая, какъ Царь писалъ кн. Меншикову, «при очахъ господъ англичанъ», она подчеркнула уязвимость для насъ шведскаго флота даже при заступничествѣ за Швецію находившейся въ Балтійскомъ морѣ сильной англійской эскадры.

Петръ щедро наградилъ участниковъ побѣды при Гренгамѣ: кн. Голицынъ получилъ шпагу и трость, усыпанные алмазами, офицеры золотыя, нижніе чины серебряныя медали и призовыя деньги; въ память побѣды выбита особая медаль съ изображеніемъ боя и излюбленною Петромъ надписью «прилежаніе и храбрость превосходятъ силу». Петербургъ три дня праздновалъ эту побѣду и торжественно встрѣчалъ побѣдителей, приведшихъ въ Неву взятые фрегаты; въ память боя установлено вѣчное церковное празднество, совпадающее по дню—27 іюля, день св. Пантелеймона—съ Гангутскимъ.

Послѣ Гренгамскаго сраженія военныя дѣйствія въ этомъ году не возобновлялись. Корабельный флотъ расположился на зимовку у Котлина и въ Ревелѣ, галерный—въ Гельсингфорсѣ.

Наступалъ 1721-й, послѣдній годъ Великой Сѣверной войны.

Считаясь, какъ и раньше, съ возможностью нападенія на наши берега англо-шведскаго флота, Петръ и къ кампаніи этого года принялъ оборонительныя мѣры и въ то же время готовился осуществить, если по обстоятельствамъ это явится необходимымъ, прежній планъ нападенія на Стокгольмъ. Флотъ нашъ значительно усиливался вновь построенными въ Петербургѣ кораблями, увеличивался также и галерный флотъ. Только съ Англіей, въ сущности, приходилось теперь считаться Петру: флотъ шведскій, когда-то многочисленный и грозный, теперь безнадежно отсталъ отъ нашего. Въ то время, какъ весною 1721 года нашъ корабельный флотъ въ Ревелѣ и у Котлина начиналъ кампанію въ числѣ 43-хъ кораблей, изъ которыхъ 27 линейныхъ кораблей (всего на флотѣ 2.128 орудій и 16.120 человѣкъ команды), и флотъ галерный изъ 171 галеры и 4 бригантинъ,—шведы могли выслать въ море, и то на соединеніе съ англичанами, только 11 кораблей, 3 фрегата и брандеръ.

Между тѣмъ политическія обстоятельства—несочувствіе общественнаго мнѣнія, возможность вооруженнаго столкновенія съ Испаніей—сло-

Императоръ Петръ Великій въ 1716 г.

ПОРТРЕТЪ КАРАВАКА, НАХОДЯЩІЙСЯ ВЪ МОРСКОМЪ МУЗЕѢ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО „ЕДВА-ЛИ НЕ САМЫЙ СХОЖІЙ“, ПО ЗАМѢЧАНІЮ Д. А. РОВИНСКАГО, „ПОРТРЕТЪ ПЕТРА ЗА ЭТО ВРЕМЯ“. ВЪ ОТДАЛЕНІИ ИЗОБРАЖЕНЪ СОЮЗНЫЙ ФЛОТЪ (РУССКО-ДАТСКО-АНГЛО-ГОЛЛАНДСКІЙ), КОТОРЫМЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КОМАНДОВАЛЪ ВЪ 1716 ГОДУ.

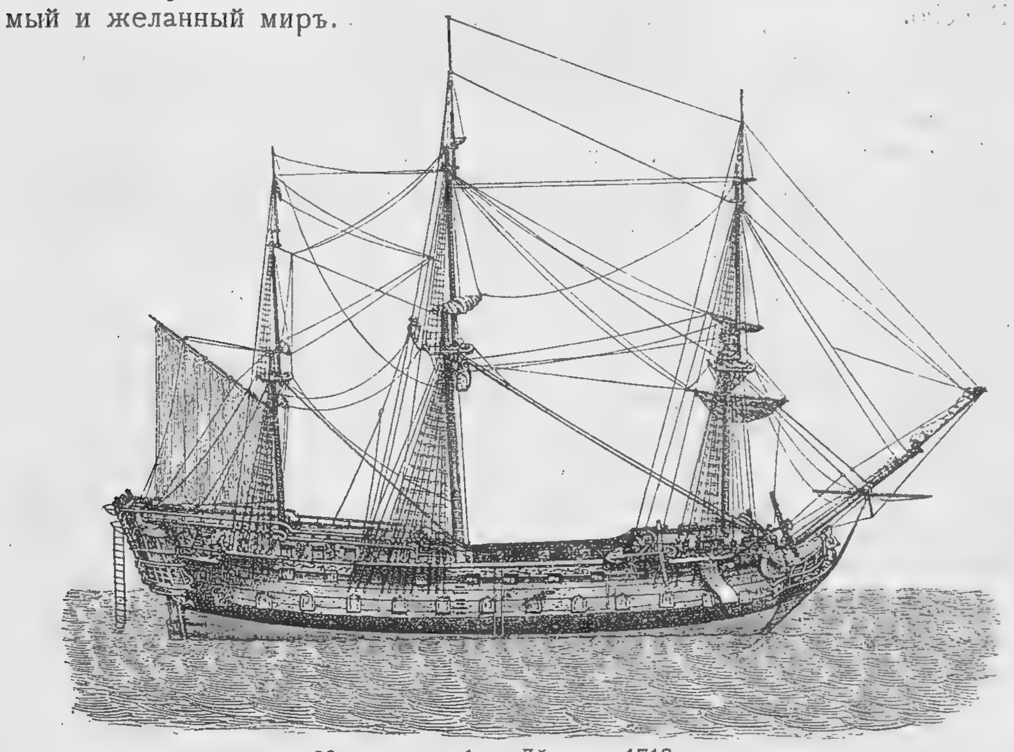
жились для Англіи такъ, что и въ этомъ году англійская эскадра, пришедшая къ концу мая къ Борнгольму, должна была вмѣстѣ со шведской оставаться только зрительницей происходившихъ событій.

Тѣмъ не менѣе приходъ англичанъ, въ связи съ успѣшныхъ ходомъ мирныхъ переговоровъ со Швеціей въ Ништадтѣ, былъ причиною того, что Петръ воздержался отъ нападенія на Стокгольмъ. Для принужденія же шведовъ къ большей уступчивости при Ништадтскихъ переговорахъ, въ половинѣ мая, еще до прихода англійской эскадры, произведенъ былъ новый разгромъ сѣвернаго шведскаго побережья.

Разгромъ этотъ порученъ былъ генералу Ласси. Выйдя 17 мая изъ Аланда съ 30 галерами и 30 лодками съ десантомъ въ 5.000 пѣхоты и 450 казаковъ, Ласси высадился у Гефле и въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ (до 8 іюля) разорилъ, почти не встрѣчая сопротивленія, все побережье отъ Гефле до Питео. Были разорены и сожжены города Новый и Старый Питео, четыре мѣстечка, 509 деревень, 79 мызъ, 334 амбара, 12 желѣзныхъ заводовъ, одинъ заводъ оружейный, 41 судно и множество лодокъ; нами захвачены 4 знамени, штандартъ, 499 ружей 7 пушекъ и 47 плѣнныхъ; за все время похода у насъ убито 3, ранено 8 человѣкъ; у шведовъ—около 100 убитыхъ.

Разгромъ продолжался бы и дальше, но былъ остановленъ приказаніемъ нашихъ уполномоченныхъ изъ Ништадта, доносившихъ, что «шведскіе министры гораздо сходнѣе стали, нежели предъ тѣмъ были», и, между прочимъ, просили, чтобъ «отъ военныхъ дѣйствій удержаться».

30 августа въ Ништадтѣ былъ заключенъ, наконецъ, давно ожидаемый и желанный миръ.



90-пуш. корабль «Лѣсное» 1718 года.

9. Значеніе флота въ Великой Сѣверной войнѣ.

Въ празднествахъ, происходившихъ въ декабрѣ въ Москвѣ по случаю Ништадтскаго мира, Петръ особенно старался подчеркнуть значеніе флота въ закончившейся войнѣ, и съ этой цѣлью устроена была великолѣпная морская процессія, съ участіемъ Императора, Императрицы, адмираловъ, придворныхъ и громадной свиты—всѣ въ маскарадныхъ костюмахъ. Десятки разукрашенныхъ судовъ двигались на полозьяхъ по снѣгу «по суху яко по морю»; на корабляхъ были отданы всѣ паруса, на галерахъ матросы гребли веслами. Восхищенная зрѣлищемъ Москва воочію видѣла подобіе флота, прославившаго русское имя въ морѣ и на далекихъ шведскихъ берегахъ. Этимъ подчеркивалось значеніе флота, этимъ укрѣплялась его связь съ сердцемъ Россіи.

Значеніе флота въ войнѣ со шведами становится болѣе нагляднымъ при сопоставленіи обстановки, въ которой была начата война, съ тою, въ которой она закончилась.

Озера Ладожское и Чудское, откуда началось наше движеніе къ морю, были при началѣ войны почти въ полной власти шведовъ; къ концу войны они имѣли стратегическое значеніе не большее, чѣмъ теперь имѣетъ для насъ, въ смыслѣ опасности для цѣлости государства, Казань,—когда-то грозная твердыня враждебнаго намъ царства.

Если въ исторіи арміи, за ту же войну, навѣки памятной останется блистательная Полтавская побѣда, то она вѣнчала собою все-таки борьбу оборонительную противъ непріятеля, котораго допустили вторгнуться въ Россію.

Флотъ, только созданный Петромъ флотъ, далъ возможность нашимъ силамъ перейти въ наступленіе, результаты котораго такъ широко были учтены при заключеніи мира.

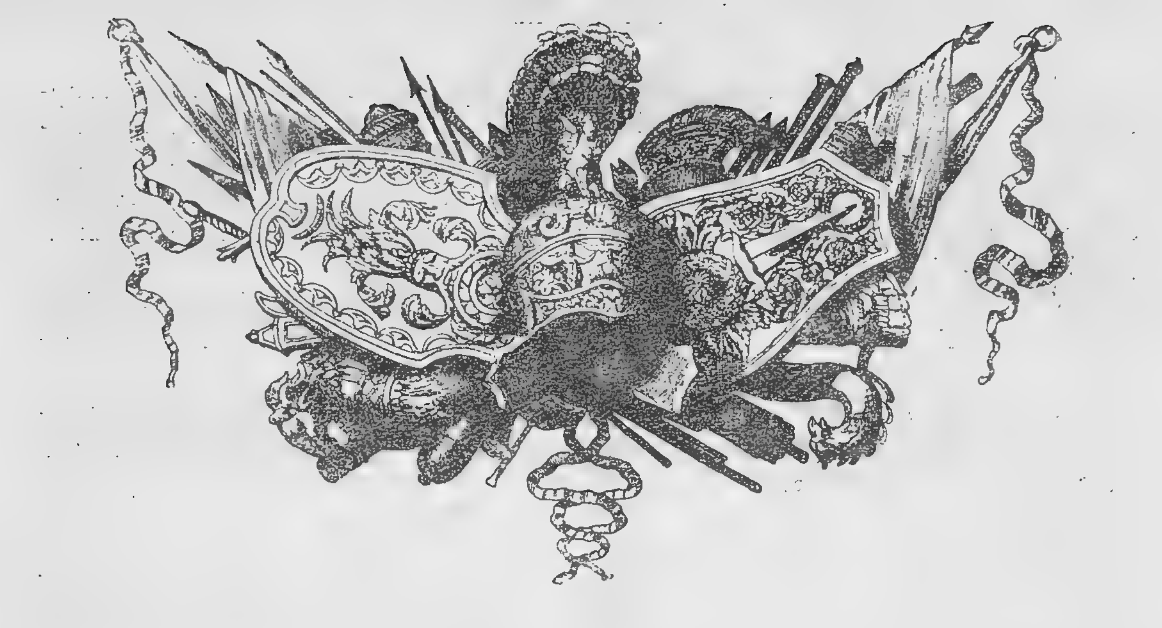
Задачи флота по отраженіи имъ шведской эскадры отъ Котлина опредѣлялись сначала содѣйствіемъ арміи въ ея операціяхъ, напримѣръ, у Выборга, но неудача этихъ операцій въ тѣхъ случаяхъ, когда пытались обойтись безъ помощи флота, придаетъ этому содѣйствію исключительное значеніе. Гангутская побѣда дала Петру обладаніе Финляндіей и господство въ Финскомъ заливѣ; ея неизбѣжныя слѣдствія—распространеніе района дѣйствія флота на все Балтійское море, отправленіе эскадры въ Копенгагенъ, дѣйствія у береговъ Помераніи, экспедиціи на Готландъ и къ Эланду, побѣды при Эзелѣ и Гренгамѣ. Если, сравнительно, малочисленны были столкновенія съ шведскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ, то это служитъ только лучшимъ доказательствомъ возраставшей силы русскаго флота, которому шведы уступали господство въ морѣ. Только наличіе сильнаго флота позволило, наконецъ, неоднократно совершать опустошительные набѣги на Швецію, угрожая самому Стокгольму. Заступничество Англіи въ послѣдніе годы войны не спасло Швецію отъ этихъ набѣговъ; смѣлость же, проявленная флотомъ въ этихъ случаяхъ, только поднимала значеніе Россіи въ глазахъ иностранныхъ державъ.

Ништадтскій миръ, перестроившій Царскую Русь въ Императорскую Россію, открылъ для Россіи широкіе пути къ прогрессу, просвѣщенію и морской торговлѣ; и русскому флоту, даже во время войны удѣлявшему часть своихъ боевыхъ силъ на поддержаніе культурной связи съ Европой, и въ этомъ отношеніи принадлежитъ громадная и почетная заслуга.

Строгому судьѣ своихъ дѣяній, Великому Петру, побѣдителю Полтавскому и Гангутскому, принадлежатъ слова, опредѣляющія значеніе флота въ Великой Сѣверной войнѣ:

«Для Бога»,—писалъ онъ князю Долгорукову о присылкѣ кораблей,—«въ семъ отправленіи крайнее попеченіе имѣй, ибо сіе дѣло самое главное въ сей войнѣ».

64-пуш. корабль «Москва» 1715 года.



II. Упроченіе положенія Россіи на Каспійскомъ морѣ. Попытки Петра Великаго выдвинуться къ океанамъ.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ.**

1. Персидскій походъ.

Счастливое окончаніе войны со Швеціей дало возможность Петру обратиться къ очередному, какъ онъ понималъ, государственному дѣлу— къ упроченію положенія Россіи на Каспійскомъ морѣ.

Политическія сношенія Россіи съ Персіей начались съ 1618 года, когда царь Михаилъ отправилъ посольство къ шаху Аббасу. Русскій посолъ, князь Барятинскій, выговорилъ для нашихъ купцовъ право торговли въ Персіи; при Алексѣѣ Михайловичѣ это право было расширено предоставленіемъ русскимъ купцамъ въ Персіи безпошлинной торговли.

Эти мирныя сношенія съ Персіей опредѣляли тогда и состояніе на Каспійскомъ морѣ русскаго мореходства. Наши суда,—а они при Петрѣ строились для Каспійскаго моря на Волгѣ еще съ 1701 года,—были спеціально грузовыя, предназначенныя для перевозки казенныхъ грузовъ и частныхъ товаровъ изъ Астрахани въ сосѣдніе персидскіе порты. Только съ 1713 года, когда у Царя явилась мысль о разработкѣ золотыхъ пріисковъ на Аму-Дарьѣ и объ изслѣдованіи водныхъ и торговыхъ путей въ Индію, началась постройка военныхъ судовъ въ Астрахани. Князь Бековичъ-Черкасскій, начальствовавшій снаряженной по мысли Петра экспедиціей, выйдя изъ Астрахани въ 1716 году, имѣлъ уже достаточную флотилію въ 74 судна, изъ которыхъ крупнѣйшими по размѣрамъ были 4 шнявы и 3 бригантины; вооруженіе флотиліи состояло всего изъ 22 пушекъ. Съ десантомъ въ 6.600 человѣкъ князь Бековичъ перешелъ съ флотиліей изъ Астрахани къ Красноводску, построилъ въ Тюбъ-Караганѣ крѣпость и впослѣдствіи, послѣ долгихъ сборовъ, направился съ отрядомъ въ Хиву. Извѣстна печальная судьба Бековича: онъ самъ

и почти весь отрядъ, по прибытіи въ 1717 году въ Хиву, были измѣннически перебиты хивинцами. Флотилія, оставленная Бековичемъ въ Красноводскѣ, участвовала въ отраженіи нападеній туркменцевъ на отряды нашихъ войскъ, а въ послѣдующіе годы суда флотиліи, служа транспортнымъ средствомъ въ нашей морской торговлѣ, въ то же время были использованы для описи береговъ Каспійскаго моря (результаты этихъ работъ, какъ новый вкладъ въ науку географіи, были отправлены, между прочимъ, въ Парижскую академію). Ко времени, когда Петръ рѣшилъ вопросъ о Персидскомъ походѣ—1722 годъ—флотилія состояла всего изъ 25 судовъ, годныхъ къ плаванію; въ личномъ составѣ чувствовался большой недостатокъ.

Отъ продолжительной смуты, возникшей въ Персіи въ началѣ XVIII вѣка, страдали и русскіе интересы, а въ 1712 году пострадали--точнѣе, были ограблены и перебиты — даже проживавшіе въ Шемахѣ русскіе купцы. Боязнь отвѣтственности передъ Петромъ заставила шаха отправить въ Петербургъ большое посольство съ подарками для Царя; Петръ отвѣтилъ на это отправленіемъ въ 1715 году въ Персію Волынскаго, и свѣдѣнія, доставленныя Волынскимъ — о непрекращающейся въ Персіи смутѣ, о необезпеченности русскихъ торговыхъ путей, о корыстныхъ видахъ на Персію Турціи, объ угрозѣ афганцевъ захватить южные берега Каспійскаго моря—убѣдили Петра въ необходимости русскаго вмѣшательства и занятія нами, для болѣе прочнаго утвержденія на Каспійскомъ морѣ, провинцій западнаго каспійскаго побережья. Офиціальной причиной похода было выставлено оказаніе помощи Персидскому шаху—по его же, дѣйствительно имѣвшей мѣсто, просьбѣ къ Петру о помощи противъ бунтовщиковъ.

Съ февраля 1722 года на Волгѣ въ разныхъ мѣстахъ началась постройка ластовыхъ судовъ и островскихъ лодокъ; все морское вооруженіе—якоря, паруса, снасти — доставлялось для нихъ изъ Петербурга, съ галернаго флота. Въ началѣ іюля въ Астрахань уже спустились по Волгѣ около 200 островскихъ лодокъ и 45 ластовыхъ судовъ съ войсками, назначенными въ Персидскій походъ. Императрица сопровождала Петра. Въ Астрахани къ этимъ судамъ присоединились находившіеся въ Каспійскомъ морѣ три шнявы, гукоръ, бригантина, три бота и 17 транспортныхъ судовъ.

Главнокомандующій генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ перевелъ всю флотилію съ войсками къ Аграханскому заливу, гдѣ была произведена высадка войскъ и оставлена часть флотиліи подъ охраной наскоро построеннаго укрѣпленія и отряда пѣхоты и казаковъ въ 1.800 человѣкъ. Другая часть флотиліи, раздѣлившаяся на два отряда подъ командою фонъ-Вердена и Вильбоа, имѣла задачей доставить артиллерію и провіантъ нашимъ войскамъ, которыя графъ Апраксинъ повелъ отъ Тарки на Дербентъ. 23 августа Дербентъ былъ взятъ Апраксинымъ; еще до взятія, къ Дербенту съ моря подошелъ отрядъ фонъ-Вердена. Буря, разыгравшаяся на морѣ, разбила болѣе половины судовъ отряда (12 изъ 21) фонъ-Вердена и весь отрядъ изъ 17 судовъ Вильбоа, находившійся у острова

Чеченя. Людей съ обоихъ отрядовъ удалось спасти; вмѣстѣ же съ судами погибла большая часть провіанта. Это стихійное бѣдствіе рѣшило вопросъ о дальнѣйшихъ движеніяхъ, и войска, оставивъ гарнизонъ во взятомъ Дербентѣ и построенной близъ него крѣпости при рѣкѣ Милекентъ, принуждены были по недостатку провіанта возвращаться въ Астрахань. При обратномъ движеніи войскъ, выступившихъ изъ Дербента 6 сентября, построено было укрѣпленіе «Св. Креста» при рѣкѣ Сулакѣ. Отъ Аграханскаго залива пѣхота на судахъ флотиліи, а кавалерія сухимъ путемъ направились къ Астрахани, при чемъ Императоръ съ Императрицей слѣдовали при флотиліи, и къ 5 октября войска и флотилія были уже у Астрахани.

Петръ сталъ готовиться къ кампаніи слѣдующаго года, разсчитывая занять, если возможно, Каспійское побережье къ югу отъ Дербента, гдѣ еще не прекращалась смута. Рѣшено было увеличить флотилію и съ этой цѣлью на Волгѣ приступили къ постройкѣ новыхъ судовъ, которыя должны были быть готовы къ началу кампаніи 1723 года. Въ Астрахани Императоръ учредилъ военный портъ и адмиралтейство, надобность въ которыхъ являлась теперь, съ расширеніемъ русскихъ владѣній на Каспійскомъ побережьѣ, неотложной.

Новое обстоятельство—обращеніе къ Россіи за помощью жителей города Гилянской провинціи Решта, которымъ угрожали мятежники—заставили Петра не откладывать своихъ плановъ на будущій годъ, а отправить немедленно отрядъ судовъ съ войсками къ Решту, для занятія Гилянской области. Въ началѣ ноября 1722 года экстренно снаряженный отрядъ изъ 14 судовъ съ двумя батальонами пѣхоты вышелъ изъ Астрахани къ Решту; отрядомъ флотиліи командовалъ капитанъ-лейтенантъ Соймоновъ, десантомъ—полковникъ Шиповъ. Петръ проводилъ отрядъ въ море, а на слѣдующій день отправился съ Императрицей по Волгѣ въ Москву.

Плаваніе Соймонова, несмотря на выдержанный его отрядомъ жестокій штормъ, совершилось вполнѣ благополучно. Появленіе на рейдѣ Решта русскихъ судовъ вызвало замѣшательство среди персидскихъ властей; послѣ переговоровъ наши суда вошли въ устье рѣки Перибазаръ, откуда Шиповъ перешелъ съ десантомъ къ Решту и занялъ его; суда же остались у Перибазара. Соймонову пришлось принять мѣры къ огражденію флотиліи отъ враждебныхъ покушеній: мятежные персы имѣли намѣреніе запереть выходъ нашимъ судамъ изъ рѣки или сжечь флотилію при помощи нефти. Бдительность Соймонова не позволила персамъ осуществить эти намѣренія.

Въ мартѣ 1723 года Соймоновъ ушелъ изъ Перибазара къ Астрахани, съ тѣмъ, чтобы по пути обслѣдовать западный рукавъ рѣки Куры, гдѣ Петръ предполагалъ устроить укрѣпленіе и городъ; для поддержанія же связи съ Астраханью находившагося въ Рештѣ отряда Шипова Соймоновъ оставилъ въ Энзелійскомъ заливѣ три судна подъ командой капитанъ-лейтенанта Золотарева.

Уходъ Соймонова придалъ мятежнымъ персамъ смѣлость и они произвели нападеніе на отрядъ Шипова, отбитое съ большимъ для нихъ

урономъ. Одновременно съ этимъ подверглись нападенію три судна, бывшія подъ командой Золотарева. Съ батареи, построенной спеціально для этого въ одну ночь, персы открыли огонь по нашимъ судамъ, стоявшимъ у берега; тутъ же, у батареи, собралось до 5.000 мятежниковъ, ожидавшихъ легкой добычи. Золотаревъ дѣйствовалъ очень рѣшительно: онъ подтянулся къ батареѣ почти вплотную и открылъ по ней и мятежникамъ такой губительный огонь, что батарея черезъ четверть часа должна была замолчать, а пятитысячный отрядъ хищниковъ немедленно бросился вразсыпную.

Послѣ этого нападенія на Шипова и Золотарева больше не возобновлялись, и наши отряды, сухопутный и морской, продолжали спокойно стоять въ Рештѣ.

Сообщеніе Астрахани съ Рештомъ, Дербентомъ и прочими занятыми нами пунктами все время поддерживалось судами каспійской флотиліи, доставлявшими изъ Астрахани подкрѣпленія, боевые припасы и провіантъ.

Лѣтомъ 1723 года по плану Петра намъ предстояло занять, все подъ тѣмъ же предлогомъ оказанія помощи шаху противъ мятежниковъ, еще одинъ важный пунктъ каспійскаго побережья—Баку, и приготовленія къ походу на Баку начались еще съ весны. Флотилія къ этому времени была пополнена вновь построенными на Волгѣ судами и насчитывала уже почти 100 судовъ—большинство мѣстнаго каспійскаго типа, сравнительно небольшого размѣра. Снаряженный въ концѣ іюня отрядъ флотиліи въ числѣ около 25 судовъ съ десантомъ вышелъ изъ Астрахани и 4 іюля прибылъ на рейдъ Баку. Главнымъ начальникомъ десантнаго отряда былъ генералъ Матюшкинъ, начальниками на судахъ флотиліи, разбитыхъ на три части, были капитанъ - лейтенанты кн. Урусовъ, Пущинъ и Соймоновъ. Съ персами начались долгіе переговоры, не приведшіе ни къ чему: бакинцы отказывались принять русскую помощь, увѣряя, что съ мятежниками они и сами справятся. 21 іюля подъ прикрытіемъ флотиліи и подъ огнемъ съ крѣпости по нашимъ судамъ часть десанта высадилась на берегъ, гдѣ сейчасъ же пришлось отбивать нападеніе персовъ, и въ тотъ же день съ судовъ началась бомбардировка Баку, продолжавшаяся до 26 числа и произведшая въ городѣ пожаръ. Крѣпость сначала отвѣчала на нашъ огонь, но вскорѣ вынуждена была замолчать, и 26 іюля, наконецъ, городъ сдался.

Занятіе нами Баку вызвало въ Персіи еще большую смуту. Афганскій вождь Миръ-Махмутъ провозгласилъ себя шахомъ; одинъ же изъ сыновей низложеннаго шаха Гуссейна, Тахмаспъ, желая при помощи Россіи утвердиться на отцовскомъ престолѣ, немедленно отправилъ къ Петру посла для заключенія договора объ уступкѣ намъ занятыхъ нами персидскихъ провинцій.

Вторая статья договора, заключеннаго въ Петербургѣ 12 сентября 1723 года, гласитъ:

«Его Шахово Величество уступаетъ Его Императорскому Величеству Всероссійскому въ вѣчное владѣніе города Дербентъ, Баку, со

всѣми къ нимъ принадлежащими и по Каспійскому морю лежащими землями и мѣстами, такожде и провинціи Гилянь, Мазондранъ и Астрабадъ».

Этими пріобрѣтеніями закончился персидскій или, какъ его тогда называли, «низовой» походъ. Участвовавшимъ въ походѣ было роздано 36 золотыхъ и 4752 серебряныхъ медали.

Интересно отмѣтить, что появленіе флотиліи на разныхъ пунктахъ каспійскаго побережья производило на персовъ иногда прямо ошеломляющее впечатлѣніе. Комендантъ Дербента, напримѣръ, по приходѣ отряда флотиліи на Дербентскій рейдъ, немедленно послалъ поздравить русскихъ съ прибытіемъ и выразить крайнее удивленіе, какъ это русскія суда могутъ такъ далеко ходить по морю.

Удивленіе это становится понятнымъ, если вспомнить ту быстроту, съ какою флотилія была создана Петромъ, не терпѣвшимъ отлагательства. «Зѣло имѣемъ нужду въ морскихъ судахъ» — писалъ Императоръ графу Апраксину—и нужда эта быстро и въ надлежащей степени была удовлетворена.

Персидскій походъ закрѣпилъ владычество Россіи на Каспійскомъ морѣ. На долю флотиліи въ этомъ походѣ выпала тяжелая роль служить перевозочнымъ средствомъ для доставленія отрядовъ войскъ на персидское побережье, снабжать ихъ провіантомъ и боевыми припасами, поддерживать сообщеніе съ Астраханью и участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ.

2. Снаряженіе экспедицій на Мадагаскаръ и къ Америкѣ.

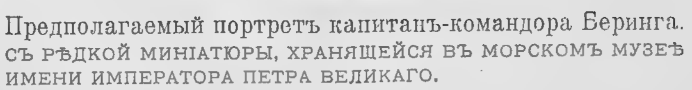
Утвержденіе Россіи на Балтійскомъ и Каспійскомъ моряхъ, давшее нашему флоту свободу мирныхъ плаваній, не остановило творческой работы Петра, не усыпило безпокойный духъ Великаго Императора. Его взору было открыто великое будущее Россіи; окно въ Европу—только въ Европу—уже не удовлетворяло его. Считая флотъ силою, которая, оберегая честь, способствуетъ процвѣтанію и обогащенію государства, Петръ не могъ не увлечься соблазнительною возможностью отправленія экспедиціи—какъ это ни странно звучитъ—на Мадагаскаръ.

Этому необычному сочетанію — Россія и Мадагаскаръ — котораго большинство русскихъ историковъ почему-то избѣгали касаться, именно поэтому слѣдуетъ удѣлить нѣсколько больше вниманія.

Въ 1618 г. Персидскій шахъ Аббасъ наказывалъ русскому послу дьяку Тюхину:

«Приказываю съ тобою словесно къ великому Государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобы оттого между нами смуты и ссоры не было; я Государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною его ссужу, но досада мнѣ на Государя вашего за то: когда мои послы были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ въ Казани и въ Астрахани запирали по дворамъ, какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ засажу

Адмиралъ Корнелій Ивановичъ Крюйсъ.
СЪ ПОРТРЕТА ВЪ МОРСКОМЪ МУЗЕѢ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.



Предполагаемый портретъ капитанъ-командора Беринга.
СЪ РѢДКОЙ МИНІАТЮРЫ, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ МОРСКОМЪ МУЗЕѢ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

такъ, что и птицѣ черезъ васъ не дамъ пролетѣть; не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ Государь вашъ оказываетъ мнѣ нелюбовъ: воеводы его въ Астрахани и въ Казани, и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго, и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ и для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло—птица ястребъ!.. Купилъ его мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купилъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдный товаръ. Вы привезли мнѣ отъ Государя своего птицъ въ подарокъ, я изъ нихъ только велю вырвать по перу, да и выпущу всѣхъ—пусть летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изубытчатъ, то я имъ тотчасъ же велю брюхо распороть»...

Персидскій шахъ, бросавшій Московскому Царю черезъ третьихъ лицъ оскорбительные упреки въ отсталости, и свысока поучавшій Царя основамъ культурныхъ международныхъ сношеній, Персія въ роли культурной наставницы Россіи въ 1618 году и Россія отправляющая экспедицію на Мадагаскаръ въ 1723—вотъ амплитуда, опредѣляющая розмахъ Россіи отъ третируемой Персіей державы до государства, вступающаго въ міровую океанскую политику.

То обстоятельство, что Мадагаскарская экспедиція не состоялась, ни въ малой степени не уменьшаетъ ея идейнаго, по замыслу, значенія.

Зарожденіе идеи о Мадагаскарѣ явилось у Петра какъ слѣдствіе тѣхъ слуховъ, которые доходили до него о дѣятельности въ Индійскомъ и Атлантическомъ океанахъ флибустьеровъ — морскихъ разбойниковъ, имѣвшихъ стройную, почти государственную, организацію и своеобразный, въ частностяхъ очень высокій, съ оттѣнкомъ рыцарства, нравственный кодексъ. Свѣдѣнія объ ихъ колоссальныхъ богатствахъ, собранныхъ, будто бы, на Мадагаскарѣ и примѣръ Англіи, Франціи и даже Швеціи, завязывавшихъ сношеніе съ флибустьерами, побудили и Петра снарядить экспедицію на Мадагаскаръ. Цѣлью экспедиціи было предложеніе протектората Россіи надъ Мадагаскаромъ, гдѣ находился центръ организаціи флибустьеровъ.

Въ ноябрѣ 1723 года было приказано изготовить въ Ревелѣ въ десятидневный срокъ къ дальнему плаванію два фрегата — «Амстердамъ-Галей» и «Кронделивде». Командирами фрегатовъ назначены капитаны Лоренсъ и Мясной, начальникомъ мадагаскарской экспедиціи — вице-адміралъ Вильстеръ. Неудачный выборъ фрегатовъ, оказавшихся непригодными, и поспѣшность, съ какою они вышли въ море, были причиной того, что фрегаты, въ концѣ декабря уже вышедшіе «на Мадагаскаръ», должны были вернуться въ Ревель и здѣсь «Амстердамъ-Галей» во время починокъ затонулъ, при чемъ въ трюмахъ погибло 16 человѣкъ. Стали готовить новыя суда для экспедиціи, но въ февралѣ 1724 года Императоромъ было повелѣно отложить снаряженіе экспедиціи «до другого благопріятнаго времени».

На этомъ дѣло экспедиціи и кончилось. Факта же, что русскіе фрегаты при Петрѣ Великомъ все-таки вышли въ море со спеціальной цѣлью идти на Мадагаскаръ—не вычеркнуть ни изъ исторіи флота, ни изъ исторіи Россіи.

Желаніе ли занять для Россіи океанскую базу или пріобрѣсти богатую колонію, стремленіе ли развить морскую торговлю съ Индіей руководило Петромъ при мысли о Мадагаскарѣ — это осталось не совсѣмъ выясненное. Ясно только то, что въ этомъ предпріятіи сказалось сознаніе Петромъ силы своего флота, силы Россіи. Только избытокъ силы могъ позволить мечтать о колоніальной политикѣ, только флотъ могъ сдѣлать возможнымъ немыслимое до тѣхъ поръ сочетаніе «Россія—Мадагаскаръ». Правда, въ мадагаскарской экспедиціи были налицо всѣ признаки политической авантюры, но авантюризмъ Петра слагался, несомнѣнно, подъ двумя вліяніями: романтическими внушеніями бродившаго въ Петрѣ древняго русскаго ушкуйника и примѣрами Голландіи, Франціи, Англіи, колоніальныя богатства которыхъ создавались тѣми же авантюрами.

Въ Петербургѣ, въ Главномъ Адмиралтействѣ, въ залѣ Адмиралтействъ-Совѣта до сихъ поръ хранятся въ особомъ ковчегѣ «грамоты королю мадагаскарскому», которыя отправлены были съ фрегатами— документы, впервые пріобщавшіе Россію къ м і р о в о й политикѣ.

«Божіею милостію», говорится въ одной изъ нихъ, «мы Петръ I Императоръ и самодержецъ всероссійскій и пр. и пр.

Высокопоставленному королю и владѣтелю славнаго острова Мадагаскарскаго наше поздравленіе.

Понеже мы заблагоразсудили для нѣкоторыхъ дѣлъ отправить къ вамъ нашего вице-адмирала Вильстера съ нѣсколькими офицерами, того ради васъ просимъ дабы оныхъ склонно къ себѣ допустить, свободное пребываніе дать и въ томъ что они именемъ нашимъ вамъ предлагать будутъ, полную и совершенную вѣру дать, и съ такимъ склоннымъ отвѣтомъ ихъ къ намъ паки отпустить изволили, каковаго мы отъ васъ уповаемъ и пребываемъ вашимъ пріятелемъ». П е т р ъ.

Отложивъ до «благопріятнаго времени» мадагаскарскую экспедицію, Петръ оставался, все-таки, подъ внушеніями идеи о выступленіи Россіи на міровомъ поприщѣ. Отъ Мадагаскара Императоръ обратился къ Америкѣ, и занимавшій его вопросъ—соединяется ли Азія съ Америкой (Петру, очевидно, не было извѣстно о плаваніяхъ Дежнева)—послужилъ поводомъ къ отправленію экспедиціи капитана I ранга Витуса (Ивана Ивановича) Беринга.

Экспедиціи къ берегамъ Сибири, сѣвернымъ и восточнымъ, отправлялись еще съ 1714 года, но этимъ экспедиціямъ не ставилось такъ опредѣленно научной цѣли, какая была указана Берингу.

Причиной такого вниманія Петра къ этому научному вопросу были безуспѣшность иностранныхъ мореплавателей, почти 200 лѣтъ добивав-

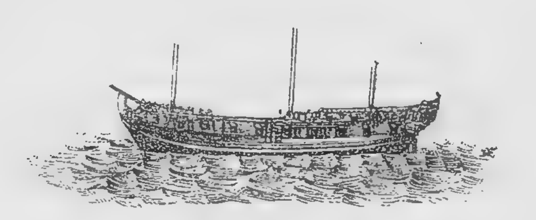
шихся открытія прохода черезъ Ледовитый океанъ берегами Сибири въ Индію, и желаніемъ, чтобы честь открытія этого прохода принадлежала русскимъ. За три недѣли до своей кончины Императоръ собственноручно начерталъ инструкцію для Беринга.

1) «Надлежитъ въ Камчаткѣ, или въ другомъ тамъ мѣстѣ, сдѣлать одинъ или два бота съ палубами.

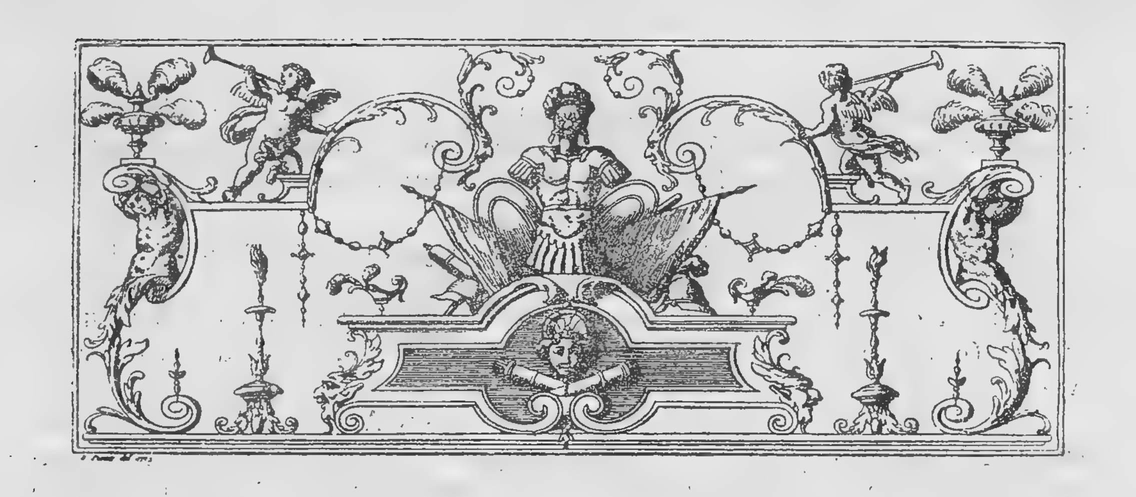
2) На оныхъ ботахъ, возлѣ земли, которая идетъ на нордъ и по чаянію (понеже оной конца не знаютъ), кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать гдѣ она сошлась съ Америкою и чтобы доѣхать до какого города европейскихъ владѣній, или ежели увидятъ какой корабль европейскій, провѣдать отъ него какъ оной кюстъ (берегъ) называютъ и взять на письмѣ, и самимъ побывать на берегу, и взять подлинную вѣдомость, и поставя на карту, пріѣзжать сюды».

Имена «Беринговъ проливъ», «Берингово море» дали въ послѣдующія царствованія научное разрѣшеніе вопроса, такъ занимавшаго вниманіе Великаго Петра.



32-пуш. фрегатъ «Крейсеръ» 1723 г.



IV. Организація и результаты дѣятельности флота при Петрѣ Великомъ.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ**.

Громадная стройная работа, завершенная къ концу царствованія Петра самимъ Императоромъ и его сотрудниками въ морскомъ дѣлѣ по организаціи флота и имѣющая и до сихъ поръ неизгладимое вліяніе на русское морское законодательство, явилась результатомъ долгихъ, тяжелыхъ усилій. Первичныя формы русской морской силы — Азовскій флотъ первыхъ годовъ—еще можно было обслуживать хозяйственнымъ, «домашнимъ» способомъ; флотъ же 1720-хъ годовъ, сложившійся въ величину, съ которой считалась Европа, требовалъ сложной и въ то же время удобной организаціи.

Высшее управленіе флотомъ. Адмиралтействъ-Коллегія. Отъ обладавшихъ, послѣ Царя, всею полнотою власти адмирала Лефорта и «адмиралтейца» Протасьева въ 1696 году перейдя «къ приказу воинскаго морского флота» (учрежденному въ Москвѣ въ 1698 году) и, затѣмъ, послѣдовательно потерпѣвъ нѣсколько существенныхъ измѣненій, органъ высшаго управленія флотомъ получилъ окончательную форму въ видѣ Адмиралтействъ-Коллегіи, учрежденной 11 декабря 1717 года; президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи назначенъ былъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, вице-президентомъ вице-адмиралъ Крюйсъ. Съ начала, недостаточно опредѣленный, кругъ дѣятельности Коллегіи былъ подробно указанъ въ изданномъ въ 1722 году Адмиралтейскомъ Регламентѣ. Этимъ Регламентомъ на Адм.-Коллегію возлагалась вся административно-хозяйственная часть морского вѣдомства: постройка и содержаніе боевой готовности флота, портовъ и адмиралтействъ, комплектованіе флота личнымъ составомъ, финансовая, учебная и лоцманская части. Въ 1725 году при Адмиралтействъ-Коллегіи существовало одиннадцать конторъ, вѣдавшихъ разнообразныя отрасли хозяйственнаго управленія: генералъ-кригсъ — коммиссаріатская (личный составъ), подрядная (дѣла о подрядахъ), казначейская, цалмейстерская

(раздача жалованья), цейхместерская (главное артиллерійское управленіе), адмиралтейская, оберъ-сарваерская (строительная), контрольная, мундирная, вальдмейстерская (завѣдываніе заповѣдными корабельными лѣсами); кромѣ того существовала особая адмиралтейская контора въ Москвѣ (дѣла о подрядахъ, денежные сборы на флотъ и пр.). На президента и вице-президента Адмиралтействъ-Коллегіи возлагалась обязанность и предоставлялись большія права по инспектированію флота, эскадръ, отдѣльныхъ судовъ, адмиралтействъ и береговыхъ учрежденій. Составъ Адмиралтействъ-Коллегіи опредѣленъ, кромѣ президента и вице-президента, въ семь, а въ крайнемъ случаѣ пять флагмановъ и капитанъ-командоровъ.

Суда петровскаго времени (корабли двухдечные и трехдечные, фрегаты, пинки, гекботы, гукоры, шнявы, бомбардирскіе корабли, прамы, галеры, скампавеи, бригантины, яхты, гальоты, эверсы, флейты, боты и др.) обладали, въ общемъ, весьма невысокими морскими и боевыми качествами. Это происходило отъ разныхъ причинъ: неопытность строителей, неправильные математическіе расчеты, спѣшность постройки, недоброкачественность матеріаловъ, разныя злоупотребленія. Суда были малаго водоизмѣщенія, малой осадки, имѣли большой дрейфъ, слабый рангоутъ, множество всякихъ надстроекъ, мѣшавшихъ управленію парусами и артиллеріей, якоря были плохо выдѣланы и слишкомъ недостаточны по вѣсу (30—40 пудовъ); артиллерія на корабляхъ была размѣщена очень неудобно, отличалась разнокалиберностью, порохъ былъ весьма плохого качества; жилыя помѣщенія на судахъ были тѣсны и не удовлетворяли основнымъ требованіямъ гигіены. Все это въ плаваніяхъ и бояхъ отзывалось частыми бѣдствіями, безуспѣшностью погони за непріятелемъ, трудностью лавировки, недѣйствительностью стрѣльбы, массовыми заболѣваніями личнаго состава.

Порты и верфи. Петербургъ—главный военный портъ; прикрытіе съ моря Кроншлотомъ и впослѣдствіи Кронштадтомъ давало возможность безопасно строить суда на Невѣ и Ладожскомъ озерѣ и дѣлало Петербургъ убѣжищемъ для зимовки и починки судовъ. Другіе порты Балтійскаго моря — Ревель и Свеаборгъ (Гельсингфорсъ), составлявшіе первую оборонительную линію Финскаго залива; были начаты работы по оборудованію порта въ Рогервикѣ, близъ Ревеля. Вопросу о выборѣ порта на Балтійскомъ морѣ Петръ придавалъ громадное значеніе, и съ этой цѣлью лично обошелъ все Балтійское побережье до Штетина включительно. Въ Бѣломъ морѣ—портъ Архангельскъ, въ Каспійскомъ, съ 1722 года—Астрахань. Судостроительныя верфи при Петрѣ находились, въ разное время, всего въ 25 мѣстахъ, и на нихъ было построено въ царствованіе Петра всего болѣе 1.000 судовъ.

Морской бюджетъ петровскаго времени опредѣленно установленъ только въ 1725 году, когда на содержаніе флота было назначено 1.400,000 рублей, и эта цифра ежегодно держалась до 1732 года. До этого же времени все необходимое для постройки флота сначала отпускалось натурою изъ приписанныхъ къ флоту городовъ, селеній и лѣсныхъ

дачъ; въ 1712 году на содержаніе флота было ассигновано 400 тысячъ, въ 1715—700 тысячъ, въ 1721 — 1.109,000, съ 1722 по 1725 годы свыше полутора милліоновъ ежегодно. Къ концу царствованія Петра расходы на флотъ составляли болѣе $^1/_3$ расходовъ на военныя нужды, составлявшихъ, въ свою очередь, отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ всего государственнаго бюджета. Поступленіе денегъ на флотъ сопровождалось большой волокитой: деньги собирались изъ 43 отдѣльныхъ мѣстъ и изъ каждаго мѣста доставлялись по 33 различнымъ статьямъ — пошлины свадебныя, кабацкія, штрафы за ношеніе бороды и пр.

Морское законодательство. Въ первые годы существованія флота какихъ-либо общихъ законоположеній, охватывающихъ совокупность морской службы, не было; при надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ давались особыя инструкціи и указанія: въ 1696 году, напримѣръ, Петромъ были составлены 15 статей для руководства командирамъ галеръ, шедшихъ къ Азову; въ 1698 году впервые является нѣкоторое подобіе морского устава—64 статьи, написанныя Крюйсомъ по датскимъ и голландскимъ образцамъ и составляющія, главнымъ образомъ, перечень караемыхъ проступковъ корабельныхъ чиновъ и наказаній, полагающихся за эти проступки. Въ 1710 году эти статьи были изданы въ нѣсколько измѣненной Петромъ редакціи, подъ названіемъ «Инструкціи и артикулы военному Россійскому флоту».

Съ 1715 года начинаются работы по составленію Морского Устава; руководствами служили морскіе кодексы англійскій, голландскій, венеціанскій, датскій, шведскій и французскій. Наиболѣе дѣятельное участіе въ работѣ принялъ самъ Царь, отдававшій этому дѣлу иногда до 14 часовъ въ сутки. Въ 1720 году работа была закончена, и уставъ изданъ подъ названіемъ «Книга Уставъ Морской, что касается доброму управленію въ бытность флота на морѣ». Содержаніе устава — права и обязанности главнаго начальника флота и его штаба; взаимныя отношенія морскихъ чиновъ; почести, отдаваемыя на корабляхъ; права и обязанности корабельныхъ чиновъ; корабельное благочиніе; уложеніе о наказаніяхъ (приложеніе — о сигналахъ и маневрированіи подъ парусами); уставъ снабженъ предисловіемъ, доказывающимъ необходимость морской силы для государства. Основныя идеи этого устава, общая его схема и духъ его неизмѣнно сохраняются въ русскомъ морскомъ уставѣ до нашего времени.

Въ 1722 году былъ изданъ «Регламентъ о управленіи Адмиралтействъ и верфи и о должностяхъ Коллегіи Адмиралтейской и прочихъ всѣхъ чиновъ при Адмиралтействѣ обрѣтаюшихся» — сводъ морскихъ административныхъ законовъ.

Учебная часть. Въ 1701 году въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ, основана была «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ» или, какъ ее называли, «навигацкая школа», отъ которой ведетъ начало (черезъ морскую академію, академію морской гвардіи, морское училище, морской кадетскій корпусъ) существующій нынѣ Морской Корпусъ; школа эта, созданная для подготовки моряковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ была первымъ

и единственнымъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи. Въ школѣ преподавали ариѳметику, геометрію, тригонометрію плоскую и сферическую, навигацію и мореходную астрономію. Въ старшихъ классахъ науки преподавалъ англичанинъ, профессоръ Абердинскаго университета, Фарварсонъ съ двумя ассистентами-англичанами, въ младшихъ—извѣстный Магницкій. Срокъ пребыванія въ школѣ былъ неопредѣленный и зависѣлъ отъ успѣховъ учениковъ, число которыхъ все возрастало, и въ 1711 году комплектъ ихъ былъ опредѣленъ въ 500 человѣкъ.

Одновременно съ подготовкою моряковъ въ Россіи практиковалась съ 1697 года посылка русскихъ «навигаторовъ» — воспитанниковъ навигацкой школы и волонтеровъ — за границу, для прохожденія курса наукъ въ Голландіи, Франціи, Венеціи и другихъ странахъ и для практическихъ плаваній на судахъ иностранныхъ флотовъ. Эта мѣра принесла прекрасные результаты: большинство навигаторовъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвращались въ Россію съ богатыми знаніями и опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ и плаваніяхъ въ Нѣмецкомъ, Средиземномъ и другихъ моряхъ, а нѣкоторые даже въ Индійскомъ океанѣ.

Комплектованіе флота. Первыя суда — мелкаго рѣчного типа — комплектовались офицерами и солдатами гвардейскихъ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго и вольнонаемными иностранцами; на галерахъ гребцами сначала были каторжане и плѣнные турки, а затѣмъ—вольнонаемные работники и солдаты. Въ 1700 году во флотѣ уже насчитывалось до 1000 русскихъ матросовъ; послѣ введенія въ 1702 году набора во флотъ (преимущественно изъ населенія, знакомаго съ морскими промыслами) число это значительно возрастало; матросы—иностранцы, которыхъ особые агенты нанимали большими партіями въ Голландіи, Англіи, на славянскомъ побережьи Адріатики и въ другихъ странахъ, обязаны были учить русскихъ морскому дѣлу, и уже въ 1715 году почти всѣ матросы нашего флота были исключительно русскіе. Офицеры комплектовались изъ учениковъ навигацкой школы, гардемаринъ Морской Академіи и навигаторовъ, возвращавшихся изъ-за границы; недостатокъ пополнялся иностранцами, приглашавшимися въ Россію съ первыхъ годовъ существованія флота, при чемъ они принимались въ Россію разными чинами, до адмиральскихъ включительно. Большинство изъ нихъ навсегда осталось въ Россіи, и въ нашемъ флотѣ и теперь существуетъ много иностранныхъ фамилій, появившихся въ Россіи въ петровскія времена.

Офицеры-иностранцы только первое время занимали сравнительно привилегированное положеніе, какъ учителя и вольнонаемные. Въ лицѣ русскихъ офицеровъ они нашли исключительно способныхъ учениковъ, отъ далекихъ предковъ унаслѣдовавшихъ естественную склонность къ морю. Уже въ 1722 году Крюйсъ, самъ обрусѣвшій норвежецъ голландской (до пріѣзда въ Россію) службы, писалъ графу Апраксину: «по мнѣнію моему ни одного иноземца въ офицеры не надлежитъ принимать, который не былъ добрымъ штурманомъ и констапелемъ, понеже здѣсь и своихъ русскихъ офицеровъ довольно есть».

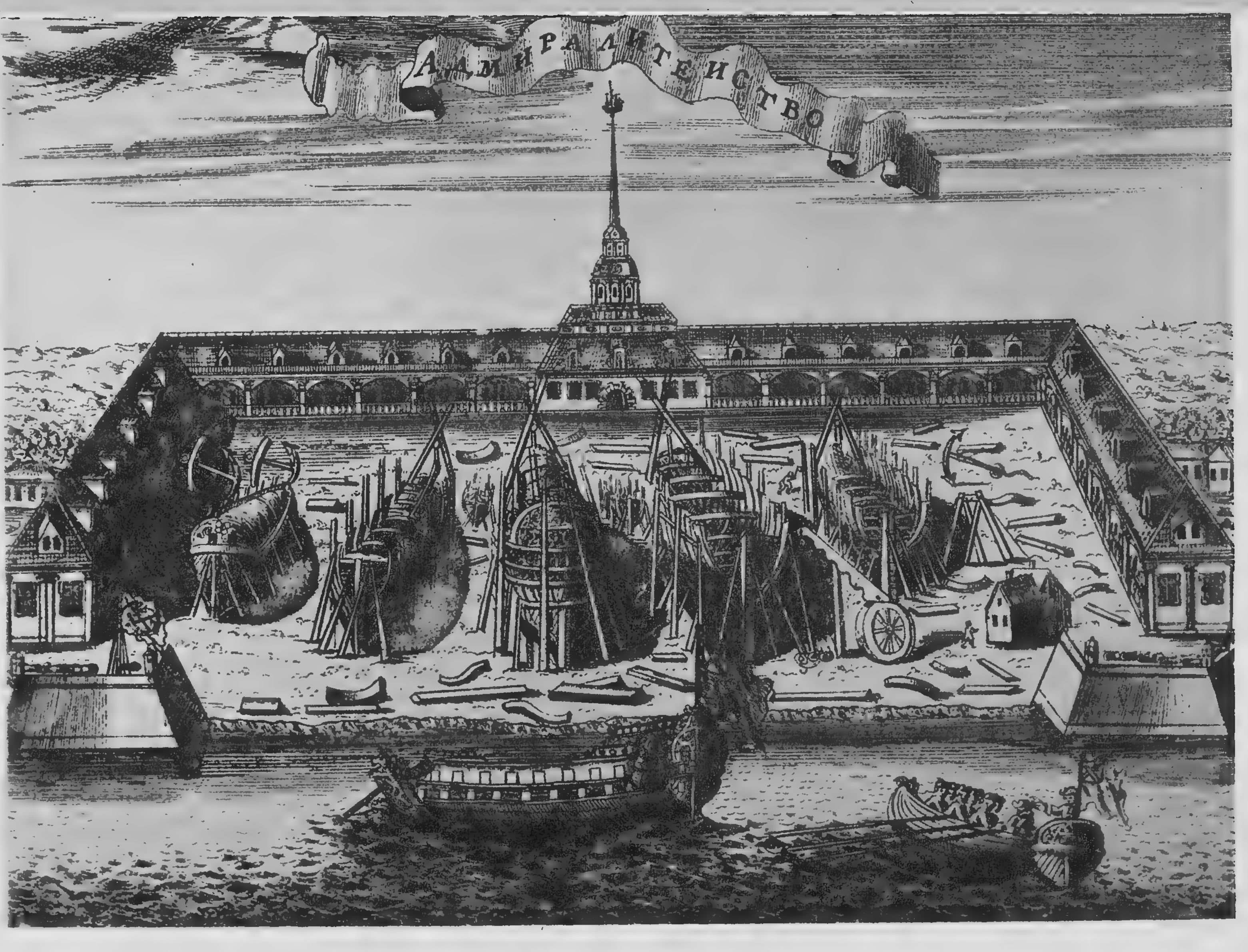
Положеніе моряковъ въ обществѣ. Офицеры флота пользовались особымъ уваженіемъ во всѣхъ слояхъ общества и прежде всего со стороны самого Петра, и Петръ подчеркивалъ это самымъ нагляднымъ образомъ. При бракосочетаніи, напримѣръ, Петра въ 1712 году многіе изъ моряковъ были шаферами: Мухановъ, Гослеръ, Попагай, Вильбоа, Мишуковъ, Сенявинъ. За параднымъ обѣдомъ по правую руку Петра сидѣлъ Крюйсъ, по лѣвую графъ Боцисъ; послы, министры, сенаторы и генералы сидѣли ниже простого корабельнаго мастера Скляева; рядомъ съ государыней сидѣла жена адмирала Крюйса и ниже ея—царевны, жена канцлера и другія знатныя дамы; къ обѣду приглашались морскіе штабъ и оберъ-офицеры со своими дамами, изъ офицеровъ же гвардіи и арміи только штабъ-офицеры, безъ дамъ. При такомъ отношеніи къ нимъ самого Царя моряки, естественно, занимали въ обществѣ первенствующее значеніе.

Въ соотвѣтственныхъ главахъ уже были указаны результаты дѣятельности флота въ войнахъ съ Турціей и Швеціей и въ Персидскомъ походѣ; указано, отчасти, также значеніе русской морской силы въ обстановкѣ мирнаго времени. Изъ событій, относящихся къ исторіи Балтійскаго флота съ 1722 по 25 годы, слѣдуетъ отмѣтить плаваніе Императора (адмирала Петра Михайлова) съ эскадрой въ Финскомъ заливѣ, торжественное свиданіе «Дѣдушки Русскаго флота»—привезеннаго изъ Москвы петровскаго ботика—съ флотомъ на Котлинскомъ рейдѣ, основаніе Кронштадта (1723), снаряженіе отряда военныхъ судовъ для плаванія во Францію и Испанію, съ цѣлью развитія торговыхъ сношеній (1724).

28 января 1725 года, въ день кончины Императора Петра Великаго, Русскій флотъ потерялъ одного изъ выдающихся своихъ адмираловъ. Горячо любившій море, Императоръ въ морѣ же, самоотверженно подавая помощь погибавшимъ въ бурную ночь подъ Лахтой людямъ, получилъ простуду, окончательно сведшую его въ могилу.

Въ «адміралѣ Петрѣ Михайловѣ» счастливо сочетались настоящій морякъ по призванію, всесторонне образованный морской офицеръ и кораблестроитель и адмиралъ, обладавшій рѣдкимъ умѣньемъ прекрасно разбираться въ самой сложной боевой морской обстановкѣ. Заслуги этого адмирала передъ Россіей—вмѣстѣ съ тѣмъ и заслуги созданнаго имъ флота; и хотя онѣ, какъ можно было прослѣдить, были безчисленны но ихъ можно свести къ двумъ главнымъ:

1) Петровскій флотъ заставилъ Европу признать и Россію государствомъ европейскимъ—въ томъ смыслѣ, что ввелъ Россію не мнимымъ, а дѣйствительнымъ коэффиціэнтомъ въ сложныя формулы обще-европейской политики. Даже Полтавская побѣда заставила считаться съ Россіей только ея ближайшихъ сосѣдей; флотъ же, своей боевой и мирной дѣятельностью, вызвалъ къ Россіи пристальное и, во многихъ случаяхъ, благотворное вниманіе со стороны Англіи, Франціи, Венеціи, Испаніи и другихъ странъ, до того времени непосредственно не заинтересованныхъ въ существованіи Россіи.



Адмиралтейство въ Петербургѣ.
СЪ ГРАВЮРЫ А. ЗУБОВА.

2) Въ отношенiи къ внутреннему строительству государства Петровскому флоту принадлежитъ заслуга довершенія дѣла собиранія Московской Руси и окончательнаго слiянія ея съ Малороссiей. До тѣхъ поръ, пока Петръ Великій съ помощью флота не утвердился на прилегающихъ къ Черному морю границахъ, въ Малороссіи постоянно появлялись стремленія къ обособленности; яркій примѣръ этихъ стремленій—Мазепа и его единомышленники въ эпоху Полтавы и уходъ казаковъ въ Турцію и на Кубань, на турецкій Кавказъ. Азовскому флоту, даже при его печальномъ концѣ, въ смыслѣ объединенія центра Россіи съ югомъ принадлежитъ неотъемлемая заслуга. Флотъ Балтійскій выполнилъ другую роль—возвращеніе государству искони русскихъ, принадлежавшихъ еще новгородцамъ, «отчичъ и дѣдичъ» земель.

Оглавленіе седьмого выпуска.

Стран.

Списокъ иллюстрацій, помѣщенныхъ въ седьмомъ выпускѣ.

При стр.

Иллюстраціи, помѣщенныя въ текстѣ.

Портретъ адмирала К. И. Крюйса, относящійся къ 96-й стр., помѣщенъ между 138 и 139 стр.

ОПЕЧАТКА.

Въ VI томѣ впереди 33 стран. помѣщенъ портретъ, подписанный:

«Фельдмаршалъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, гр. Эриванскій, кн. Варшавскій».

Слѣдуетъ читать:

„**Фельдмаршалъ графъ Федоръ Федоровичъ Бергъ**".

ИСТОРІЯ РУССКОЙ
АРМІИ И ФЛОТА
КН-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»
Т. VII.

Дефектов
нет

Дефектов нет
15/VI 45г. [illegible]

Дефектов нет
5/VIII 46г.

[illegible] 2/XII